

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 41 ОКТЯБРЬ 1982

Казахская ССР

ГОДЫ И СВЕРШЕНИЯ

ПЛОЩАДЬ — 2 миллиона 717,3 тысячи квадратных километров

НАСЕЛЕНИЕ — 14 миллионов 858 тысяч человек

НАСЕЛЕНИЕ АЛМА-АТЫ — свыше 1 миллиона человек

В республике живут граждане более 100 национальностей и народностей

ПРОИЗВОДСТВО ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ за 1940—1981 годы увеличилось в 30 раз

ПРОИЗВОДСТВО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ — в 6,5 раза

ПРОИЗВОДСТВО ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ — в 99 раз

ЧЕМ КРАЙ МОЙ СЛАВЕН

Олжас
СУЛЕЙМЕНОВ

Я смотрю на карту бывшей Российской империи и сравниваю с картой Советского Союза.

Казахстан. Когда-то, совсем недавно — шесть с половиной десятилетий назад,— окраина царской России.

Вполне политическое и почти научное название. Обоснованное и экономически: немногозначащий сырьевой придаток метрополии. Серебро и скот.

Мысль окунается в картины прошлого, чтобы сравнением омасштабить настоящее. Знание позволяет увидеть в старых контурах новый образ. Изменилась география. Появилось множество новых точек на нашей карте — городов, поселков, совхозов. Сеть железных и автомобильных дорог. Трассы воздушных путей оголубили некогда пустынный край. Каналы, водохранилища. 19 областей — экономических регионов.

И, оказывается, Казахстан находится в самом центре великой страны: с одной стороны европейская часть, с другой—вся Сибирь.

В центре. Это мы смогли увидеть только сейчас, когда уже осознали, какой поистине космический взлет, по словам Леонида Ильича Брежнева, совершила наша республика за последние десятилетия во всех областях жизни — в промышленности, в сельском хозяйстве, в культуре.

В добром соревновании республик, стартовавшем 60 лет назад, Казахская ССР вплотную приблизилась к Российской Федерации по многим показателям. Вторая по общим запасам и добыче рудных и нерудных ископаемых — нефти, угля, железа и пр. Вторая по пого-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 41 (2882)

9 ОКТЯБРЯ 1982

Продолжение см. на стр. 13.

ДРУЖЕСКАЯ ВСТРЕЧА

29 сентября в Кремле состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем ЦК Народно-революционной партии Лаоса, Председателем Совета Министров Лаосской Народно-Демократической Республики К. Фомвиханом, находящимся в Советском Союзе на отдыхе.

Руководители двух стран и партий обменялись информацией о ходе выполнения решений партийных съездов, о наиболее важных политических, народнохозяйственных и идеологических задачах, которые решают сейчас КПСС и НРПЛ, трудящиеся Советского Союза и Лаоса.

При обсуждении вопросов всестороннего развития советско-лаосских отношений была подчеркнута важность повышения эффективности экономического сотрудничества двух стран.

В ходе обмена мнениями по международным вопросам товарищи Л. И. Брежнев и К. Фомвихан выразили убеждение, что в нынешней тревожной обстановке в мире, вызванной действиями агрессивных империалистических сил, в первую очередь администрации США, необходимо и возможно остановить и уменьшить преднамеренно и искусственно созданную напряженность, сберечь и упрочить мир.

Встреча прошла в братской, сердечной обстановке. В ней приняли участие секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров и помощник Генерального секретаря ЦК НРПЛ Инпонг Суринпхуми.

Во время встречи.

Фото Э. Песова (ТАСС)

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР 4 октября в Москву прибыла с официальным дружественным визитом партийно-государственная делегация Социалистической Республики Вьетнам во главе с членом Политбюро ЦК КПВ, Председателем Государственного совета СРВ Чыонг Тинем.

На аэродроме гостей встречали член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцев, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, другие официальные лица.

На снимке: встреча в аэропорту.

Фото А. Гостева

КОГДА ПРЕЗИДЕНТ «НЕ ПОМНИТ»

«Нападавших было около 200—300 человек. Они были одеты в форму ливанских вооруженных формирований и даже рисовали на стенах их эмблемы. Но тем не менее мы узнали их. Это были израильтяне...» Такие показания давали в один голос палестинцы и ливанцы — немногие оставшиеся в живых свидетели кровавой расправы над мирным населением лагерей беженцев Сабра и Шатила.

«Подъехав со стороны аэропорта и спортивного городка,— сказал один из свидетелей,— израильтяне ворвались в лагеря на военных машинах, ножами и штыками принялись уничтожать невинных людей...» Мир содрогнулся, когда пришли первые сообщения об этом злодеянии. Но список жертв, подлинные масштабы трагедии и по сей день остаются неполными.

В Израиле тем временем принимают срочные меры с тем, чтобы загладить, а по возможности и полностью снять с себя вину за содеянное. Премьер-министр Бегин принял решение провести «полномасштабное юридическое расследование» резни в Бейруте. Характерно, что это решение было принято после того, как в самом Израиле прошли демонстрации протеста, в которых приняли участие около 400 тысяч человек. Цель этой вынужденной меры предельно ясна: выиграть время и укрепить явно пошатнувшиеся позиции правительства. Лондонская «Таймс» назвала этот шаг «политическим сальто, продиктованным потерей доверия к кабинету как внутри страны, так и за рубежом». По словам другой английской газеты, «Дейли телеграф», «сдавшись под давлением требований о проведении расследования, Бегин смог избежать крушения шаткой правительственной коалиции в Израиле».

Как и всегда в подобных случаях, на помощь своему зарвавшемуся другу поспешили Соединенные Штаты. Выступая на днях на пресс-конференции, президент США Рейган вновь заверил израильских лидеров в своей полной поддержке. Вот характерная выдержка из его выступления:

ВОПРОС. Почему вы дали нашему представителю в ООН приказ голосовать против проведения расследования с целью выяснить, как все это произошло и почему?

ОТВЕТ. Как я понимаю, с этим расследованием были связаны такие вещи, за которые мы никогда не голосовали и не будем голосовать,— это санкции и голосование за исключение Израиля из ООН. Я не помню сейчас точно, что именно заставило нас голосовать против...

Итак, президент «не помнит». Такую, с позволения сказать, плохую память на важнейшие события тотчас и по достоинству оценили в Израиле, отметив «дружественный тон высказываний» президента.

Политическое прикрытие США было и остается решающим фактором при планировании и проведении Израилем своих преступных авантюр. Отсюда вытекает вполне логичный вопрос: какие новые страдания принесет народам Ближнего Востока агрессивная политика израильского руководства в сочетании с полной ее поддержкой администрацией США?

Горе палестинцев.

ГОЛОС НАРОДОВ

Все больший размах приобретает во многих странах Западной Европы движение сторонников мира. Вопросы разоружения, продолжения процесса разрядки волнуют прогрессивную общественность континента. Массовые манифестации, участники которых требуют от своих правительств отказа от любого содействия реализации натовских планов размещения в Европе новых ядерных средств средней дальности и принятия конкретных шагов по разоружению, проходят во многих европейских столицах.

Фото АП — АДН — ТАСС

ДАНИЯ

Участники антивоенной манифестации в Копенгагене с лозунгами: «Нет — ядерным ракетам НАТО!», «За безъядерную зону на севере Европы!»

ФРГ

Колонны демонстрантов неподалеку от здания бундестага в Бонне.

ФРАНЦИЯ

«Мир — переговоры — разоружение!» — скандируют на улицах Парижа люди всех возрастов и профессий.

Отчитывается партийное бюро. На трибуне — секретарь партийной организации С. П. Астанин.

ПАРТИЙНЫЙ РАЗГОВОР

П. АЛЕКСАНДРОВ,
фото А. ГОСТЕВА

РЕПОРТАЖ С ОТЧЕТНО-ВЫБОРНОГО СОБРАНИЯ

С интервалом в несколько минут комната наполнялась характерным шумом проходящих мимо поездов. Люди посматривали в окно, за которым мелькали вагоны,— сказывался профессиональный интерес. В зале сидели коммунисты Московско-Павелецкого участка энергоснабжения Московской железной дороги — рабочие и служащие, которые следят за бесперебойным снабжением железной дороги электроэнергией.

Вот уже несколько лет кряду Московско-Павелецкий энергоучасток работает по-ударному. Задание первого года одиннадцатой пятилетки и план шести месяцев нынешнего года выполнены досрочно. Участку за высокие производственные успехи присвоено звание «Образцовое предприятие города Москвы».

Каковы слагаемые успеха? Где они, еще не использованные резервы, способные дать новый импульс для успешного выполнения пятилетнего плана, задач, которые ставит партия? Об этом вели речь на своем отчетно-выборном собрании коммунисты энергоучастка.

Деловой и принципиальный анализ показал, что на предприятии правильно ориентируются на дальнейшее развитие социалистического соревнования, активное внедрение в практику передовых, высокоэффективных методов труда. При действенной помощи коммунистов — здесь почти каждый седьмой работник член партии — поддержана инициатива передовых коллективов всей Московской железной дороги превратить предприятия в объект гарантированной безопасности движения поездов. На Московско-Павелецком энергоучастке был внедрен метод выдачи лучшим цехам «гарантийных паспортов», что резко улучшило качество работ всего производства. «Экран соревнования» внимательно следит — кто в лидерах, а кто в отстающих. Это помогает своевременно выявить просчеты в работе.

— Но всегда ли передовой опыт находит широкое и оперативное применение у нас в хозяйстве? — поставил вопрос в отчетном докладе перед коммунистами секретарь партбюро участка С. П. Астанин. И тут же напомнил о пожелании Леонида Ильича Брежнева, вы-

сказанном им на торжественном заседании в Баку, которое было посвящено вручению Азербайджанской ССР ордена Ленина, провести отчетно-выборную кампанию в партии под знаком деловитости и конкретности, критической оценки достигнутых результатов.— Нужно со всей партийной принципиальностью сказать,— продолжал Астанин,— что и у нас на пути нового нередко встает косное, инерционное мышление, формалистский подход к делу. Какой же нам, коммунистам, нужно сделать вывод? А вывод один — партийному бюро следует решительнее использовать право контроля за работой администрации по выполнению требований партии и правительства, принципиальнее реагировать на недостатки в стиле руководства производством, давая им должную партийную оценку.

Бережливость — черта коммунистическая. Строжайший режим экономии — один из мощных рычагов высокоэффективного производства. Более 140 тысяч киловатт-часов электроэнергии сэкономлено на участке только в этом году.

— Цифра внушительная,— заявил с трибуны собрания электромеханик цеха автоблокировки В. В. Груданов.— Но это вовсе не означает, что все возможности экономии электроэнергии исчерпаны. Я знаю, что группы народного контроля при проверке цеха Михневской дистанции контактной сети, механической мастерской, Бирюлевского энергорайона не раз обнаруживали факты безответственной эксплуатации электросети, когда работали вхолостую приборы и станки, светили, пока не перегорят, лампочки... Экономия не может быть только в большом или малом, экономия должна быть во всем. А это зависит целиком от человека, насколько сознательны люди, распоряжающиеся, например, той же электроэнергией. Поэтому считаю, что первейшей заповедью каждого коммуниста должно стать воспитание чувства хозяина у всех работающих на нашем предприятии.

О необходимости усилить политико-воспитательную работу в коллективах говорил и коммунист В. Б. Финогенов:

— Нам надо смелее браться за нравственные, моральные проблемы. В цехах еще не изжиты случаи нарушения трудовой и производственной дисциплины, лодырничанья, разгильдяйства, пьянства, хищения народного имущества. Партиец обязан остро реагировать на такие негативные явления...

Мы живем в такое время, когда коммунист должен дать ответ на самые животрепещущие и острые проблемы времени, возникающие в коллективе. И ответы эти, отмечали коммунисты, должны содержать деловые, конструктивные предложения.

— Не так давно к нам в цех пришли новички из ГПТУ,— поделился своими соображениями начальник куста тяговых подстанций Барыбино — Михнево С. М. Бугаков.— Молодые ребята, а замечаю, работают с прохладцей. Дальше — больше... Начались прогулы. Как быть? Общими рассуждениями делу не поможешь. Наказать рублем? Но ребята только начинают свою рабочую биографию... Не выход! Выход нашли. Его подсказали коммунисты. Пришли к выводу, что необходимо переходить на бригадный подряд. Работа в бригаде на один наряд пробудит у ребят интерес к делу, заставит быть более дисциплинированными и ответственными — ведь теперь прогул ударит больно по всему коллективу. Побеседовали с самими ребятами, смотрю, в глазах интерес появился. «Вот это хорошо,— говорят,— это нам подходит. Серьезного дела хочется». Сейчас утрясаем дела с организацией подряда. К концу года думаем трудиться по-новому.

Так должно быть на любом участке производства, где трудятся коммунисты. Работать творчески, инициативно, бескомпромиссно к любым нарушениям норм жизни социалистического общества, быть всегда на переднем крае, знать и уметь разрешить самые острые повседневные проблемы — первейший долг члена партии. Таково было единодушное мнение всех коммунистов на собрании.

«SOS» ПРИНИМАЕТ КОСМОС

...Разбитый самолет лежал на земле, а тяжело раненные люди тщетно пытались по радио вызвать помощь. Три канадца из провинции Онтарио — Г. Химскерк, Д. Зейглехейм и Г. Ван Амелсвурт — потерпели аварию над территорией Британской Колумбии. Однако по назначению их сигналы бедствия не дошли.

Дошли сигналы другие. Их автоматически посылал аварийный передатчик, про который экипаж, наверное, и вовсе забыл. Эти-то сигналы бедствия и принял советский спутник Земли, автоматически обработал и переадресовал по назначению. Вскоре к месту аварии вылетели спасатели.

Летом этого года скупые строки сообщения ТАСС известили о том, что на околоземную орбиту выведен очередной спутник серии «Космос» с порядковым номером 1383. Аппаратура, установленная на его борту, предназначена для отработки системы определения местоположения судов и самолетов, терпящих бедствие...

Статистика свидетельствует, что шансы на спасение у потерпевших аварию в авиакатастрофе равны 50 процентам, если помощь подается в течение восьми часов, и падает до 10 процентов, когда этот срок увеличивается до двух суток.

Согласно данным организации «Ллойдс реджистер оф шиппинг», ежегодно в результате кораблекрушений, пожаров и столкновений на акваториях планеты гибнут около 380 судов общим водоизмещением 2 миллиона регистровых тонн. Известно также, что 25—30 судов ежегодно гибнут, не успев подать сигнал бедствия. В целом по земному шару в море ежесуточно находится 25 тысяч судов, на борту которых около одного миллиона человек. А если прибавить и воздушный транспорт?

Как космические спутники могут, кроме всех своих «земных» профессий, работать еще и спасателями, наш корреспондент Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ попросил рассказать председателя Всесоюзного объединения «Морсвязьспутник» Ю. С. АЦЕРОВА.

— Не следует думать,— сказал Юрий Сергеевич,— что спасение канадцев стало закономерным итогом работы налаженной космической системы. Будем откровенны: экипажу в определенной мере повезло. Почему? Потому что место аварии оказалось в зоне радиовидимости с борта спутника «Космос-1383». Будь в космосе два таких спутника, вероятность обнаружения канадцев значительно повысилась бы, а если четыре — тем более. Повезло им и в том, что на их самолете был обычный радиобуй, из тех, что пока устанавливаются на морских и воздушных судах и служат для передачи аварийных сигналов самолетам и вертолетам аварийно-спасательной службы, а значит, и на сравнительно небольшие расстояния.

— А когда началась работа над созданием международной спутниковой системы?

— В 1977 году, когда специалисты СССР, США, Канады, Франции приступили к созданию системы, главная цель которой — оказание помощи потерпевшим катастрофу в воздухе или океане. Проект получил название КОСПАС — SARSAT. Как русская, так и английская аббревиатура означают «поиск и спасение с использованием спутников».

Разработали схему. На каждом судне или летательном аппарате должен находиться специальный радиобуй, который 48 часов будет работать после аварии и каждые 50 секунд посылать сигналы. Эти аварийные сигналы принимаются спутником, предварительно расшифровываются на борту и направляются на специальные наземные станции. Спасательные службы получат координаты места происшествия с точностью 2—3 километра, то есть вполне достаточной для быстрого выхода на цель, а вернее — для быстрого обнаружения радиобуя, потому что если судно или самолет ушли под воду, то на поверхности вместе с людьми на лодках или плотах неизменно остается автономный радиобуй.

Нетрудные расчеты показали, что для полного охвата территории планеты будет достаточно четырех спутников, одновременно несущих дежурство. Орбиты их должны быть околополярными с высотой около 800—1000 километров над поверхностью Земли. Период обращения такого спутника составит при этом около 1 часа 45 минут. Здесь нужно пояснить. Идеально полярная орбита — это та, что проходит строго над Северным и Южным полюсами, когда плоскость полярной орбиты перпендикулярна плоскости земного экватора. В нашем же случае угол между плоскостями орбит должен быть чуть меньше прямого. Каждый из четырех спутников охватит взором своего радиоока круг диаметром 6 тысяч километров.

Заметим также, что Земля под спутником также вращается, потому каждый следующий виток оказывается смещенным над ее поверхностью по сравнению с предыдущим по долготе, а значит, приемная радиоантенна космического аппарата «видит» все новые и новые участки. Таким образом, под радиоконтролем будет находиться практически вся обитаемая поверхность земного шара. Пока же в космосе работает лишь один такой спутник — советский, при помощи которого были спасены канадцы.

— Чем будут отличаться новые радиобуи, сигналам которых надлежит быть принятым в космосе?

— В частности большей мощностью и надежностью передатчика. Кроме того, его сигналы будут содержать информацию о названии, типе и государственной принадлежности аварийного судна. Все это неизбежно повысит быстроту и надежность его обнаружения. Наземные станции приема будут находиться в различных районах земного шара. Уже готовы станции в Москве, Тулузе, Оттаве, Сан-Франциско, Сан-Луисе, на Аляске, в Тромсё (Норвегия). Заканчивается строительство станций в Архангельске и Владивостоке. Между действующими станциями проводятся регулярные совместные тренировки. В различных районах территории СССР находятся аварийные радиобуи нового типа, сигналы которых улавливаются «Космосом-1383» и направляются на станции приема. Надо сказать, что точность обнаружения оказалась даже выше расчетной.

В скором времени мы начнем испытывать радиобуи на судах в различных районах акватории Мирового океана, а также буи, свободно плавающие на воде, имитируя тем самым реальную ситуацию гибели судна.

— Таким образом, главные разработки уже выполнены, остается только вводить в строй и совершенствовать технику?

— Я бы сказал, что принципиальные усовершенствования были заложены как бы изначально. Система после ввода в строй должна обеспечивать поставленные задачи. Остается не так уж много. Так, например, в дальнейшем предполагается установка на радиобуях устройств для их пеленгования, благодаря которым судоводитель или штурман, скажем, с помощью своего радиолокатора выйдет на цель еще быстрее и точнее. Сделать такое устройство можно, но все задачи решаются поэтапно, всему свое время.

— Юрий Сергеевич, мы говорим только о морских и авиационных судах. Но можно предположить, что круг внимания и забот системы КОСПАС — SARSAT расширится, не так ли?

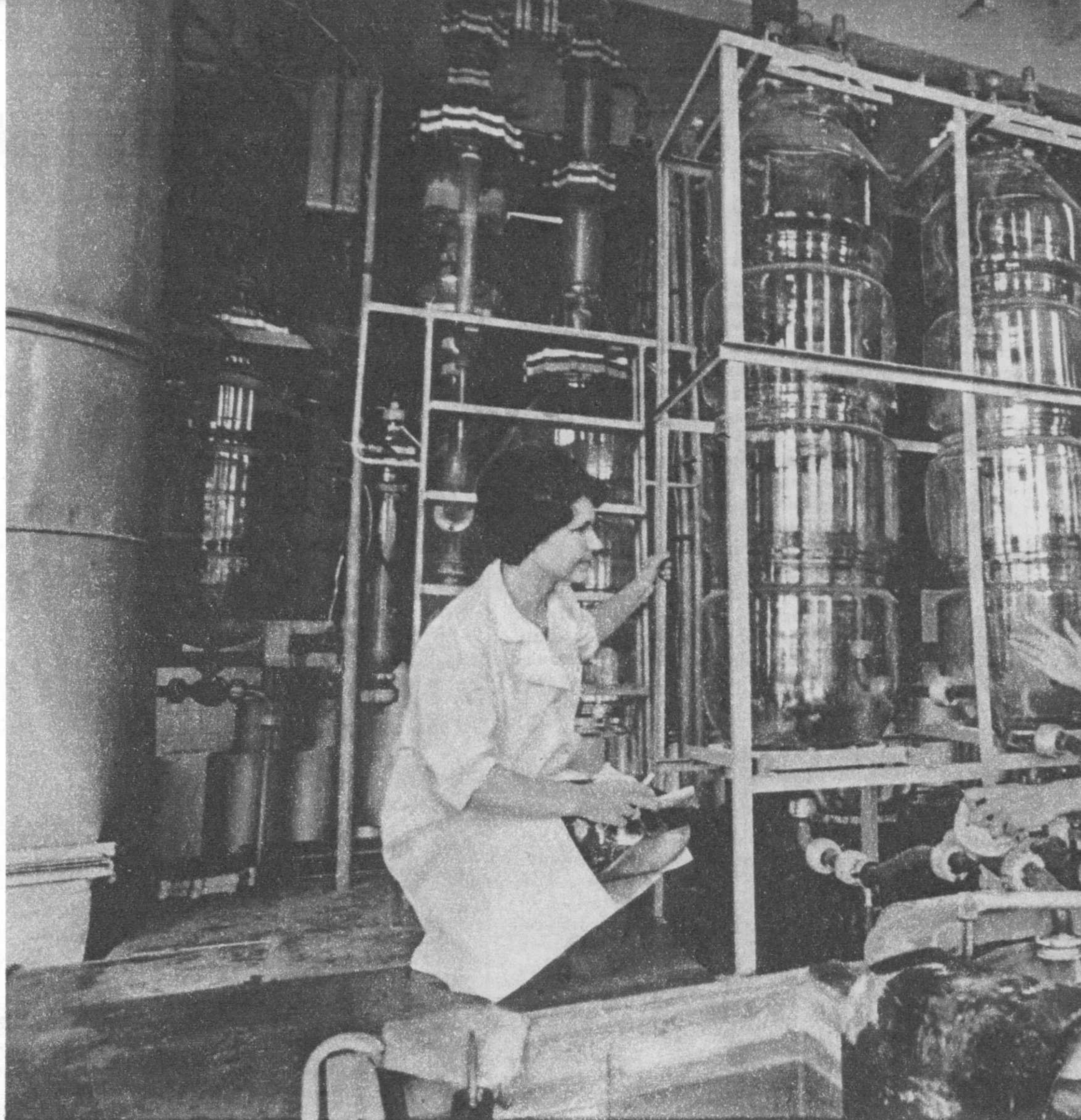
— Так. Много экспедиций странствуют по свету в отдаленных районах. Думаю, со временем и они будут «обрастать» нашими радиобуями.

— Один из четырех спутников системы уже работает. Когда будет введен в действие следующий?

— Согласно договоренности, наши американские коллеги должны были вывести свой спутник летом нынешнего года. Однако, извинившись, они перенесли запуск на февраль следующего года.

Народный артист СССР Махмуд Эсамбаев.

Гальванический участок завода «Электроприбор».

Виноградные вина Чечено-Ингушетии славятся далеко за ее пределами.

Виталий ЗАСЕЕВ, фото автора

Чечено-Ингушетия торжественно отмечает 60-летие своей автономии и 200-летие добровольного вхождения в состав России. Моим попутчиком в поездке по республике — мне повезло — был выдающийся танцовщик, народный артист СССР Махмуд Алисултанович Эсамбаев. В его судьбе отразились те завоевания социализма, которые даруют советскому человеку и право на труд, и право на свободу художественного творчества, и право на образование, и право участвовать в управлении государственными и общественными делами... Выходец из беднейшей, малограмотной семьи, Махмуд Алисултанович Эсамбаев сегодня не только признанный всеми талант, но и достойный представитель народовластия, депутат Верховного Совета СССР.

Мы едем с ним по главной улице Грозного, носящей имя В. И. Ленина, и артист с удовольствием говорит: помнится, совсем недавно здесь был район хибар и завалюх — довоенное наше наследство. А сегодня...

Широкая магистраль с многоэтажными белоснежными домами, тенистые бульвары, хорошо одетые люди, множество детворы — таково первое впечатление от встречи с городом.

— У нас строят дома, как правило, с трех-, четырех-, а то и пятикомнатными квартирами,— рассказывает М. Эсамбаев.— Чеченцы и ингуши любят детей, и, когда у тридцатилетних родителей бывает по семь-восемь малы-

СОВЕТСКОЙ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ — 60 ЛЕТ

ОПОРА-В

Знатная производственница «Электроприбора», коммунист Хамсат Шарипова.

Лучший в республике детский комбинат «Сказка» расположен в Наурском районе.

БРАТСТВЕ

шей в доме, это никого не удивляет. Лично я в этом усматриваю не только заботу кавказцев о продолжении своего рода, но в первую очередь их твердую уверенность в завтрашнем дне. Немало встречал я за границей людей, которые не могли позволить себе одного-единственного ребенка только потому, что были обеспокоены возможностью из-за его болезни потерять работу.

Стоит Эсамбаеву остановить машину и выйти из нее, как его тут же окружают земляки, приветливо здороваются, с достоинством отвечают на вопросы. Но вот Махмуд Алисултанович сам поспешно идет навстречу человеку, дружески обнимает его, расспрашивает о житье-бытье. Николай Иванович Ведерников — старший оператор, нефтепереработчик, Герой Социалистического Труда, много лет живет и работает в Чечено-Ингушетии, воспитал не одно поколение нефтяников и сегодня возглавляет социалистическое соревнование в честь 60-летия образования СССР среди рабочих производственного объединения «Грознефтеоргсинтез», чья продукция отправляется более чем в тридцать стран мира.

Узнав, что М. Эсамбаев показывает город корреспонденту «Огонька», Н. Ведерников оживляется:

— Бывая в Москве, я иногда слышу незаслуженные упреки в адрес Грозного,— говорит Николай Иванович.— Люди, давно не приезжавшие к нам, живут старыми воспоминаниями о неуютном, загазованном городе. Сегодня Грозный — один из самых зеленых городов на Северном Кавказе. И это неудивительно, ведь на охрану природы и окружающей среды у нас в республике ежегодно расходуется до 25 миллионов рублей. Когда я об этом рассказывал на XXVI съезде партии, делегатом которого был, многие поздравляли меня.

В разговор вступает М. Эсамбаев:

— Однажды во Франции, узнав, откуда я родом, мой собеседник, решив блеснуть своими знаниями, заявил: «Чечено-Ингушетия дает лучший парафин для свечей. Сам папа римский предпочитает, чтобы в его соборе горели свечи только из вашего парафина». А когда я ему рассказал, что республика сегодня — это и современнейшие автоматизированные системы управления производством, и высоконадежные электросверлильные машины, и пользующиеся огромным спросом за рубежом нефтеаппараты, и точнейший медицинский инструмент, и машины с программным управлением, и многое другое,— мой собеседник растерялся...

...Через несколько дней вместе с М. Эсамбаевым мы отправились по районам республики, и я с радостью увидел, как неувядающий талант и мастерство замечательного танцора зажигали сердца людей. Эсамбаев охотно выступал перед чабанами и свекловодами, трактористами и виноградарями. Когда после одного концерта к нему с благодарностью обратился знаменитый картофелевод республики Герой Социалистического Труда Артаган Албогачиев, Эсамбаев смутился.

— Это я тебя должен благодарить, что ты пришел на мой концерт,— сказал Махмуд Алисултанович.— Для таких, как ты, я готов танцевать без устали...

За время поездки по республике я познакомился и подружился со многими интересными людьми. Запомнился бывший связист, а ныне директор совхоза «Родина» Петр Максимович Крутов, двадцатилетним парнем ставший Героем Советского Союза. Полюбился старший чабан Мады Бахмадов — прекрасный рассказчик и гостеприимный хозяин, чья нелегкая работа отмечена Золотой медалью «Серп и Молот». Навсегда врезался в память образ Евдокии Прокопьевны Латыш, человека трудной судьбы, большого и доброго сердца. Скромная, застенчивая, Е. Латыш четверть века печет хлеб, за что и удостоена высшей правительственной награды — ордена Ленина.

— За годы Советской власти наша республика сказочно шагнула вперед, и это мы видели в поездке,— говорил, прощаясь со мной, Махмуд Эсамбаев.— Избрав свой путь вместе с Россией, Чечено-Ингушетия навсегда определила свою судьбу, дарящую людям счастье.

ЮРИЙ ПИМЕНОВ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Замоскворечье... Июль 1976 года. Только что прошумел летний дождь... Мы шли с Юрием Ивановичем Пименовым по улице, на которой он родился. В синих лужах плыли розовые рваные облака и опрокинулись маковки куполов церкви Ивана Воина, где, по обычаю, нарекли новорожденного Георгием. Это было очень, очень давно.

— Вот этот клен,— сказал живописец и показал на огромное дерево,— я посадил мальчишкой.

Зеленое кружево ветвей бросало веселые сиреневые тени на мокрый асфальт.

— Кажется, Стерн писал,— задумчиво проговорил художник,— что человек должен родить ребенка, посадить дерево, построить дом и написать книгу... Я почти все это сделал,— улыбнулся Юрий Иванович,— если считать домом мои полотна, которые я «строю» уже больше полувека...

Порыв ветра тряхнул ветку «пименовского» клена, и нас обрызгало теплой июльской капелью. Солнце пробилось через тучку, засверкала умытая старая Москва — маленькие особняки со смешными пузатыми колоннами, старинные серые доходные жилые дома с открытыми окнами. В голубых стеклах скользили бегущие облака и отражался большой мир нашего города, такого знакомого, таинственного, родного и порою сурового.

Мы вышли на мост. Широкое московское раздолье раскрыло свои теплые, еще влажные от дождя ладони. Дымка окутала дали, там шел ливень. Удивительная юная свежесть красок веселила, радовала душу.

— Люблю дождь,— сказал Пименов,— недаром в народе верят, что в дождь хорошо уезжать и приезжать. А ведь мы всегда в пути.

Луч солнца зажег золото кремлевских храмов и рассыпался по ряби реки. Вот этой дорогой, дальше по Волхонке, Моховой Юрий Пименов еще парнишкой ходил много лет сперва на работу, а потом на Мясницкую во ВХУТЕМАС.

— Юность! Хорошее это время. Все, кажется, тебе улыбается, хотя было голодно и холодно. Да разве молодого человека могут серьезно пугать подобные неудобства! Мы решали тогда, в двадцатые годы, дела в искусстве только мирового масштаба. Например, нужен Рафаэль или Рембрандт.

Мастер улыбнулся.

— Теперь как-то пронзительно ясно,— продолжал Юрий Иванович,— сколько святых дорогих часов мы ухлопали тогда, в общем, на пустые, как теперь понятно, споры. Однако я вспоминаю о той поре, как о большом счастье в моей судьбе. Ведь заряд энергии, непреклонную чистую веру в правду нашей жизни, полученные тогда, не смогли сломить ни годы, ни болезни, ни неудачи. А они были.

Я пристальней вгляделся в лицо художника. Глубокие складки избороздили высокий лоб, лучистые морщинки залегли у прозрачных, светлых, очень зорких и добрых глаз. Жесткие, сильно тронутые сединой волосы, мягкий рисунок губ. Вскинутые надбровья и удивительный по детской, скорее юношеской искристости взор. Взгляд человека, навсегда поразившегося прелестью жизни. Радость бытия заложена в основе характера этого очень непростого живописца, который еще в детстве познал трясину замоскворецкого мещанского омута, зло власти чистогана. Юношей вошел он в буревые будни советской нови, быстро и всем сердцем принял новую правду жизни и после попытался отразить ее в своих полотнах. Не будем забегать вперед, настанет пора, когда он не без боли переосмыслит свое творчество и как будто снова увидит мир, окружающий его, в сиянии солнца, блеске молний, до краев наполненный страстями рода человеческого, полный истинных трагедий, мир простых и добродушных людей, строящих дома, машины, растящих цветы и детей, влюбляющихся и злых. Все это слилось в его душе в единую стройную симфонию «необыкновенности обыденного» или поэзию прозы... И вот, начиная с середины тридцатых годов, мы узнаем нового Пименова, который из года в год становится все глубже и ярче в своем познании мира, людей и вещей и, что самое основное, новой красоты.

Мы бредем с Юрием Ивановичем не торопясь, шагом людей, которых именуют попросту зеваками. Мимо летели, обгоняя и иногда подталкивая нас, спешащие куда-то молодые пары — длинноволосые и стриженые, в «мини» и «макси». Навстречу шли москвичи, торопливо и озабоченно, не глядя вокруг. А в природе творилось истинное диво.

Вечерело. Над ушедшими ближе к горизонту сизыми тучами, в самом зените, над городом, прямо за старым кружевным зданием главной библиотеки страны, встала и перекинулась через все небо дуга неземной красоты, влажно посверкивая чистыми тонами спектра. И тут же на мокрый асфальт улицы упала вторая радуга и разбилась, как в черном зеркале. Люди возвращались с работы. Многие — юноши и девушки — были очень заняты друг другом. Пименов вынул маленький альбом и, прищурясь, начертал быстро дома, машины, людей... и радугу. Я увидел радость в его светлых глазах. Он любил, очень любил Москву, своих земляков-москвичей... Его иногда вдруг толкали, куда-то спеша, прохожие, а он стоял, улыбаясь, как мальчишка, записывая еще один миг бытия, волшебного и неповторимого. В этом был весь он, Юрий Иванович Пименов — поэт своего времени. Умный и строгий. Правдивый и добрый. Художник. Мастер!

Москвич... Это звонкое слово. Коренной москвич многое повидал и испытал в XX веке. Он слыхал песни пятого года, и сухой треск залпов, и грохот канонады в 1917 году. Он видел разлив красных, пунцовых, алых знамен первых послереволюционных демонстраций и длинные очереди у хлебных лавок, его чуткий слух привык к новым мелодиям гармошки и трубы, но он не мог не слышать звуки рыданий матерей и сестер, провожавших родных «на гражданскую». Дымились котлы с асфальтом, в которых на первых порах ночевали беспризорники... Кто, как не москвичи, откликнулся на призыв строить первые пятилетки и обновлять старое. В пейзаж города вошли краны строек, росли новые дома. Шагали метростроевцы — красивые, веселые и молодые в своих ранее не виданных спецовках и шлемах... Сейчас, может, покажется смешной и наивной гордость москвичей — ЦПКиО имени Горького, ВДНХ, метро — «лучшие в мире», и многое другое вместе с новыми кварталами, передвинутыми домами и первой неуклюжей, но «своей» «эмкой». Заметьте, что слова «лучшее, первое, самое, самое» вошли в речевой обиход москвичей... И вдруг — сорок первый! Как в перевернутый бинокль, иным слабонервным показалась малой наша большая жизнь. Но тот, кто знал столицу в войну, никогда не забудет новое, суровое лицо матери-России. Измазанный краскомаскировкой Большой театр, забитые досками памятники, заклеенные крест-накрест окна, аэростаты заграждения и сибирские полки в белых полушубках, проходившие по улицам на фронт. А он был рядом... Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года. Тревоги. Хлебные карточки. Московское ополчение. Много, много прошло нелегких, а порою страшных месяцев до первого салюта, до светлого сорок пятого. Зато ни один город мира так не ликовал, как победная Москва. Сороковые, пятидесятые годы были упорными буднями, полными труда и восстановления. Стройки, стройки. И вот свершается истинное чудо — вырастает вторая Москва, город новых кварталов — Черемушки, Мневники, Мазилово — названия ушедших в небытие окрестных деревень. И снова гремят салюты, и Красная площадь принимает героев космоса. Спутник, Гагарин, космос стали московскими родными словами. Послевоенные пятилетки. Наследники стахановцев и победителей полюса, чкаловцев и других героев, которых принимала в объятия Москва, снова собираются в столице на торжественные съезды, где подводятся итоги сделанного и намечаются пути в будущее. Все чаще на улицах города мы видим гостей со всех концов нашей планеты.

Юрий Иванович Пименов—коренной москвич, все повидавший и перенесший. Я знал его почти тридцать лет и никогда не переставал удивляться тому запасу сил и юмора, невзирая на совсем небогатырское здоровье, который хранил этот великолепный человек. Он был художник в самом высоком смысле этого слова, ибо хотя сегодня его уже нет с нами, но им отраженный лик Москвы, обаятельной, мажорной, а порою суровой и печальной, какой она была действительно в годы Великой Отечественной войны, бессмертен.

Искусство Юрия Пименова впитало в себя многие качества реализма. Сам мастер говорил мне, что, «если бы сегодня работали такие крупнейшие и мои любимейшие художники, как Федотов или Левитан, Мане или Дега, они писали бы по-новому. И поэтому реализм не требует приставки «нео». Реализм всегда нов!».

Однако наш реализм в живописи имеет еще одну особенную черту — он пристрастен, влюблен в свою Родину, ее людей, их дела. И пусть на Западе кое-кого от этого коробит и «советологи» злобно именуют всех художников, думающих не по их рецептам, «конформистами», но Пименов, как и Дейнека, как Пластов и многие, многие другие, был бескомпромиссен в приверженности к нашему образу жизни, каким бы он ни был — перепачканным в извести стройки, стоящим в очередях за пайкой хлеба или дежурящим на крыше дома в тревогу. Наше неповторимое время—вот что звучит в самых лирических и, казалось бы, на первый взгляд интимных творениях Юрия Ивановича Пименова.

Никогда не забуду, как однажды я постучал в двери мастерской на Масловке и меня встретил сероглазый, седеющий, молодой Пименов. Веселый и озорной. Какой-то весь взъерошенный.

На полу у мольберта стояли «Негритянки в березовой роще».

...Утро. Березовая роща. «Русский Парфенон» с белыми тонкими

Из книги «Юрий Пименов».

Ю. Пименов. 1903—1977. РАЙОН ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ.

Художественная выставка «50 лет МОСХ»

Ю. Пименов. ЗДЕСЬ БУДЕТ ПАРК.

Художественная выставка «50 лет МОСХ»

колоннами стволов. Тишина, напоенная медовым ароматом трав и цветов. Поют птицы. И вот среди этого храма природы Руси — две негритянки, молодые, стройные, с удивительными чеканными силуэтами, с гордой статью и раскованностью, которая приходит вместе с уверенностью, что ты свободен. Одна из девушек остановилась и замерла, похожая по своей грации на юную античную богиню. Она чутко прислушивается к музыкальной тишине березовой рощи. Ее подруга собирает букет цветов.

Несложный мотив. Но какова же глубина, какова планетарность его звучания! Особо хочется отметить несравненную чистоту и целомудренность решения этого сюжета, присущие всему творчеству автора.

Что Юрий Иванович Пименов, умнейший и интеллигентнейший человек, читавший наизусть Тютчева, Блока, Аполлинера, сам один из немногих живых классиков нашего искусства, я знал. Но я ведал его лишь как создателя великолепных сюит, посвященных либо Москве, либо театру, либо «жизни вещей», либо зарубежным поездкам. Этот холст был для меня полной неожиданностью. Находкой. Бездонной по своей человеческой наполненности, гуманизму, свойственному москвичам — народу доброму, терпимому и терпеливому. И еще одно качество отличало это произведение, впрочем, как и многие другие картины мастера,— изысканная, отточенная, остроумная пластика решения, полная глубокого людского раздумья и мечты.

Как-то невольно я вспомнил возраст художника, немеркнущую свежесть, юность его новых полотен. А ведь их было расставлено у стен буквально десятки. Новых. В светлых простых деревянных рамах...

Великолепные эскизы, сделанные по просьбе Сергея Аполлинариевича Герасимова к фильму по роману Стендаля «Красное и черное», ослепительные по художественности, таинственные, полные магии сочетания серых, жемчужно-белых и алых цветов. Причем манера исполнения эскизов станковая, словом, маленькие картины невиданного, вытянутого, широкого формата.

Вот один из эскизов к фильму.

Ночь. Вьется звездный полог. Мчатся во мраке вороные кони, управляемые черным кучером в черном цилиндре. Упряжка ярится, она догоняет уходящий от нас за край холста экипаж. К освещенному лампионами подъезду подходят изысканные светские пары — женщины в длинных вечерних декольтированных платьях и мужчины во фраках. И соединение ритма бешено мчащихся карет со степенно шествующими на прием фигурами создает неповторимое, особое состояние тревоги, какого-то странно неотвратимого, рокового действия.

Должен заметить, что Юрий Иванович обладал чисто ренессансным мастерством. Он был иллюстратор, декоратор, творец неожиданных живописных открытий, чудесный рисовальщик и незаурядный скульптор. И что бы он ни делал, всегда это носило отпечаток высочайшей культуры и той тонкости, которая достигается за счет большой внутренней силы и убеждения в своей правоте. Ведь Пименов был не только вежлив, обаятелен, дружелюбен. Он бывал непримирим, строг и сердит. Особенно яростен он был в отношении, как говорил сам, «коммерсантов в искусстве», а проще — халтурщиков. Враг всяческой лакировки, неправды, фальши, Пименов был потому так откровенно непримирим ко всякой лжи, что он поистине любил свою Москву, свой народ.

Особенно разительны работы художника, посвященные тяжелым страницам истории нашей Отчизны.

Он остался самим собою — москвичом. И он делил все беды и радости вместе с родным городом. Взгляните на эту затемненную Масловку, на длинный хвост очереди у булочной, на одинокую женщину на железнодорожном полустанке, и вы увидите народную трагедию, написанную гражданственной, твердой кистью спокойно, без истерики, паники, но и без залихватского шапкозакидательства. «Правда и только правда» — вот девиз живописца. И когда вы видите следы от военных машин на разъезженной дороге. Когда ночное небо прорезает прожектор ПВО. Когда десятки женщин копают картошку, то вы ощущаете: «Так было». Пименовские картины — это острейшая и правдивая летопись жизни нашей столицы тех дней.

Труд Юрия Ивановича Пименова — подвиг художника-гражданина, воспевшего свое время и оставившего на века картины — документы нашего бытия. Но вовсе не надо представлять, что путь живописца был устлан розами. Были периоды, когда его искусство находило критиков. Его считали «западником». К нему привешивали всяческие ярлыки... В наше время странно вспоминать о том, что когда-то закрыли музей нового западного искусства с шедеврами Дега и Мане, Гогена и Ван Гога. Кому сейчас придет в голову «прорабатывать» Ренуара — одного из самых светлых и очаровательных мастеров мировой живописи, а ведь именно близость к вышеупомянутым Ренуару и Мане приписывалась Юрию Ивановичу. Ему перестали давать заказы, и, если бы не театр, которому очень был нужен и люб Пименов, в семье художника не всегда был бы настоящий обед...

— Художнику,— говорил Пименов,— можно простить ошибки и неудачи, но нельзя и не нужно прощать внутренний холод, безразличие к душе своего дела, бесцельность. Искусством должны заниматься люди со страстной и чистой совестью. Всякие коммерческие, карьеристские задачи никогда не были и не будут действительными заботами творчества. Особенно страшно равнодушие, рождающее серость.

И это не только красивые слова. Это — психология Пименова, смысл его художнической судьбы.

Однажды он прочел мне отрывок из Блока:

«Писатель — растение многолетнее. Как у ириса или у лилии росту стеблей и листьев сопутствует периодическое развитие корневых клубней, так душа писателя расширяется и развивается периодами, а творения его — только внешние результаты подземного роста души».

Думается, в блоковских строках — разгадка молодости и долголетия пименовского таланта, который с годами только набирал силу и остроту. Таких художников очень немного, ибо душа истинного живописца как бы движет кисть, и если стареет душа — быстро дряхлеет палитра, немощным становится колорит.

Настоящая живопись подобна хорошей музыке. Если большой талант дан композитору, то его мелодии запоминаются. Так колорит и композиция художника, подобные качествам мелодии, будут значительны и оригинальны, и останутся в памяти, и будут действовать зрительно. Самое главное—художник, как и композитор, должен создавать свои мелодии, и в этом смысле Пименов велик. Его полотна можно узнать с первого взгляда, для этого не нужно быть специалистом. Уже в конце тридцатых годов сложился «пименовский» стиль, он нашел свой путь, свою новую красоту, что дано очень немногим в истории искусств. Что бы ни писал художник — московскую жанровую сцену, портрет, гондолу в Венеции, старые русские деревянные храмы в Кижах или театральный занавес,— всегда можно воскликнуть: это Пименов, и только он! Настолько ярка и неповторима его манера. Известно, что живопись Пименова не всех устраивала. «Леваков», любителей модерна — своей «фигуративностью и старомодностью». «Консерваторов» — отсутствием «мазистости», пастозной кладки, якобы свойственной московской школе. Но изобразительное искусство сильно своим неотразимым качеством — рисуй, пиши и тем доказывай свою правоту. Ни болтовня, ни самая мудреная фразеология, как бы псевдонаучна она ни была, не заменит и пятки «Блудного сына» Рембрандта. Не для того родились Леонардо, Микеланджело, Делакруа, Мане, Суриков и Валентин Серов, чтобы мы в двадцатом столетии вдруг, забыв язык людской, завыли вновь по-звериному, перестали бы ходить на двух ногах, а встали на четвереньки и полезли на дерево. Но, к счастью, люди Земли думают по-другому, чем маршаны, «делающие погоду» на мировой толкучке искусства, и зритель давно уже равнодушно проходит мимо надоевших и примелькавшихся абстракций. Хочется вспомнить в этой связи Рим, где публика валом валит в Сикстинскую капеллу, созданную гением Буонарроти, и оставляет абсолютно пустым целый этаж огромной выставки «Современная религиозная живопись». И эта анфилада зал со скучающими служителями является наглядной иллюстрацией «любви» широкого зрителя к абстракционизму да и прочим «измам».

...Но вернемся к Пименову.

Откровенно говоря, я не вижу пропасти между разными жанрами в живописи. В творчестве Юрия Ивановича Пименова пейзаж, портрет, натюрморт и жанровые картины как бы озарены одним неизменным светом, имя которому — гуманизм. Муза Пименова добра, ее какая-то лучезарная сердечность и мягкость передаются зрителю, и мы попадаем с вами, глядя на картины Юрия Ивановича Пименова, в очарованный мир прекрасных людей и пейзажей, озаренный трепетным солнцем, заставляющим голубеть дали и звучать ярче локальные краски дорожных знаков, светофоров, пестрых зонтиков, дорожных сумок-кофров. Художник второй половины XX века, он отлично знал не только машинерию города, не только конструкцию одежды, обуви, но и причесок, цвета косметики, форму грима женщин, и это нисколько не умаляет его достоинства, наоборот, все эти подробности, исполненные со знанием и любовью, придают редкую достоверность и, я бы даже сказал, документальность полотнам художника. Они написаны не «вообще», что мы нередко встречаем на иных выставках, а созданы именно в пятидесятых, шестидесятых, семидесятых годах нашего века. И в этом — огромное достоинство работ мастера, придающее им особую, пронзительную остроту и невероятную свежесть. Нельзя не отметить тончайшую «режиссуру» работ Пименова. Казалось, многолетнее сотрудничество с театром могло повлиять на мировосприятие живописца, заставить его, быть может, форсировать жесты героев, стать более декоративным. Нет, скорее Пименов-живописец с годами все больше влиял на Пименова-декоратора, придавая его работам в театре большую человечность.

В мастерской в последнее время на видном месте, несмотря на постоянно изменяющуюся экспозицию, был большой прекрасный портрет поэта Бориса Пастернака. Задумчивый, в расстегнутой белой рубашке, стоит он, прислонившись к стволу старого дерева, и мечтательно и немного отрешенно глядит вдаль.

Я рассматривал черноголового желтолицего поэта с печальными очами и думал: какое счастье, что рядом с живописью существуют поэзия и музыка, вся сотканная из метафор, мелодий, тайн и ритмов! Насколько легче живописцу, любящему поэзию и музыку, найти себя, прикасаясь к миру, не всегда ясно расшифровываемому, но заставляющему мыслить особенно образно, объемно, пластично.

Пименов видел Маяковского, но не был близок с ним, хотя и не раз встречался. Его художнический темперамент в молодости находил пищу для раздумий в строках этого великого поэта. С годами, уйдя от больших плакатно-обобщенных картин к маленьким полотнам-жанрам, Пименов не обрел, как кажется иным, «мелкотемье». Нет, он просто нашел самого себя, свою любовь в чертах обыденности, ведь недаром одна из его замечательных книг называется «Необыкновенность обыкновенного». Пименов — бард Москвы и москвичей. Мозаика его творчества сложена из сотен, сотен холстов, которые он с изумляющим постоянством творил ежедневно. Удивляли кажущиеся доступность, открытость художника, всегда готового беседовать, идти смотреть картины на выставку, слушать музыку или глядеть премьеру балета, сочетавшиеся с этой, простите за эпитет, пчелиной трудоспособностью.

...Пименов обладал недюжинным характером, он жил по велению своего сердца, и, сколько лет я его помню, меня всегда поражали в нем внутренняя собранность и суровый отбор пристрастий в искусстве, музыке, литературе. Внешне рассеянный, улыбчивый, спокойный и доверчивый, мастер был на редкость прям в своем непреклонном, однажды найденном пути, его трудно, а прямо скажем, невозможно было сбить с него, он шел своей дорогой не всегда под звуки аплодисментов и похвал, однако художник не сворачивал ни направо, ни налево. «Пименовский» стиль, найденный им в тридцатых годах, получил свое полное выражение в сериях-сюитах, и это своеобразное и свежее видение мира развивалось до последних дней его прекрасной по работоспособности и честности жизни.

В осеннем парке рядом с домом-музеем П. И. Чайковского вольно дышится.

ОБРАЗ ЖИЗНИ — СОВЕТСКИЙ

СЕКРЕТ

Пятиминутка... Деловой разговор с бригадой.

И на кухне заодно.

Глава семьи А. С. Захаров.

СЧАСТЬЯ

«Из книжек недостающие знания и черпаю...»

А. ПОПОВ

Фото А. БОЧИНИНА

Недавно одна моя знакомая, обеспокоенная, как ей кажется, неудачным замужеством своей дочери, заметила: «Что тут скажешь, в каждом дому по кому, а где и по два». Действительно, в какой семье, внешне даже самой наиблагополучнейшей, не обнаружишь при внимательном рассмотрении свой ком, свой сгусток проблем. Чужая семья — потемки... Есть наверняка свои нервные, раздражительные моменты в жизни и семьи Захаровых. Да и как же без них? И все-таки Захаровы счастливы. Счастливы взаимностью, любовью и внутренним единением.

Но позвольте представить вам непосредственно самих Захаровых. Что о них можно сказать в целом и вкратце? Они — это глава семьи Анатолий Степано-

вич, его жена Зоя Васильевна и сын Эдуард,— коренные клинские, подмосковные. Как со стороны Анатолия, так и Зои корни их крестьянские, землепашеские. И Эдик, тринадцатилетний сынишка, родился в деревне Першутино, на родине Анатолия, что в трех километрах от города. Видимо, эта близость к городской жизни и послужила причиной тому, что и Анатолий и Зоя, когда выросли, ушли устраиваться в Клин, где и живут до сих пор. Работают, заметим, на одном предприятии — на клинском производственном объединении «Химволокно». Эдик ходит в седьмой класс.

Чтобы понять, в чем их, захаровское, согласие и единение, дающее ощущение дружной и счастливой семьи, необходимо рассказать о каждом в отдельности. Итак...

ГЛАВА СЕМЬИ

О таких, как Анатолий, обычно говорят: «Он жизнь понимает». Удивительную характеристику изобрел народ. Применимо к Захарову это звучит, на мой взгляд, как человек умный, толковый, человек в себе — размышляющий. Жизнь он действительно знает. Сколь она бывает трудна, понял с детства. «Воспитывала мать, после войны жили бедно, картошки не всегда хватало, дом был плохонький». Познал и другое — как бывает прекрасна та же самая жизнь. «Нашел себе хорошего друга — это жена».

Говорит Анатолий медленно, подбор слов точный и выразительный. Мне показалось, что однажды, как человек, пробивающий себе дорогу в жизни сам, он ясно и до конца понял цену слова. Таковы уроки жизни...

Этот гренадерского роста человек, с виду даже суровый и неприступный, трогательно здоровается с сыном Эдькой, тринадцатилетним мальчишкой, за руку. И вообще отношения с сыном у отца самые что ни на есть приятельские, доверительные. Понимают отец с сыном друг друга с одного взгляда, с полуслова. «Эдик, надо съездить в деревню, к бабушке». — «Картошку копать?» — «Точно». — «Пап, будем фотографироваться? Я галстук повяжу». — «Правильно, ты же пионер».

В прошлом году Захаровы переехали в новую двухкомнатную квартиру. «Мужу за хорошую работу дали»,— с гордостью вырвалось у Зои, когда мы зашли к Захаровым на чашку чая. «Нам дали,— поправил Анатолий,— ты ведь уже тоже восемь лет на комбинате». «Восемь... не четырнадцать»,— без показной скромности заупрямилась Зоя. «Пусть будет по-твоему, это дела не меняет».

— Анатолий, неужели вы четырнадцать лет в объединении? И когда только успели...

— Что, молодо выгляжу?—рассмеялся Захаров.— Самому не верится. Кажется, давно ли начинал учеником!

Анатолию сейчас тридцать шесть. И он вступает в ту пору жизни, когда приходит время подведения первой черты и когда человек без тени рисовки может воскликнуть: «Давно ли начинал учеником!» Все ходят сначала в учениках, но, к сожалению, не каждый вырастает в мастера. Я далек от мысли вот так взять и объявить громогласно, что Анатолий Захаров стал виртуозом в своем деле. Это было бы нескромно. Нескромно да и нечестно по отношению к самому Анатолию, который самовосхвалений и восхвалений в свой адрес не любит.

Но когда мы пришли в цех контрольно-измерительных приборов и автоматики, где работает захаровская бригада электрослесарей, то было достаточно только взглянуть на рабочий стол Захарова, чтобы понять, что этот человек в своей работе во многом преуспел. «Хитрый стол,— заметил мне сосед Захарова.— Наш бригадир смонтировал себе такую аппаратуру, что теперь набором тумблеров он может создать любую необходимую ситуацию. Башковитый мужик...» Сразу поясню, что Захаров со своими товарищами занимается ремонтом и наладкой пневматической аппаратуры — приборов для измерения давления, глубокого вакуума, температуры, расхода сырья.

Аппараты современных конструкций более чем полусотни наименований проходят через руки Анатолия и его товарищей. Ремонт и наладка — высококачественные, в основном с гарантией на год.

ХОЗЯЙКА ДОМА

Зоя своего мужа чтит. Как натура цельная и глубокая, она, видимо, и не помышляет своего женского бытия без этого чувства к мужу. По крайней мере не скрывает своего отношения к главе семьи и с глубокой симпатией говорит о нем так: «Анатолий у меня человек уважительный. С работы придешь усталая, нервная, особенно после второй смены, и по пустякам, бывает, начинаешь раздражаться. А он все понимает, промолчит... Настроение как-то само собой возвращается. А вообще-то мы не ссоримся».

В доме удивительная чистота и порядок. Во всем чувствуется требовательная и заботливая рука хозяйки. В большой комнате пол устлан домоткаными дорожками. Вместе с современной мебелью они придают жилью особый мягкий, какой-то нестандартный уют. Зоя, видимо, перехватила мой взгляд и, не дожидаясь вопроса, объяснила, что «половики ткала еще покойница мама».

— Красиво...

— Мне тоже нравится. Деревню напоминает... А еще очень разумная эта вещь для хозяйства: в дорожки каждая тряпочка идет, ни одна ветошка не пропадает... Дуреха была, не научилась работать со станком у мамы, думала — не понадобится никогда. А теперь каюсь... Но обязательно сама выучусь.— И как-то неожиданно Зоя добавляет:— А обстановку сразу, как переехали в эту квартиру, купили. Средства вроде позволяют: муж двести получает и я свои сто сорок. Хотя, наверное, это не самое главное... У нас в селе как старики говорили: «Не с деньгами жить, а с добрыми людьми».

Зоя на мгновение задумалась.

— А когда поженились, начинали трудно. Жили у матери Анатолия, в Першутине. Эдька родился, в маленькой комнате втроем, тесно... Правда, муж никогда не унывал, говорил: все наладится. «Главное,— повторял он всегда,— надо не распускать нервы, ждать и честно работать. Тогда все приложится». Как я сейчас хорошо понимаю, насколько он был прав... И Эдьку в таком же духе воспитывает.

«Эдик, ты идешь с нами!»

СЫН

Минувшим летом Эдуард побывал в Чехословакии, ездил на месяц в международный спортивный пионерский лагерь. «Когда сына собирали за границу,— рассказывала Зоя,— отец его все наставлял: «Ты там смотри — не осрамись, делай все на совесть. Тебе честь большая оказана, не забывай об этом». Я все смеялась наедине с мужем: «Не подведет, характер-то твой, ответственный».

И снова разговор заходит об Анатолии. «Толя не случайно Эдюшке такие слова говорил,— поясняет Зоя,— отец у нас человек беспокойный, общественник: партгрупорг участка, председатель группы народного контроля в отделе, член парткома всего объединения. Иногда скажешь, не много ли для одного человека поручений? «Так жить интереснее»,— отвечает. Его за это люди и уважают, что он человек безотказный. В прошлом году наградили медалью «За трудовую доблесть».

...Сын не подвел отца: вернулся, привез три диплома. «Трофеи» сейчас у Эдуарда в его комнате над столом висят.

— Интересно там было, Эдик?

— Очень!— скупо отвечает сначала Эдуард.

— Да уж, видно, настолько, что домой только одно-единое письмо прислал,— поддразнивает Зоя.

— Мам,— обижается сын,— я же вам сколько говорил: дом я никогда не забывал.

— А что тебе больше всего запомнилось?

— Ребята, друзья из Чехословакии и ГДР. Они столько интересного рассказывали... Все хорошо говорят по-русски.

— А ты им что рассказывал?

— Ну...— мнется Эдик.— Про свою деревню, про свой город.

— А что именно про деревню?

— Рассказывал, что у нас в Першутине космонавт родился — Юрий Петрович Артюхин. А в Клину долго жил Чайковский.

— Вот что, Эдик,— несколько назидательно говорит Анатолий,— завтра съездишь, как договорились, на картошку, к бабушке в Першутино, а сегодня мы решили сходить в музей Чайковского, надо же гостям город показать. Хочешь с нами?

Эдуард, конечно же, с радостью соглашается. По лицу видно, что за отцом он хоть на край света пойдет.

Клин, Московская область.

ЧЕМ КРАЙ МОЙ СЛАВЕН

Олжас Сулейменов.

Начало см. на стр. 1.

ловью скота, по лесным богатствам. Второе по величине и отдаче хлебное поле страны...

А по некоторым статьям мы первые: цветные металлы.

...Уже в XVIII веке в Восточном Казахстане были открыты свинцово-цинковые месторождения. Свинец добывали здесь еще в глубокой древности. Старые, так называемые чудские копи служили верным ориентиром рудознатцам XVIII века. Но царя интересовало только серебро. Свинцово-цинковые рудники стали по-настоящему развиваться лишь при Советской власти. И значение их не замедлило сказаться.

Член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, трижды Герой Социалистического Труда Д. А. Кунаев сказал в речи, посвященной тридцатилетию Победы над фашистской Германией, очень просто и образно о вкладе казахстанских горняков и металлургов: «9 пуль из 10, выпущенных по врагу, были сделаны из казахстанского свинца».

Большая доля советского свинца тогда добывалась и выплавлялась в нашей республике. И сегодня цветные и редкие металлы — весьма значительная статья казахстанской экономики.

В этом году широко отмечалось 250-летие добровольного присоединения Казахстана к России. Праздник — повод для серьезных размышлений о том, какую решающую роль сыграл рабочий класс и передовая интеллигенция России, Коммунистическая партия наша в новой судьбе казахского народа. И как участвует Казахстан в сегодняшней жизни нашей страны.

Когда я вернулся домой с XXVI съезда КПСС, делегатом которого мне посчастливилось быть, мать сказала:

— Несколько раз видела тебя в зале по телевизору. На удачном месте сидел, сын.

— На главном партийном собрании страны нашей делегации были отведены достойные места. Это Казахстан, мама, на видном, достойном месте. Это оценка вклада моей республики в коммунистическое строительство,— ответил я.

Каким стал мой край за годы Советской власти, можно узнать из многочисленных статистических источников. Но основным мерилом времени, показателем всех происшедших социальных, экономических и культурных перемен в конечном счете является человек. Уровень его сознания, широта мировоззрения. Человековедение — это уже сфера моих писательских интересов.

И здесь заслуженные приемы статистики только мешают. Математические параметры при определении нового человеческого уровня неприменимы, но поэтический принцип сравнения можно использовать.

Кто он, нынешний казахстанец? Он не второй, не первый и не последний. Он равный в мире равных. И равенство мы понимаем уже не так просто, как некогда, в первые годы революции. Теперь мы понимаем равенство не как данность, а как право. Право завоеванное, оплаченное большой кровью и великими работами. Право, которое надо использовать. Право на нескромность в труде, в бою, в стремлении к мировой справедливости. Ибо скромность здесь — это ограниченность, а страна наша и долг наш перед ней огромны. Мыслями и поступками своими мы отвечаем за социализм. Даже красотой своих городов. Улыбками и солнцем.

...В сентябре 1973 года в Алма-Ате проходила конференция писателей стран Азии и Африки. Один из гостей, впервые посетивший Советский Союз, сказал в своей речи: «Я думал, что Алма-Ата — старый азиатский кала́ — глинобитные дома, верблюды на улицах, а увидел современный город, не уступающий по красоте самым красивым городам Передней Азии».

Я родился в Алма-Ате. Город рос вместе со мной, и потому его новые особенности мне не были заметны. Но тогда, может быть, впервые я поглядел глазами гостя на свою родину. Я еще помнил дувалы, утопающие в пыли улицы, крики ослов по ночам.

Порой скучаю по картинкам того далекого, послевоенного детства. Далекого? Всего за три с небольшим десятилетия городок превратился в миллионный город с прямыми проспектами, вонзающимися в хребет Алатау, тополиными аллеями, парками, фонтанами, площадями, окаймленными белоснежными зданиями. Здесь моя школа, мой университет, издательства, где печатаются мои книги. А вот дом, где я родился. А здесь живут мои друзья. В этом сквере сказал «люблю». А вот здание Академии наук — в ее книгохранилищах я провел самые счастливые, может быть, часы.

Это город, давший мне жизнь и сознание. Через него в меня вошел мир.

Нет в моем граде улочек кривых,
прямые, искренние марши улиц —
пожизненных моих дорог язык.
Стремительные, злые трассы улиц
прожектами такими обернулись,
такой свободой напрямик идти,
не ведая о кривизне пути.

Город воспитал мой характер, повлиял на темперамент. Коренной алмаатинец не бывает подолгу мрачным — ведь триста дней в году солнечных! С севера — степи, с юга — горы. Широту и возвышенность чувств внушает с детства природа. Мы бываем излишне прямолинейны, но всегда искренни в суждениях. Мы спорщики, но верны слову и преданны в дружбе. Это убеждение важно, потому что казахстанец начинается с Алма-Аты.

После казахского университета я учился в Литературном институте в Москве. Побывал во многих республиках. И всюду встречал людей, очень похожих на тех, среди которых рос. Искренних, категоричных в честности, мечтателей. Где бы мы ни родились, горы, пространства и солнце на нас влияют. И прямая общая наша дорога.

Характерная черта времени — активность общественного сознания. Всем не все равно, что делается в стране и в мире. Как обстоит дело в сельском хозяйстве, в промышленности. Нужны ли гидроэлектростанции и глубинные тралы.

Вчера в мастерской одного живописца братья-художники чуть не передрались, обсуждая неведомо как возникшую в этих стенах тему: стоит ли в таких количествах сжигать уголь в топках? Не проще ли топить ассигнациями, как говорил Менделеев.

Все пытаются во всем разобраться. Спорят в поездах, на свадьбах и в залах конгрессов. Специалисты и дилетанты. Эта массовая активность мысли — следствие информационного бума и действия важного фактора, особенно свойственного нашему обществу. Постараюсь объяснить.

Перебираю в памяти темы своих выступлений в печати. Это статья о судьбе народных промыслов; подвал в республиканской газете о том, как теряют овцы в весе при недельном переходе от совхоза до мясокомбината; публикации о проблемах развития казахского кино; о путях культур современной Африки. И, к сожалению, ненапечатанные материалы об окончательном решении вопроса очистки воздушного бассейна наших городов путем замены автомобильного транспорта на гужевой. Единственная, пожалуй, область, которой я не касался,— геология, хотя именно по этой части считаюсь специалистом, о чем свидетельствует диплом инженера.

...Как член ассоциации писателей стран Азии и Африки бывал я во многих краях. Дважды посещал США, знаком с тамошними писателями, рабочими, фермерами.

Американский поэт не станет писать о похудении овцы или об ударных темпах уборки хлопка в Огайо.

Нью-йоркского строителя не трогают заботы фермера, он не встает жарким июньским утром с мыслью: пошел ли дождь в Аризоне? А фермеру плевать на убытки «Дженерал моторс». У каждого из них свой бизнес и свои проблемы, с которыми он должен справляться сам.

Хорошо это или плохо? Такое явление не требует нашей оценки: оно продукт иного сознания, сформированного другим строем.

Мы же с детства воспитаны на убеждении, что все окружающее меня — это наше, требующее и моего сердечного участия. Есть в нашем образе нечто новое, надличностное, надплеменное, вытекающее из простого принципа, сформулированного некогда Маяковским: МОЕ в отличие от обывательского «мое».

Мир — МОЙ, все прошлые цивилизации, их взлеты и драмы — МОИ. Я ответствен за все, что происходит, произошло и что случится на МОЕЙ Земле. Мне до всего есть дело.

И это слово МОЕ находится в более тесном родстве с МЫ, нежели с местоимением первого лица единственного числа.

Мальчишкой ты обливался слезами, читая о детях, которых вырывали из рук матерей и бросали в топки крематориев Освенцима. У тебя и сейчас слезы на лице — ты видел и навсегда запомнил кричащее от боли дитя человеческое на грохочущей, падающей, как мир, улице Бейрута.

Каждый потерянный на гектаре колос, каждая недоброта, равнодушие и несправедливость — в поле нашего сознания. И мы торопимся высказаться, что-то предпринять, пусть пока неумело, вгорячах, но от чистого, незамутненного ложью сердца.

И в труде, в движении души, в свершениях рождается новый человек, истинный хозяин своей земли.

СТИХИ КАЗАХСКИХ

Джубан
МУЛДАГАЛИЕВ

ПОЛЫНЬ

Мы знали бед немало
В минувшие года.
И все же нам хватало
Полыни, как всегда.
Она щедрей поленьев
Дарила теплоту.
В покое и в смятенье
Творила красоту.
Скоту годилась в пищу,
Хоть, помню я, металл
Полынным корневищам
Порою уступал...
Полынь снимала хвори.
Ее густую прядь
Ценили люди в горе,
Чтоб в счастье — забывать.
Полынь ветра колеблют.
Но, и лишаясь силы,
Она ни высь, ни землю
Смягчиться не просила.
Тепло. Лекарство. Пища.
Все, чем ты жив поныне,
Вобрали корневища
Моей степной полыни.
Той, что невзгоды сносит...
Пьянящ и горьковат,
Мне вновь щекочет ноздри
Полынный аромат.

Перевел Вл. Савельев.

Сырбай
МАУЛЕНОВ

МТАЦМИНДА

Взволнована мелодией,
Стоит
Гора, отягчена тяжелой думой:
На темном склоне Церетели спит,
И каждый знает склеп его
угрюмый.
Мтацминда — трудно слово
произнесть:
В ней мощь великой Грузии и сила.
А главное—что на Мтацминде есть
Певцов великих
Скромные могилы.
И все равно — ей дышится легко,
Над ней светила-звезды
мирно блещут,
А у подножья
Сердцем Сулико
Цветы весны пылают и трепещут.
Товарищей
К священному холму
Всегда зовет
Акакий Церетели,
Чтоб шли поэты Грузии к нему,
Чтоб строки свои лучшие пропели.

КРАСОТА

Пойдите в горы —
Как они красивы!
Не глянут на тебя в местах иных
Сквозь ветви яблонь и кустарник
сливы
Глаза пугливых, робких оленях.
Прекрасна и долина —
Абрикосы
Цветут,
И виноградная лоза
Там вьется буйно.
И девичьи косы
Пленяют восхищенные глаза...
Как белые вершины древних гор,
Сейчас красою все вокруг
искрится,
Пусть миром этим каждый
насладится,
Покуда осень не свернет ковер!

Перевел О. Дмитриев.

Халижан
БЕКХОЖИН

СКАЗАНИЕ О СОКОЛЕ

(Отрывок из поэмы)

Посвящается Сакену Сейфуллину.

...Что вспоминал Сакен?
Свой путь за славой?
Иль дом родной? Иль горную
тропу,
Что вьется по вершинам Алатау?
А может, вспомнил он
свою судьбу?

«Ведь молодость у вас
цветам подобна,
А наша проходила в темноте.
Пусть льется стих твой
ясно и свободно
На гордой соколиной высоте.

Шагай, поэт. Ты — счастья
провозвестник,
Пускай звучат в стихах любовь
и век,
Мелодия эпохи. Буревестник —
Вот кем теперь простой
стал человек.

В моих стихах, во всех веках
нетленен,
Давая слову вес, как взмах
для крыл,
Живет простое и святое слово —
Ленин!
Ему стихи и жизнь я посвятил...»

Перевел В. Цыбин.

Какимбек
САЛЫКОВ

БОЛГАРСКИЕ НОЧИ

Душа моя волнением объята.
Приморская бодрящая прохлада,
Болгарские задумчивые ночи —
Я в них дышу кумысным
ароматом.

Я вижу, под балканским небом
стоя,
Те звезды, что и над Алма-Атою.
Болгарские задумчивые ночи —
Они меня пленяют красотою.

И первую любовь, былому вторя,
Напомнить мне спешат
в своем просторе.
Болгарские задумчивые ночи —
Я к Черному прислушиваюсь
морю.

Перевел Вл. Савельев.

●

Не зову я весенние дни,
Мне приятны и лето и осень.
Стало прошлое сердцу сродни,
Ну, а то, с чем сроднился,—
не бросить.

Так и с будущим связь
не порвать,
Жизнь годами измерить непросто.
Не назвать мне девчонкой опять
Одноклассницу, ставшую
взрослой.

Я не рвусь в прожитые года,
Мне легко с новой юностью
рядом.
Дети грозной войны,
Мы всегда
Ею мерим и горе и радость.

Турсынхан
АБДРАХМАНОВА

*«ПЕСНЯ ТАТЬЯНЫ» **

Тебе, певцу свободы и размаха,
Я поверяю сокровенность строк.
За годом год
Простая дочь казаха
Иду к тебе, мой Пушкин,
мой пророк!
Иду: к тебе сквозь дали и туманы
Давным-давно приник еще Абай—
И под домбру родную
«Песнь Татьяны»
Помчалась по степи из края в край.
И неспроста с Татьяной были схожи
Казашки Салтанат и Айгерим **.
Сердца твоею песней
Растревожив,
На языке любви мы говорим.
На языке судьбы, печали, тайны.
На языке казахов и славян:
Для двух народов рядом
не случайно
В веках стоят Татьяна и Тогжан. **
Простая «Песнь Татьяны»!
Песня эта
И по сей день везде слышна у нас.
Все свадьбы, все застолья
ей согреты,
Все торжества великие подчас.
Помолвка ей освящена любая.
И в наши дни она не потому ль
Окрылена и мастерством Абая
И соловьиным горлом
Бибигуль ***!
Мой Пушкин!
Память о тебе живую
Чтит Русь и чтит «всяк сущий
в ней язык».
Но не тропу — дорогу столбовую
К тебе мы проложили напрямик.
Свобода, Братство, Счастье —
Как святыни,
Тебя до часа смертного влекли.
Нерукотворный памятник...
Отныне
Он виден честным людям
всей Земли!

Марфуга
АЙТХОЖИНА

БЕЛЫЕ ЦВЕТЫ

Мне цветы подарили,
В них дух сохранился степной.
И в ответ благодарность
Меня захлестнула волной.
Я останусь вовек в неоплатном
долгу перед теми,
Кто своею любовью сейчас
поделился со мной.
О, спасибо за все!
Ваши речи белей облаков.
Слышу ваши сердца я в букетике
белых цветов.
Кто-то вырастил их,
Кто-то к ним наклонялся
с любовью.

---

* Абай перевел на казахский язык из романа «Евгений Онегин» отрывок, который исполнялся в степи как «Песня Татьяны».

** Героини романа Ауэзова «Путь Абая».

*** Народная артистка СССР Б. Тулегенова.

ПОЭТОВ

Как глаза отвести мне
От белых сквозных лепестков?
Дни и годы идут,
Не кончается их череда.
Над дорогой степной
путеводная всходит звезда.
Перед той добротой,
Что осыпала путь мой цветами,
Где бы я ни была, не останусь
в долгу никогда!

Перевела Т. Кузовлева.

Акуштап
БАХТЫГЕРЕЕВА

ОКНО

Бездонно небо надо мною,
Что этим миром мне дано.
Проходит солнце вышиною,
Глядит простор голубизною
В мое промытое окно.
Весна бушует увлеченно,
Шумит и днем и поутру,
Все так тревожно,
Так нечетко,
И листья за окном о чем-то
Друг другу шепчут на ветру.
И горные белеют кручи,
И на душе от них светло.
Плывут у горизонта тучи.
Любую тропку,
Каждый лучик
Мне ясно видно сквозь стекло.
В моем окне горят рассветы.
Да будет мне судьбой дано
Седой зимой и жарким летом
Кому-то тоже в жизни этой
Служить,
Как мне — мое окно!

Перевел Вл. Савельев.

Аманжол
ШАМКЕНОВ

АЭРОПОРТ В КАБУЛЕ

(Из цикла «Небо Афганистана»)

И вновь дорога... Я вдали от дома.
Здесь даже сердце бьется
незнакомо.
Мгновенье — лайнер выпустил
шасси
И ощутил тепло аэродрома.
Он, лайнер, с быстротою
неземною
Соединил меня с чужой страною.
Мне вдруг в Кабуле
Бросились в глаза
Слова, как песня впитанные
мною:
«Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!»
Кто этих слов не знает в наши
годы?!
Они приходят символом свободы,
Они сегодня принесли с собой
Тепло и свет афганскому народу.
За эти гордые четыре слова
Мы шли в бои и вновь идти
готовы.
Они, сплотив рабочих всей Земли,
Звучали и звучат над миром
снова.
Став для людей единственной
дорогой,
Одной надеждой, общею
тревогой,
Они несправедливости теснят
Своею силой, праведной
и строгой.
Страна живет сиянием рассвета.
И, новым солнцем вдоволь
обогретый,
Кабул встречает дорогих гостей
Словами, разбудившими планету!

Перевела О. Савельева.

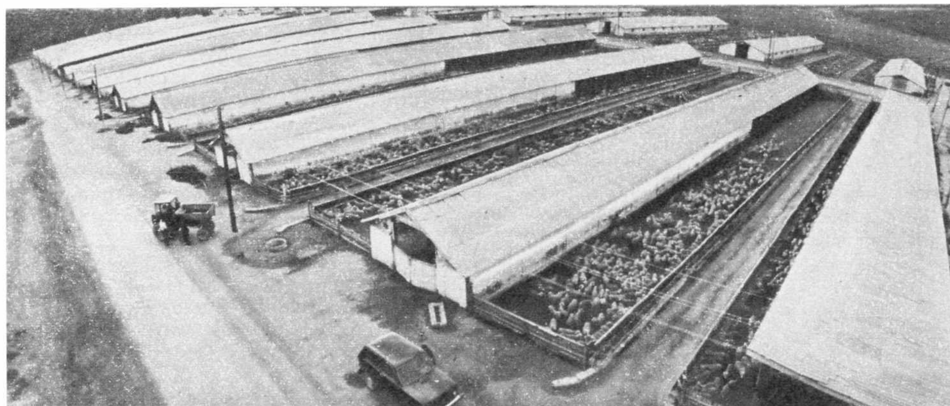

Туманбай
МОЛДАГАЛИЕВ

АЛАТАУ

На Алатау вечен белый снег,
Как вечен дней
Неторопливый бег.
Стоит он в недоступной
синеве,
Как аксакал,
С чалмой на голове.
К нему на грудь садятся
облака.
Как с равным,
С ним беседуют века.
С его необозримой вышины
Любые дали явственно видны.
Он подпирает солнце
в небесах,
Он держит звезды на своих
плечах,
Что освещают нам пути во мгле.
Он людям
Дарит реки на земле.
Казах!
Ты знаешь, очень счастлив я,
Что мы ему
Родные сыновья.

Перевел Вад. Кузнецов.

«Овцеград».

ТАКАЯ ГОРДАЯ ЗЕМЛЯ

Юрий **ЛУШИН**

**Фото автора
и Л. ШЕРСТЕННИКОВА**

Как будто чья-то злая рука забросала эту землю булыжником, задавила скудную растительность, а безжалостное солнце иссушило её и покрыло морщинами трещин. Копыта лошадей взбивали желтую пыль, и она долго висела в воздухе. Ехали молча. Новоиспеченный председатель колхоза всматривался в контуры знакомых гор. Там в вечных снегах рождались холодные реки Усек и Тышкан, способные оживить эту землю. «Но может ли на ней вообще что-нибудь расти?» — невесело думал председатель. Партия направила его в самое отсталое хозяйство района, надеясь на организаторские способности и опыт. И для таких надежд были веские основания...

До войны на месте колхоза было восемь маломощных артелей, объединенных потом в три колхоза. Теперь в 1950-м вместо трех организовали один, и он, Николай Головацкий, стал его председателем. Пожалуй, никогда еще не было ему так тяжело. Ни в трудные годы юности, когда воспитывался он в житомирском детдоме (ни отца, ни матери он не помнил), а летом батрачил на кулаков. Ни позже, когда у тех же кулаков выбивал по продразверстке припрятанный от Советской власти хлеб, когда в него воровски стреляли, но промахнулись, а потом все же подло подстерегли в лесочке и убили... Только убили не до конца, он чудом выжил, целый год приходя в себя в разных больницах. Выжил, уехал в далекий Казахстан, как он думал, на время, а оказалось, на всю жизнь. Здесь он стал пограничником, гонялся за басмачами. Но какая-то врожденная любовь к земле, к тому, что на ней растет и что способно расти, все время прорывалась наружу. В редкие часы досуга он мотыжил каменистую почву у заставы, поливал ее из ведер и засевал цветами вперемешку... с пшеницей. И земля непременно отвечала на заботу. Там, где по законам суровой природы ничего не должно бы расти, распускались цветы, и между ними колосилась пшеница. К чудачеству Головацкого относились по-разному. Иные и пошучивали. Начальник же заставы, увидев его опыты, устно объявил благодарность и назначил руководить подсобным хозяйством. Вскоре потянулись на заставу делегации — перенимать опыт Головацкого. Поэтому, когда молодой пограничник демобилизовался и стал самым молодым в районе председателем весьма средненького в ту пору колхоза «Красный Восток», мало кто удивился тому, что этот колхоз через некоторое время стал передовым...

Да, никогда еще, пожалуй, Головацкому не было так трудно. Копыта лошадей взбивали желтую пыль, скользили по камням. «Земля, земля,— думал он,— до тебя еще нужно добраться, освободить от этого каменного плена. Но что ты можешь без воды, земля?» И, как будто прочитав его мысли, старый поливальщик Ансаражи Изимов сказал:

— Если мы напоим эту землю, председатель, она нас накормит...

— Сут бар — омер боладе?— спросил по-казахски Головацкий. (Вода есть — жизнь будет?)

— Верно говоришь,— откликнулись бригадиры Байжума Талимжанов и Федор Санин,— нужно строить канал.

Канал строили всем миром, своими силами, а председатель ломал голову над тем, чем засевать по-

ля — амбары были пусты, колхозная касса тоже. Пришлось Головацкому идти на поклон (кстати, единственный раз в жизни) в соседний колхоз, где оказались излишки семенного зерна. Тут состоялся примечательный диалог.

— Помоги семенами, дорогой,— сказал председателю Головацкий,— осенью, после уборки все вернем.

— После уборки, говоришь,— удивился сосед,— но ваша земля никогда не родила, она бесплодна. А что до расписки твоей, так из нее ведь каравай не испечешь. Давай баш на баш. Мы вам семена, вы нам пять верблюдов...

Пришлось согласиться на ультиматум, несмотря на то, что верблюды в то время были основной гужевой силой. Это сейчас в колхозе «40 лет Октября» собственная автобаза на 500 машин да, кроме того, 500 тракторов и комбайнов, а тогда... И вот уже засеяны поля, и канал к ним подведен, но другая напасть: не доходит вода до посевов, впитывается в песок, исчезает бесследно. Подступало уже самое знойное время, и Головацкий понимал: если не полить всходы, то все сгорит. Положение отчаянное. Тут и явились пред его очи трое друзей-аксакалов — Санин, Изимов и Талимжанов — с довольно странной просьбой:

— Давай, председатель, мешки старые, тряпье разное — посевы надо спасать.

— Что, воду мешками будем носить на поля?— мрачно пошутил он.

— Зря смеешься, Николай,— тихо сказал Изимов,— еще прадеды наши, чтобы вода не просачивалась, конопатили дно и стенки арыков тряпками, и вода шла. Пойдет и у нас...

Через неделю упорного труда вода действительно хлынула на поля и спасла посевы. Второй полив еще больше укрепил хлеба, и осенью колхоз получил щедрый урожай. Впервые был выполнен план хлебосдачи, а колхозники получили на трудодни немного зерна. Тогда-то поверили они в своего председателя, а он в них.

Я ехал вдоль канала. По бетонному его руслу шириной в добрую речку мчал бешеный поток. Это, конечно, не тот, тридцатилетней давности канал (от того уже и следа не осталось), но вода в нем была из тех же речек и несла с собой то же спасение от вечных засух, несла жизнь. Я ехал вниз, а поток без видимых усилий раался вверх, и подъем для него был достаточно крут.

— Наверное, мощные насосы нужны?— спросил я.

— Для чего? — удивился секретарь парткома колхоза Кенес Акимбеков.

— Ну не по щучьему же велению вода в канале в гору течет?

— Нет, конечно, но зато по нашему хотению,— рассмеялся Акимбеков.— Просто проектировщики так рассчитали инерцию воды, что ее хватает для одоления подъема, а там она сама потечет под уклон, на кукурузные плантации. Этот канал — любимое детище Николая Никитича. Сколько он доказывал на различных совещаниях его целесообразность. Говорили — дорого, а канал уже окупился многократно.

— Мы ведь тоже денег на ветер не бросаем,— добавил главный экономист Куандык Бозымбеков,— хотя доходы колхоза превысили тридцать миллионов рублей, а чистая прибыль достигла десяти миллионов. Мы превзошли известную поговорку: не семь раз отмеряем, прежде чем отрезать, а десять...

Я ехал вдоль канала, к которому с обеих сторон подступали поля кукурузы. Они простирались до самых гор. Странно даже думать, что не так давно здесь была лишь каменистая полупустыня. Но я думал именно об этом, потому что час назад мне показали, как готовят под посев новое поле. Оно походило то ли на щебеночный карьер, то ли на котлован под неведомое строительство, то ли на перенесенную сюда часть лунного пейзажа, но только не на землю, пригодную под посев. И буквально рядом, через дорогу, стеной стояла на такой же земле кукуруза...

— Кукуруза, как тайга,— сказал звеньевой Алимжан Бахтаев.— Красавица. В этом году соберем не менее ста пятидесяти центнеров зерна с гектара, несмотря на засушливое лето.

— Вы так уверены в этом, хотя уборка еще не скоро?

— Уверен, потому что свой участок знаю лучше, чем собственный дом. Смотрите, вот початок. В нем примерно триста граммов зерна. А на гектаре у меня 50—60 тысяч стеблей кукурузы и на каждом по початку. Теперь сами прикиньте будущий урожай.

— Получается даже больше,— сказал я.

— Вполне возможно,— согласился Бахтаев.— Земля наша гордая. Она щедра, только одного не терпит — равнодушия...

Председатель колхоза «40 лет Октября» Н. Н. Головацкий.

В словах звеньевого из колхоза «40 лет Октября» я неожиданно нашел ключ к загадке председателя Головацкого, которая давно не давала мне покоя. Почему, спрашивал я сам себя, у Головацкого выше урожайность даже на худших землях, чем у соседей? Почему упитанней скот? Зачем посреди засушливых степей ему понадобилось вдруг выращивать водоросли — хлореллу? Почему в местах, где никогда не разводили уток, он настроил утиных ферм? Почему наперекор общепринятому мнению здесь много лет подряд сеют кукурузу по кукурузе (на некоторых участках 25 лет подряд), а урожай год от года повышается и земля не истощается? Кстати, главный агроном колхоза Тен Ин Гер защитил на эту тему кандидатскую диссертацию. Сам же Головацкий за внедрение в производство югославских сортов кукурузы избран почетным академиком югославской Академии наук и награжден золотой медалью. На Родине он отмечен пятью орденами Ленина и званием Героя Социалистического Труда. Почему отсталый колхоз имени Джамбула, влившись в хозяйство Головацкого, стал давать через три года продукции в 8 раз больше, чем прежде? На тех же землях, с теми же людьми. Может быть, Николай Никитич волшебное слово какое знает? Да нет же. Просто во все времена талантливые люди (чем бы они ни занимались — сочинением музыки, созданием ракетной техники или выращиванием кукурузы) были одинаковы в одном — неравнодушным отношением к жизни, к своей работе. Это главный двигатель в любом деле.

Кстати, еще раз о кукурузе. Это сейчас Панфиловский район Талды-Курганской области считается кукурузным поясом Казахстана (здесь сосредоточена треть посевов зерновой кукурузы в республике), а раньше ее тут не сеяли, и первым начинал Николай Никитич Головацкий. Об этом он рассказывал мне сам. Воскресным утром сидели мы в колхозной конторе. Был Николай Никитич после болезни, на работу сегодня выходить не собирался, но на просьбу мою откликнулся, пришел. Тут же сарафанная почта разнесла эту весть, и у дверей собралось порядочно народу. Кто пришел к Николаю Никитичу как к депутату Верховного Совета СССР, и с такими он беседовал особенно внимательно и душевно, кто решал неотложные хозяйственные проблемы. Пришла в полном составе семья горожан — проситься в колхоз. Головацкий оживился. Стал придирчиво расспрашивать, почему к ним просятся, где работали, чем увлекались. Наконец, сказал: «Мы вас примем с испытательным сроком. Посмотрим, что скажет земля, на которой вы будете трудиться. Учтите только: земля наша трудная, душевную теплоту любит и упорство. Гордая земля...» Когда бывшие горожане вышли, Головацкий встал и подошел к окну. Глаза его молодо блестели, он улыбался.

— Все-таки здорово, когда твои мечты сбываются. Может быть, это и есть счастье? — обратился он ко мне и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Посмотрите, что происходит. Городской житель просится в колхоз. Значит, на деле стираются грани между городом и деревней. Значит, политика партии плодотворна и верна. Я мечтал когда-то о тысяче поливных гектаров, а сейчас в колхозе почти десять тысяч гектаров поливных земель и будет вдвое больше. Это наш вклад в Продовольственную программу страны. А начинали мы с малого. Ранней весной 1955 года в Алма-Ате собрался республиканский актив, на котором с речью выступил Леонид Ильич Брежнев, бывший в ту пору секретарем ЦК Компартии Казахстана. Среди других коренных вопросов дальнейшего подъема сельскохозяйственного производства он подчеркнул особую важность расширения посевов кукурузы, повышения ее урожайности. Надо сказать, что кукуруза для Казахстана была в ту пору своего рода неподнятой целиной. Урожаями по двадцать центнеров с гектара гордились. Я слушал Леонида Ильича и начинал понимать, что в нашей зоне с обилием солнца и искусственным орошением кукуруза может стать настоящей королевой полей. Вспомнил, как однажды бригадир Байжума Талимжанов засеял три гектара кукурузой на корм общественному скоту. За лето они полили посевы четыре раза, а осенью не могли справиться с урожаем, запросили помощи... К счастью, сразу после республиканского актива мне довелось участвовать в семинаре кукурузоводов в Каскеленском районе Алма-Атинской области. Семинаром руководил лично Леонид Ильич Брежнев. Там мне и другим руководителям хозяйств помогли познать многие секреты и тонкости возделывания этой культуры. И вот весной 1955 года мы посеяли целых 300 гектаров кукурузы. Труда вложили в уход за посевами немало, но и урожай получили по тем временам отличный — по тридцать семь центнеров зерна на круг. С этого и пошло... Сейчас мы производим гибридные семена кукурузы для северных целинных областей Казахстана, часть их отправляется на Украину, в Молдавию и ГДР. Ими засевается более миллиона гектаров...

— Николай Никитич,— сказал я,— у меня такое впечатление, что в вашем колхозе сплошь профессора математики. Все всё считают. Пришел вчера на утиную ферму, взял на ладошку пару утят. Слышу, птичница шутит: «Ну, силач, целого бычка поднял». И тут же, как дважды два, подсчитала: пара уток за год производит столько потомства, что оно действительно равно по весу хорошему бычку, а в целом колхоз дает за это время три тысячи тонн утятины... В биоцехе, где выращивают хлореллу, мне объяснили, что в кормах не хватает каротина, а эта водоросль почти чистый каротин, что добавка ее к кормам повысит привесы, а это столько-то и столько тонн мяса дополнительно к плану... В овцеграде, где молодежная бригада «Армандастар» — «Мечтатели» — из десяти человек откармливает 25 тысяч барашков, мне сразу подсчитали себестоимость центнера баранины на откорме по сравнению с пастбищным содержанием, не говоря уже о том, сколько высвободилось чабанов...

— Профессора, говорите? Это верно, они профессора в своем деле. Будь иначе, наша земля так и осталась бы каменистой пустыней. А математические модели, которые они строят, позволяют представить идеал. Разве это плохо?

— Нет, конечно. Я проезжал по вашим полям и подсчитал...

— Ну вот, вы, кажется, тоже становитесь профессором,— прервал меня Головацкий, и мы оба рассмеялись.

Я снова ехал вдоль канала. Чьито добрые и сильные руки очистили поля от камней и засадили их кукурузой, пшеницей, садами. Теперь я знал, что это руки гордых людей, живущих на гордой земле.

Колхоз «40 лет Октября» Талды-Курганской области. Будущее колхоза * Экибастуз. Монтаж мощного экскаватора.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Чествование героев уборки в совхозе имени И. Ф. Павлова Кустанайской области.

Д-79
40
НИВА

ИЩУ СВОЮ ПЕСНЮ

Ю. ЮРЬЕВ

Путь на эстраду начинался для Нагимы Ескалиевой, как для многих, в самодеятельности. Впрочем, тогда она еще не думала стать профессиональной певицей. Просто пела, как поют птицы, радуясь жизни и солнцу. Росла в рабочей семье. Отец — штукатур, мать — работница молочного комбината, у них пятеро детей. В доме была домбра — привычная спутница жизни казахов; на ней играла мать, а отец напевал песни — под Раджа Капура и народные казахские. На таком музыкальном «фоне» росла Нагима.

В то время шел фильм «Фараон». Подружки убедили Нагиму, что главная героиня на нее похожа. Ей и самой так показалось, и, решив, что этого вполне достаточно, чтобы стать актрисой, она записалась в драмкружок при Дворце пионеров.

Занималась пять лет. И к окончанию школы поняла, что для актрисы одной внешности мало. Нужно нечто большее — талант и знания. Но кто мог сказать, есть ли у нее талант? Она решила поступить в эстрадно-цирковую студию; ее приняли... на кукольное отделение.

Сначала занятия казались несерьезными, и только потом, много времени спустя, поняла, что они явились подарком судьбы: именно там Нагима впервые познала азы трудного актерского ремесла.

Одновременно она выступала в качестве солистки в самодеятельном вокально-инструментальном ансамбле «Алтын дан» — «Золотой колос», которым руководил профессиональный композитор Владимир Львовский. Молодая певица чувствовала, что на эстраде у нее начинает что-то получаться. Но и театр — пусть даже кукольный — ей тоже нравился, Нагима достигла на этом поприще определенных успехов. На выпускных экзаменах она получила хорошие оценки и приглашение в Республиканский театр кукол. Другая на ее месте, возможно, была бы польщена, а она отказалась: теперь эстрада занимала все ее мысли и чувства. К тому же было курьезное воспоминание, которое заставило ее даже рассмеяться в ответ на серьезное предложение главного режиссера Республиканского кукольного.

— Вы только не обижайтесь,— извинялась она.— Это я над собой смеюсь. Просто еще раз вспомнила, как однажды во время представления выпрямилась во весь свой баскетбольный рост за ширмой, и голова моя неожиданно возникла рядом с куклами! Зрители онемели... Понимаете, мне приходилось, чтобы «не высовываться», все время играть на полусогнутых ногах, но не могу же я находиться в таком состоянии всю жизнь! Мне «высовываться» как раз нравится...

Имя Нагимы Ескалиевой становится все более популярным среди любителей эстрадной музыки. Хороший, сильный голос, непосредственность исполнения, красота и обаяние артистки привлекали слушателей. Молодежные конкурсы «Алло, мы ищем таланты!» и «Молодые голоса» (тут она стала дипломанткой) открыли ей глаза на мир. Она узнала, что несметное количество девушек и юношей хотят петь на эстраде, но, увы, большинство из них и манерой исполнения и репертуаром удручающе похожи друг на друга.

Нагима поняла, что обрести и неповторимость и свой голос на сцене неимоверно трудно; что нельзя петь все подряд, как она это делала раньше; что нужно искать свою песню... К тому времени она уже училась в музыкальном училище и выступала в «почти профессиональном» ансамбле «Шалкыма» («Вдохновение») при Алма-Атинской консерватории.

Здесь была и ее школа и ее лаборатория. Здесь она училась, пробовала, искала, экспериментировала, одновременно пела в цирке и в программе алма-атинского «Варьете». Со своим ансамблем ездила в Алжир и Чехословакию. Удивительно, как ее на все хватало!.. Наконец, в 1978 году после московских гастролей с казахским цирком ее пригласили в «Гульдер» — самый известный в республике эстрадный коллектив. А через год Нагима Ескалиева испытывала свои силы уже во Всесоюзном конкурсе молодых артистов эстрады, который проходил в Ленинграде.

— Это был из экзаменов экзамен,— рассказывает Нагима.— В Ленинград съехались со всех концов страны около двухсот вокалистов. Меня трясло, как в лихорадке, потому что я вытянула жребий с первым номером и должна была открывать весь этот парад. Вышла на сцену, глянула в зал, а там в пятом ряду жюри — Аркадий Райкин, Иосиф Кобзон, Гелена Великанова, Эдуард Хиль, Эдита Пьеха, известные композиторы... Первую песню, «Цвети, земля моя» композитора Ермешева, пела и дрожала — боялась, что голос будет вибрировать. Две другие исполняла уже спокойнее. А потом все шесть дней, пока длился первый тур, переживала: казалось, что выступила плохо. Потом, в финале, стала дипломанткой конкурса, хотя, конечно, хотелось стать лауреатом.

— Зато свершилась другая ваша мечта — стать актрисой?

— Да, недавно я сыграла главную роль в полнометражном комедийном телефильме «Родные степи». Моя героиня — волевая, решительная женщина, кстати, на два десятка лет старше меня. Она диктует свою волю и слабохарактерному мужу и сыну-шалопаю, и попадает из-за этого в разные смешные ситуации... Но не буду пересказывать фильм! Скажу лишь, что без песен в нем не обошлось...

Нагима Ескалиева стала-таки лауреатом, победив в другом Всесоюзном конкурсе — «С песней по жизни», проходившем в Москве. Состав участников был очень силен; к тому же еще и жюри приготовило для них сюрприз: обязательную песню. Нагиме досталось петь «Дадим шар земной детям».

— Я чуть не умерла от огорчения! И не потому, что песня трудна и сложна для исполнения,— это как раз меня привлекало, а потому, что ее уже спела София Ротару! Как петь после нее? Хуже нельзя, а как лучше?.. Хотелось спеть по-своему, самобытно. Хотелось петь никем еще не петое, чтобы песня стала только моей. Но против судьбы не пойдешь...

Финал конкурса показывали по телевидению. Участников снимали даже за кулисами, и все их волнение поэтому передавалось зрителям. Объявили фамилию Ескалиевой, и она непроизвольно вскрикнула: «Ой, мама!» Вокруг рассмеялись. Тогда она, с виду невозмутимая, пошла к сцене, и никто не догадался о ее волнении, которое не давало ей заснуть в предконкурсную ночь. А спела она великолепно — и песню, предложенную ей жюри, и вторую: «Поклонение солнцу» казахского композитора Байтерекова.

— Потом жюри ушло совещаться. А мы стояли за кулисами и ждали решения. Напряжение нас отпустило. Мы шутили, смешные моменты вспоминали. Рядом со мной Ксения Георгиади была, я ей говорю: «Ну, Ксения, ты будешь первой: и пела лучше всех, и стены родные, московские должны помочь». И тут, слышу, объявляют: «Солистка ансамбля «Гульдер» Нагима Ескалиева удостоена первой премии». Надо же! Ведь первая-то премия была всего одна!..

— Есть ли у вас образцы для подражания на эстраде?

— Я никого не хочу копировать, хочу быть сама собой.

— Ваши планы на будущее?

— Петь, как можно больше петь. И искать свою песню. Поступить в институт культуры и окончить его. Испытать себя в каком-нибудь международном конкурсе. Сыграть роль в серьезном фильме — это опять мечта детства. И снова петь...

Солистка ансамбля «Гульдер» Нагима Ескалиева, лауреат Всесоюзного конкурса молодых артистов эстрады.

Фото Ю. ЛУШИНА

КНИГА ОБ ОТЦЕ

Лариса ВАСИЛЬЕВА

РОМАН — ВОСПОМИНАНИЕ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Памяти Николая Алексеевича Кучеренко

С благодарностью думаю о тех, кто прочитает эти страницы.

Возможно, некоторым книга покажется документально-биографической. Другим, возможно, увидится в ней повесть, лишенная документальности. В обоих случаях не буду разубеждать.

Жизненный материал и история создания танка, к которой имел отношение мой отец Николай Алексеевич Кучеренко, легли в основу книги. Однако мне не хотелось, чтобы люди, знавшие эту историю, ставили знак равенства между героями и реальными людьми, а люди, ничего не слышавшие о ней, считали все выдумкой.

Моей целью было отразить не черты той или иной личности, а через людей — черты Времени.

Единственно, кто реален здесь,— актеры. Я не стала менять им фамилии и ситуацию — они так много в своей жизни играют других людей, что можно позволить им остаться в собственной роли.

АВТОР

Курган велик и крут. С вершины, как на ладони, городок. Кто и когда сказал, что курган — половецкое захоронение? В нем много богатств, множество тайн прошлого скрыто от живущего на земле человечества.

Ранней осенью то ли восемнадцатого, то ли девятнадцатого года, примерно в полдень на вершине кургана стояли дети.

Троим было лет по двенадцати-тринадцати, четвертый совсем малый, пухленький, аккуратно одетый. У ног троих лежала старая бочка из-под квашеной капусты, выброшенная кем-то за ненадобностью и не подобранная рачительным хозяином. Пустая бочка в добром хозяйстве всегда найдет применение.

Печатается с сокращениями.

Но время, как известно, стояло такое, что добрых хозяев в домах было маловато, а какие оставались — не до бочек им...

Трое застыли перед бочкой.

— Ну! — раздался из бочки глухой голос.— Давай!

— Готов? — спросил мальчик с карими, глубоко посаженными глазами, носом, заканчивающимся небольшой картошиной, и светлой копной на голове.

— Боишься? — нагнулся к бочке рыжий, узкоглазый крепыш с квадратным лицом.

— Давай! — отвечала бочка.

И тут неожиданно заревел малыш:

— Я бою-ю-юсь! Не надо! Бою-ю-юсь!

— Молчи ты! — оборвал его черненький.

— Давай! — требовала бочка.

Рыжий толкнул. Она покатилась стремительно, подпрыгивая на буграх, шумя и погрохатывая по камням.

— Ур-р-р-р-р-р-а-а-а-а-а-а! — неслось по всей округе из трех глоток.

Мальчишки мчались следом за бочкой, пригибаясь, выпрямляясь, спотыкаясь, лавируя, чтобы не упасть, размахивая руками, цепляясь за траву.

Бочка летела. Если бы кто мог прислушаться, то услышал бы протяжный глухой звук из ее нутра: то ли о-о-о-о, то ли а-а-а-а, то ли у-у-у-у.

Она скатилась и понеслась по узкой тропинке, начинавшейся у подножия кургана. Поднялась пыль.

Малыш в слезах кинулся было за старшими, но на крутизне упал, ухватился ручонками за траву и теперь сидел посередине кургана, крича во все горло.

Бочка катилась медленнее, медленнее. Вот мальчишки настигли ее и пошли рядом, наклоняясь к нутру. Вот она остановилась совсем, секунду задержалась, потом снова двинулась, сделав два оборота, и застыла.

Длинноногий, очень худой мальчишка вылез из бочки. Продолговатое лицо, по форме точь-в-точь куриное яичко, было в грязи и ссадинах. Волосы казались светлее бровей, хотя были грязные, всклокоченные. На худеньком лице выделялся ровный длинный нос, книзу клешником, и яркие, крупные, пухлые губы. Большой лоб, раздвоенный подбородок, что еще сказать — все отличительные черты личности были в эту минуту озарены торжеством. Выиграл спор — не побоялся. Синие глаза сверкали, рот растягивался в улыбке, показывая сильные белые зубы.

Он задрал вверх длинные прутья рук с непропорционально большими кистями, потряс ими и закричал:

— Победа!

Все четверо загалдели, засмеялись, запрыгали. Но вот взгляд мальчишки, вылезшего из бочки, упал на курган, и улыбка ушла. Отодвинув рукой рыжего, он стал карабкаться вверх и в секунду был возле ревущего ребенка. Взял поперек туловища под мышку, медленно стал спускаться, нашептывая:

— Не бойся, маленький, не бойся, братушка, не бойся, Вовочка...

Вовочка затих, едва лишь старший брат коснулся его тельца. Спустившись, герой поставил ребенка на землю и стал грязной ладонью вытирать малышу заплаканное лицо.

Как раз в эту минуту мимо проходил человек. Он молча обошел бочку, остановился и, глядя в густо-голубое с кучевыми облаками почти уже осеннее небо, заговорил, вернее, забормотал:

— Итак, веселитесь, небеса и обитающие на них! Горе живущим на земле и на море, потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что не много ему остается времени!..

После таких слов он, обращаясь к мальчишкам, обычным, будничным крестьянским голосом сказал:

— На Знаменской пожар. Подожгли барыню Пирогову.

Мальчишки переглянулись. Это был городской дурачок Никитушка, которого они дразнили и гоняли, худенькое существо неопределенного возраста, весь в морщинах, он имел, однако, очень умный взор хитреньких, всегда слезящихся глазок.

Дети пустились бежать в сторону города. Никитушка проводил их взглядом и снова забормотал:

— Бе-дные, бедные, чада божии, и дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью...

Мальчишки не могли слышать, да и какое это имело к ним отношение?

Если бы кто сказал Никитушке, что он своими словами напутствовал героев нового времени, он удивился бы, а возможно, и нет, потому что, говорили некоторые, нужно вслушаться и вдуматься в бормотания Никитушки, похоже, что он пророчествует. Хотя мальчишкам вслед он, кажется, ничего пророческого не сказал.

ВСТРЕЧА ПОСЛЕ РАЗЛУКИ

Здравствуй!

Сейчас я приоткрою окно, запру дверь, чтобы никто, кроме ветра, нас не посетил. Потом поглубже окунусь в кресло — устала. Сегодня ездила на дачу — закрывала дом на зиму. Суббота. Поздняя осень. Дождь моросит. Все серое: мостовая, машины, заляпанные грязью, лица у людей осенние. Села в вагоне электрички к окну. Сзади зашумели — вошла большая компания. Слышу голос:

— Идем туда, где бабуся сидит. Там свободней.

Бабуся — это я. Впрочем, юноша, взглянув на меня, извинился:

— Со спины в платке вы постарше показались. Не стесним?

Кивнула. Они тут же забыли о моем существовании. Совершенно забыли. Не обидно. Забавно. Будущее поколение. Расселись, как воробьи на ветке, тесно. Кто поместился, кто стоять остался. Один парень на полу у самых моих ног осел. Прехорошенькая девушка удобнее всех оказалась — против меня у окна.

— Наташка, как всегда, на лучшем месте!

— Красота страшней кинжала!

— Да ну вас!

Поезд пошел. Я задумалась. Они запели. Сначала не вслушивалась, однако слова как-то незаметно, властно вернули меня к ним. Что такое?

Они пели согласно, негромко, как говорится, интимно. Особенно слышался мягкий, спокойный голос гитариста, худенького паренька, горбоносого, с кудрявым чубом и небритыми щеками. Мне он был виден в полупрофиль. Тонкие губы едва шевелились. Слова, казалось, вылетали сами:

Скатертью, скатертью хлор-циан стелется
и забирается под противогаз,
каждому, каждому в светлое верится,
падает, падает ядерный фугас...

Там были еще слова о том, как погибнет земля, а все, что от нее останется, они положат в голубую коробочку и унесут с собой. Не помню слов, лишь припева — они его все повторяли — забыть не могу. Хорошенькая На-

таша сидела, полуотвернувшись от компании, смотрела в окно. Наверняка она оказалась здесь сегодня по случайной уважительной причине, а всеми чувствами была далеко, с кем-то далеким, таким достойным, что мысли о нем делали ее личико божественным. Но и она, машинально глядя в мутно-серое с черными потеками окно электрички, полушепотом вторила:

падает, падает ядерный фугас!..

Я слушала, похолодев. Эти ироничные, умные, сытые, пропитанные потоком информации дети, эти семнадцатилетние, вчерашние малыши, мальчики — одни в солдаты, другие в институты; и девочки, в большинстве своем определившиеся:

— Ты, Ленка, завтра в первой смене? Подстрижешь меня помодней?

— Давай! Прихвати у себя под прилавком килограммчик бананов...

Эти дети, ничего еще не видавшие, были спокойно готовы к самому страшному. Конечно, им еще в светлое верилось, но ядерный фугас падал неумолимо. Они так легко относятся к тому, что заставляет меня холодеть. Легкомыслие молодости? Поза? Скорей всего и то и другое.

Взрослый вагон равнодушно внимал песне, во всяком случае, моралиста не нашлось. А я весь день под впечатлением. Думаю о тебе. Скажешь, почему обо мне, ты должна думать о сыне, которому, как им, семнадцать. Ему жить.

Сына изучила наизусть, заранее знала, вернувшись домой, расскажу про песню — он в ответ:

— А, а, эта... песня-страшилка. Ну и что? Клевая песня.

...Хочу видеть мир твоими глазами. Представляю себе, что бы ты сказал, как поступил. И, кажется, легче жить. Ты был рядом, близко — не ценила. Легко, бездумно ощущала тебя. Ты стоял, как стена,— я опиралась. Теперь понимаю — вся моя уверенность происходила от твоей силы.

Помню детство — лечу с горы. Санки подпрыгивают на буграх. Повизгиваю, закутанная бабушкой, одни глаза на ветру. Под горой, распахнув навстречу руки, стоишь ты, огромный, необъятный, в темном пальто, без шапки. Резко наклонившись, выхватываешь меня из санок, кружишь, кружишь — падаем в теплый снег.

Мы редко виделись в том моем детстве, которое обозначалось двумя словами: ДО ВОЙНЫ. Ты всегда был на работе. При встречах ты старался вознаградить меня за свое отсутствие. Книжки, конфеты и прочие дары сыпались потоком. Я перестала удивляться им и радоваться. В том детстве ты выкроил для меня целое утро, взяв Первого мая на демонстрацию.

Я почти не помню большого города, где мы жили. Смутно вижу дом и улицу, яснее квартиру. Помню огромную площадь в центре и фонтан с зеркальной струей. Мы с тобой долго стояли перед нею в день демонстрации, прежде чем попасть на площадь.

Бабушка повязала мне большой алый бант, застегнула новые белые туфельки. Идти в них было невозможно. Ты сердился:

— Нельзя так обувать ребенка!

В слове «демонстрация» мне чудилось опасное, огненно-черное. В нем был «Демон», его читала вслух «графиня» Таня, и «настурция» — она росла под окном нашего дома, и о ней старенький врач Аркадий Клавдиевич сказал маме, я сама слышала:

— Прекрасны вы и настурций огненный куст!

Демонстрация оказалась веселой. Ты усадил меня на плечи.

Я плыла в синем небе среди знамен и бумажных цветов, над шумом толпы. Птицы пролетали страшновато близко. Ты шел, окруженный людьми. Они обращали на меня внимание, нахваливали бант и туфельки. Равнодушная к их словам, я принадлежала небу. Сердце заходилось, едва ты поворачивал шею, хотя я крепко сидела.

Люди вокруг кричали «ура», все смотрели в одну сторону, я тоже смотрела, но ничего не видела, кроме неба и флагов. Звучала музыка. От ее звуков по сей день, если вдруг снова услышу в праздник, щекочет горло, подступают слезы. Потом ты поставил меня на землю. Закружилась голова — я снова маленькая. Ты поил меня сладкой водой. Она пахла грушами. Я хрустела вафлями, измазалась шоколадом. Какую-то девочку знакомили со мной, но я ее не запомнила, сильно переживая ощущение высоты.

От демонстрации еще остался в памяти лысый старик с огромной круглой головой. Он был невысок, но мне показалось, что ты смотрел на него снизу вверх. Могло ли быть?

Расставаясь, старик сказал тебе:

— Машина вас уничтожит, если весь не будете принадлежать ей.

Эти страшные слова ты воспринял спокойно, а я запомнила навсегда. До сих пор не понимаю их смысла.

Сколько лет тебе было тогда? Двадцать семь? Внуку твоему до двадцати семи еще десять лет жить. За эти годы дорастет ли он до тебя, двадцатисемилетнего? Думаю, не дорастет. Может быть, это обман зрения? Может быть, человеческое существо, находясь в промежутке между жизнью отца и жизнью сына, не в состоянии объективно видеть и того и другого? Ты всегда казался мне взрослым, потому что отец. Он всегда будет казаться ребенком, потому что сын. Закон природы.

Вспоминаю свои восемнадцать лет, тебя и твоего друга черноусого Степана Шапошникова, приехавшего к нам, в Москву, с Урала. Друзьям детства есть что вспомнить. Меня вы оба тогда мало интересовали. Я прогуливала с мальчишками все вечера, кружа головы, испытывая на них свои жалкие чары.

Ты сидел за столом широченный, огромный: время от времени наливал себе и Степану из заветной фляги с «Двенадцатью Разбойниками». Что это было за зелье! Стеклянная фляга еще дореволюционного производства напоминала морское дно.

Теперь я хорошо знаю состав зелья. Сама могу изготовить. Правда, оно, увы, не столь ядрено, как твое, но все, кто знал его прежде, уверяют, что я делаю его, почти как ты: чего-то малого не хватает.

Там и крупинки калгана, и листва петрушки, и белые ладейки — дольки чеснока, и чаинки, и цветы зверобоя, и метелки зубровки, и смородиновый листок, и листок дуба, крохотный, сорванный молодым, и семена тмина, и черные точки можжевельника, и почки березы, и мелко порезанная тонкая кожица апельсина...

Горячий, раскрасневшийся, подмигиваешь мне — мол, пошла, ну ладно, счастливо — ты оставался со Степаном. Вы говорили, не уставая. Никогда не узнаю, о чем, хотя многое готова отдать теперь, чтобы узнать. Что имеем — не храним...

Ты рано ушел от родителей. Рано повзрослел. Ты должен был сам кормить себя, да еще матери посылать, не потому, что ей нужны твои деньги, а потому, что так в твоей семье поступали все мужчины. Для тебя исключений не было. Это поколение другое. Не могу представить, как мой сын вдруг принесет мне с получки деньги.

Злая, да? Сварливая? Ругаю свое время, сверстников, детей — всем тебя противопоставляю. Тут не в тебе дело. Все твое поколение было особенным. Счастливое и несчастное. На ваши плечи Время легло, вы его груз несли, мы последыши. Дети наши тем более. Мир кем-то построен по принципу автомобильного двигателя — всасывание, сжатие, рабочий ход, выпуск. Думаю иногда: если проследить историю человечества по векам, то в каждом веке точь-в-точь выражены четыре фазы двигателя. Твоему времени рабочий ход достался. Вы люди рабочего хода. Мы с моим сыном уже выпуск обозначаем.

Чепуха, говоришь? Что-то в этой чепухе есть. Во всяком случае, применительно к нашему веку все сходится.

Почему никогда, пока жив был, я с тобой так не говорила? Неужели причина была во мне? В моем эгоизме, озабоченности собою? Что ни вспомню о тебе, любую мелочь или нечто крупное, — все в итоге есть воспоминание о себе.

Итак, ты соучастник моих радостей и огорчений! Ты помощник в трудную минуту! Удобный, необходимый человек. Твои слова и поступки касались меня, моих дел, проблем, желаний. Твоя жизнь протекала рядом и совсем далеко от меня. Виновата ли я? Разве детям нужны дела отцов?

Иногда мы с тобой ссорились. Не помню причин. Спорили. Помню, ты сдавался мне, как слон моське, как лев сдался бы мухе. Как камень капле. Не люблю ходить к могиле: там нет тебя, ты дома, ждешь, чтобы я села в кресло и начала эти почти ежедневные разговоры с собой, с тобой...

Разве мне не с кем поговорить? Некому выплакаться? Выплакивать, в сущности, нечего — живу. С точки зрения обывателя, все есть: дом, работа, муж, сын.

Постой, я, кажется, нашла объяснение. У Пушкина — строки: «Жизнь, зачем ты мне дана?» Он был гений, а ответа на этот вопрос не знал. И не нашел. Впрочем, люди теперь, кажется, знают, зачем она была дана ему.

Если пойму тебя, пусть запоздало, разгадаю тайну твоей жизни — моя жизнь мне прояснится? Дети не должны знать слишком много о родителях? Есть некий непреступаемый барьер? Могу неправильно понять тебя? Отцы и дети вообще плохо понимают друг друга?

Помнишь соседа-художника, сгорбленного старика, симпатягу? Ты называл его «Желудем». Дочь его, «Корягу», помнишь? Недавно я зашла к ним. «Желудь» был на этюдах. Она долго жаловалась мне на его деспотический, невыносимый характер, рассказывала о летчике, за которого он не дал ей выйти замуж. Представляешь, а мы-то всегда думали, что это «Коряга» с ее мужской фигурой, угластым лицом и злющим характером — помнишь, она ссорилась со всеми во дворе — совсем замучила талантливого старика. Кто-то, не помню кто, рассказывал, что она не дала ему жениться на какой-то Лидии с пышными волосами. Может, она летчика выдумала? Но она показалась мне такой искренней в своем рассказе. Поди разберись.

Отцы и дети плохо понимают друг друга? Мы с тобой друг друга понимали. Вернее, ты понимал меня. Не давал возможности себя понять.

Ты был когда-то мальчиком. Бегал по пыльной дороге. Разбивал в кровь коленки. Проказничал. Был юношей. Мужчиной средних лет. Стариком. Ты был безвестным. Ты знал славу. Ты искал ее? Был тщеславен? В последнее время в дни танкистов раскрывал «Правду», волнуясь, — не забыли?.. Искал истину? Мучился сомнениями? Любил без памяти? Что? Затронула струну? Нет, показалось. Вы с матерью прожили более сорока лет в полном согласии. Ты подавлял ее сильным характером. Однако она умела мягко и нежно поступить по-своему, внушив, что именно этого ты хотел. Не так ли? Типичная картина идеального брака.

Звонят в дверь. Никого не жду...

Инна Николаевна вчера видела улыбку этого человека на экране телевизора в короткой беседе с моложавой, седоватой, пышногрудой дамой, которая расспрашивала его о туркменских впечатлениях.

Монистов и сегодня улыбался, уверенный в том, что ему все, всегда и везде непременно рады.

— Простите великодушно, я без звонка, но, право, мы с вашей матушкой звонили вам целый час. Она позволила мне прийти, уверив, что вы непременно дома и выключили телефон, потому что надоел.

Инна вздохнула — он только что от матери, значит, там у нее все в порядке. Страх за жизнь матери стал постоянным. И с каждым днем усиливался. Инна вообще всегда боялась, что умрет кто-нибудь из близких. Она не боялась только за себя, потому что с нею никогда ничего плохого не случалось и не могло случиться.

Отец когда-то знавал Монистова. В синей отцовской папке среди прочих бумаг лежит темно-желтый листок из газеты, вырезка с названием «Созидающие броню» — набор фраз о том, как создавали знаменитый танк. В нем описание морозной зимы, обветренных лиц танкостроителей с воспаленными от бессонных ночей вéками, добродушный великан, начальник КБ, ведущий танк через снежное поле. Отец однажды перечитал эту вырезку и хотел порвать, мать не позволила:

— Ты всегда ревновал меня к Монистову. Он замечательно написал!

Мать любит печатное слово. Все, что набрано в типографии, кажется ей замечательным. И правдой.

— Я старый человек,— сказал Монистов Инне,— эта книга, возможно, будет последней. Я любил вашего отца. Понимаете, необходимо восстановить время. И в некотором роде справедливость. Ваш отец был слишком скромен. Грубо говоря, дал себя затереть. Нужно восстановить справедливость. Сейчас, по моим данным, несколько человек пишут книги о создателях легендарного танка. И все они стараются замолчать роль вашего отца.

— Зачем им это нужно? — недоверчиво спросила Инна.

— Трудно сказать. Хотя, понимаете, чем далее уходит от нас грозное военное время, тем меньше остается свидетелей. А среди оставшихся разные есть люди...

— Скажите прямо, в чем дело?

— Откройте последний том...

Он назвал новую книгу о войне, она стояла за спиной Инны на полке.

Инна открыла. Действительно, в книге среди авторов танка имени его не было. Оно было всегда. Оно было на пожелтевшем листке «Правды» от... 1942 года и на многих других листках.

Растерялась. Обиделась. Горячий поток прихлынул к сердцу. Щеки запылали. За что?

— Я напишу письмо в...

— Не надо. Я напишу роман. У меня много материала. Вы не можете себе представить, какого материала! Поймите, неупоминание это неспроста. Есть рука, вычеркнувшая имя. У нее были для этого некоторые основания.

— Что вы хотите сказать? Разве отец не был одним из трех конструкторов танка?

— Я хочу сказать, что основания были вычеркнуть, потому что, быть может, он был не одним из трех, а единственным...

— Это неправда. Их было трое. Отец всегда подчеркивал. Сначала главный конструктор Векшин...

— Ах, милая, затем-то я и пришел к вам, чтобы вместе разобраться. У меня есть воспоминания некоего Шапошникова — вам ни о чем не говорит эта фамилия? Он решительно утверждает, что именно Николай Сергеевич был главным творцом машины.

— Ничего подобного я от отца никогда не слыхала.

— Он разве много рассказывал дома о своей работе?

— Что вы! Никогда.

— Откуда же вам было знать?

— Но он так высоко всегда ставил Векшина. И с Холодовым его связывала дружба. Нет, не может быть. Шапошников путает.

— Во всяком случае, не мешало бы разобраться. Кто-то объявляет его едва ли не единственным автором машины. Кто-то вообще не упоминает среди авторов. Неувязка, не так ли?

— Что нужно от меня конкретно? Бумаги, письма...

— Вы читали их?

— Да, некоторые.

— Надо их изучить. Без вас мне не обойтись. Да и вам без меня. Вас, кажется, в детстве Лусей звали? У меня хорошая память. Кстати, я не был на похоронах отца. Не показалось ли вам что-нибудь странным?

— Во время похорон? Нет... Я ничего не соображала. Каменная была.

За чаем они договорились пуститься на розыски людей, знавших отца. Собрать все, что только можно. И что нельзя. Они вспоминали имена, распределяли их между собой, волновались. Каждое имя должно было дать цепочку других имен. Многие, конечно, умерли. Да и те, кто жив, не все пригодятся. Не нужно обольщать себя. На опыте жизни Монистов знает, что воспоминаниям особенно доверяться не следует. Не говоря уже о том, что людям порой есть что скрывать, они часто просто не помнят многого или помнят, но путают, ошибаются, выдают желаемое за действительное.

...Ушел... Какой неожиданный приход! Сердце сильно билось, щеки горели. Она была напряжена, полна сил и решимости, как всякий человек, перед которым вдруг появилась цель. Казалось, совсем другая женщина два с лишним часа назад предавалась аморфным размышлениям, обрывочным воспоминаниям.

Все в жизни рано или поздно становится на свои места,— думала она, собираясь просидеть ночь без сна над отцовскими бумагами,— не зря вот уже несколько лет «говорю» с ним, как с живым, не напрасно мучаюсь сознанием: должна что-то сделать, что-то понять, может быть, что-то объяснить. Связать развязанное? Видимо, в моем подсознании еще при его жизни возникли какие-то вопросы — они не определились до сих пор, но, может быть, настало время определиться...

Приход Монистова сегодня, именно в тот час, когда она сидела и молча говорила с отцом, мог показаться предзнаменованием. Но она тут же вспомнила, что много вечеров сидит вот так. Монистов мог прийти и вчера, и месяц назад, и через месяц. Он должен был явиться.

Зачем-то ей нужно знать, кого потеряла она. Кого потеряли все те, многие, плакавшие над его гробом. Да, гробом... Монистов спросил, не показалось ли ей что-нибудь странным на похоронах. Вспоминая, она вдруг заново увидела в толпе полную женщину, светловолосую, курносую, в трауре, с прозрачной черной вуалью на голове. Рядом, держась за ее руку, стоял худенький мальчик лет пятнадцати и безучастно смотрел на белое лицо Николая Сергеевича. Женщина плакала открыто, беспрестанно.

— Кто это? — услышала Инна за спиной чей-то вопрос, оставшийся без ответа.

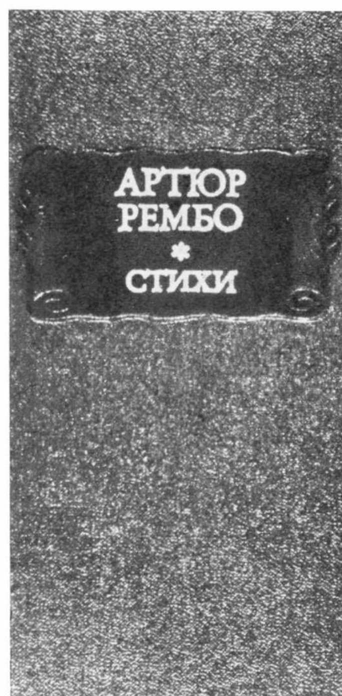
Да, да, да, как же она забыла о женщине? Ведь тогда, несмотря на окаменелость, Инна ощутила в себе подобие возмущения. Кто это такая и почему она так демонстративна? Не мысль даже, а какое-то подобие ее о тайной любви, неизвестной никому, о ребенке, который, возможно, брат Инны, мелькнуло вяло и неопределенно.

Все, что не было гробом, не имело тогда никакого значения. Она не отрывала глаз от простынно-белого лица. Порой казалось, что губы его шевелятся, глазные яблоки чуть заметно дрожат. Она смежала веки и ждала чуда: откроет глаза, поймет — приснилось. Это давало силы.

Гроб выносили. Она шла, касаясь пальцами его ледяного лба. Та женщина оказалась рядом.

— Я Арина,— сказала она,— Арина.

ПОЭЗИЯ АРТЮРА РЕМБО

В серии «Литературные памятники» (издательство «Наука»), которая своими изящно и строго оформленными томами прозы и томиками поэзии с каждым годом завоевывает все более широкое признание советских читателей, вышла очередная книга под скромным заголовком: «Артюр Рембо. Стихи». Новые переводы стихов выполнены неутомимым пропагандистом французской поэзии, поэтом М. П. Кудиновым. Серия выходит под эгидой Академии наук СССР, и, по-видимому, научная щепетильность не позволила издателям дать своему новому детищу более емкое и весомое название которого оно заслуживает. Например, «Сочинения» или даже «Собрание сочинений Артюра Рембо». Ведь в эту книгу вошли все более или менее значительные произведения французского поэта. В «Обосновании текста», которым открывается раздел комментариев, говорится, что за пределами сборника остались только письма Рембо и вещи «незавершенные, фрагментарные, не являющиеся предметом читательского и исследовательского интереса в самой Франции».

Чтобы представить себе значение впервые осуществленного в переводе на русский язык почти полного издания поэзии Артюра Рембо (1854—1891), надо иметь в виду место, занимаемое поэтом в духовной жизни его родины. Для одних французских читателей он прежде всего поэт-бунтарь, поэт-богоборец, поэт-демократ, создавший яркие образы людей труда, широко распахнувший двери поэзии перед грубой и сочной народной лексикой, перед словами, испокон веков считавшимися «низкими» и недостойными стиха. Для других Рембо главным образом поэт-первопроходец, дерзостный разрушитель устаревших поэтических форм, создатель «материального» поэтического языка, первооткрыватель новых и неожиданных для его времени метафорических связей, которым предстояло укрепляться и развиваться в поэзии нашего времени. Третьи ценят в Рембо самобытного лирика, предшественника символистов. Однако все они сходятся в одном: всех изумляет, восхищает, потрясает могучий талант этого юноши-поэта, который создал свои бессмертные стихи в возрасте от пятнадцати до девятнадцати лет, а потом навсегда порвал с литературой. Феномен Рембо не перестает волновать умы и читателей и литературоведов; во Франции и за ее пределами непрерывно выходят комментированные издания его стихов, появляются научные монографии и статьи, посвященные его поэзии.

Как мы уже говорили, все стихотворения в основной части книги даны в переводах одного поэта, Михаила Кудинова. Это позволяет сохранить в переводе единство творческого облика Рембо. Многие из стихотворений, вошедших в сборник, в русском переводе появляются впервые, но и ранее переводившиеся стихи под пером М. П. Кудинова обрели новое звучание. В искусстве поэтического перевода так и должно быть, ибо у каждого поэта-переводчика есть свое видение, свой почерк, свои возможности. А в данном случае немаловажную роль сыграло и еще одно обстоятельство: за последние годы во Франции изданы подробнейшим образом комментированные собрания сочинений Рембо, и это позволило переводчику еще на несколько шагов приблизиться к подлиннику.

В России Артюра Рембо начали переводить еще в конце XIX — начале XX века. Поэтов-символистов — И. Анненского, В. Брюсова, Ф. Сологуба — Рембо интересовал как предтеча символизма, или как враг ханжеской мещанской морали, поэт, «эпатирующий буржуа». В серии «Литературные памятники» сложилась добрая традиция знакомить читателя с наиболее интересными из ранее опубликованных переводов издаваемого поэта. В нашей книге задачу показать наглядную историю русского Рембо эрудированно и умело выполнил литературовед и переводчик И. С. Поступальский. О широте его работы можно судить хотя бы по тому, что центральные произведения Рембо «Парижская оргия» и «Пьяный корабль» представлены в приложении: первое — в пяти различных переводах (от Я. Тугендхольда (1910) до В. Левина, второе — в шести (от А. Гилярова (1901) до Л. Мартынова (1974).

В заключение остается только поздравить с успехом всех, кто принимал участие в выпуске превосходной книги «Артюр Рембо. Стихи».

Обширный, живой и в лучшем смысле этого слова академический комментарий (автор — доктор филологических наук Н. И. Балашов) находим мы и в этом издании сочинений Рембо. Серия «Литературные памятники» успешно внедряет в нашу научную и издательскую практику новый тип издания иноязычных поэтов. Здесь «научный сопроводительный аппарат» не ограничен железными рамками одного печатного листа, не засушен в деловую справку, не сопровождает основной текст, а входит в него, является органической частью книги, придает ее содержанию масштабность и целостность. Поэзия и Наука выступают здесь в тесном творческом содружестве, взаимно обогащая друг друга.

В. СТОЛБОВ

Артюр Рембо. Стихи. Издание подготовили Н. И. Балашов, М. П. Кудинов, И. С. Поступальский. М., «Наука», 1982, 496 с.

Непонятно почему, не испытывая при этом никаких чувств, Инна наклонилась и поцеловала женщину в мокрую щеку.

— Я Арина,— повторила она.

— Кто это? — одновременно возник вопрос «графини» Тани, опухшей от слез, ковылявшей от Инны по левую руку.

— Не знаю...

— Но ты ее целовала. Зачем?!

«В самом деле, зачем?» — безразлично подумала Инна.

Татьяна Ивановна Углова была прозвана «графиней» в далекие времена детства Инны или, быть может, того раньше, за свое сомнительное графское происхождение. Как уверяла всех без исключения по строжайшему секрету сама «графиня», ее прабабка была фрейлиной Екатерины Второй, за что ей был императрицей пожалован графский титул. По уверениям Тани, существовала даже бумага об этом титуле, гербовая, старинная, писанная вязью, но никто никогда не видал той бумаги.

Мать Инны считала рассказы Татьяны Ивановны сущей выдумкой. Они дружили давно. Именно Татьяна, работавшая в конструкторском бюро вместе с Николаем Кочерно, пригласила его к себе на вечеринку, где была светловолосая Катя, и решила судьбу самой Инны, ибо не встретились бы мать с отцом — не родилась бы она. Что же касается родителей «графини», то мать Инны знала их, когда они оба были живы,— отец работал телеграфистом, мать была женой телеграфиста. О фрейлине никто ничего не говорил. Интересным во всей истории казалось то, что Татьяна стояла на своем в те времена, когда быть графиней не очень-то было удобно; люди менее знатные старались забыть свое происхождение, а эта, как нарочно, лезла всюду со своим сомнительным графством и выглядела с ним глуповато, хотя была не дурой.

Шел третий час ночи. Инна Николаевна сидела с бумагами: желтые газетные страницы, Указы о награждениях, документы, письма, фотографии.

Составить портрет отца? Для кого? Для других людей? В сердце ее есть портрет. Некоторые несвязанные звенья? Что они могут дать для его памяти? Обида на неведомых людей, забывших или не захотевших упомянуть его имя по достоинству? Да провались они, эти люди. Отец сам о себе позаботился. На всех перекрестках страны, на всех пьедесталах стоит его танк, его детище — что может быть убедительней такого памятника? Не нужно ничего трогать, ворошить прошлое. И роман этот не нужен никому. Монистов не Лев Толстой. Даже не Тургенев. Выйдет какая-нибудь полупроизводственная скучища, которая так раздражала отца.

Инна Николаевна снимает трубку телефона. Набирает код другого города. В третьем часу ночи она может позвонить одному-единственному человеку — «графиня» засыпает не раньше пяти: аристократическая бессонница.

— Книга о Коле? Заманчиво. Но страшновато. Не вышло бы пошлости. Он ведь был необыкновенный. И все его любили.

— Все?

— Все. Кроме...

— Кроме кого?

— Кроме нескольких негодяев. Но ведь это негодяи.

— Любовь бывает разная, согласись, Танюня. Если кто-то любил его очень сильно и этот кто-то был женщиной, то...

— Ой, они висли на нем, как сумасшедшие. Проходу не давали. Кате, если бы у нее был другой характер, можно было бы просто заболеть от горя... впрочем, я, кажется, как всегда, немного преувеличила.

Обе помолчали.

— Нет, нехорошо рыться в прошлом отца. А если ты вдруг выроешь и то, что он хотел бы скрыть? — вдруг взволновалась «графиня».

— Что именно?

— Откуда я знаю? Мало ли что. Какую-нибудь тайну. Тебе от этого легче будет? Во всяком случае, если что выроешь — Монистову не говори. Зарой обратно. Писатели любят клубничку, иначе мы не будем их читать.

— И все же, Танюня, соберись с мыслями. Вспомни.

— Я-то соберусь. Других найти надо. Многие умерли. Но я постараюсь помочь тебе. Список составлю. Главное, не забыть Дарью — она с Колей долгие годы работала. Она, правда, сочинить может, но как работника ее Коля очень ценил.

Ночь угасала. Все та же мысль не покидала Инну Николаевну, мешала ей: имеет ли она право?

Возможно ли объективно посмотреть на отца? Какая тут может быть объективность, когда боль, пронзившая ее при словах Монистова о том, что его фамилии нет в исторической книге о войне, не проходит. Это боль не физическая, какая-то такая, что и названия ей нет. Возможно ли объективно относиться к отцу? Впрочем, наверно, можно, но это не ее путь. Она хочет лишь восстановить справедливость. Заодно совершить путешествие в его прошлое.

Имеет ли она право? Что бы сказал он?

Инна попыталась вернуть себе привычное состояние диалога с ним. Он не появлялся. Почему? Неужели рассердился? Ах, нет, не может быть, ведь он же всегда сдавался ей, как слон моськe, как лев мухе, как камень капле!

Весной по утрам в городе почти чистый воздух. Особенно если пройдет поливальная машина и смоет налетевшую пыль.

Но ведь на дворе поздняя осень, и краешек месяца, нечаянно выглянувший из-за сплошной облачной пелены, уже окружен морозным ореолом. Как сюда попала весна?

Продолжение следует.

Фарисеи

Цезарь СОЛОДАРЬ,
специальный корреспондент «Огонька»

ЛЮДСКОЙ «РЕСУРС» И ЛЮДСКАЯ «ПЫЛЬ»

Странно, правда?

«Но жизнь — я убеждался в этом неоднократно — очень грубый драматург, чрезвычайно приверженный к приему совпадений и всем тем натяжкам, нарочитостям, которые, по мнению театральных критиков, «не бывают в жизни». Это меткое наблюдение моего друга Юрия Нагибина (из его очерков «Летающие тарелочки» о путешествии по Америке), я неизменно вспоминаю, когда удачное совпадение, кажущаяся нарочитость помогают мне, как принято говорить, неожиданно войти в контакт с кем-либо из сионистских функционеров, обычно не шибко рвущихся к беседе с советским литератором.

В тот день у подъезда шикарного особняка западноберлинской еврейской общины в доме № 79—80 на Фазанерштрассе как раз и произошла благоприятная «натяжка».

Экспансивный и вместе с тем вполне солидный приземистый человек с длиннющим зонтиком и узкополой шляпой не вполне современной конфигурации, уходя из правления общины, еще в вестибюле приметил, как меня и переводчика после беседы любезно провожал к выходу сам Хейнц Галински.

Мы вышли на улицу. Переводчик тут же уехал. Я же задержался на ступеньках портала в восточном стиле. Хотел справиться у дежурившего полицейского, как удобнее пройти к городскому информационному центру. И человек со старомодным зонтиком и узкополой черной шляпой счел своим долгом прийти мне на помощь: как-никак у него на глазах только что меня провожал сам председатель правления общины!

Я ответил тоже на идиш. И тут уж предупредительный незнакомец, часом ранее видевший, как в кабинет господина Галински понесли для двух гостей чай, решил, что я вполне заслуживаю его любезного внимания.

Мы пошли вместе. Только спустились на тротуар, с моим спутником подобострастно поздоровались два пожилых человека. Холодно ответив на их приветствия, он сообщнически подмигнул мне:

— Из этих новых, из фальшаков! Вас, возможно, удивляет, почему мы не поворачиваемся спиной к тем, что пониже, к этим шнорерам.— Так говорят на идиш о проходимцах, мелких людишках, ловкачах.— И я могу-таки понять вас. Но и вы можете мне поверить, что еще несколько месяцев назад я бы лишний раз не плюнул в их сторону. Вы только что видели обе модели беженской шантрапы: и йордим и йошрим. Тот, что в темном макинтоше, тайком убежал из Хайфы, а второй паршивец расплевался с Эрец-Исроэль, не соизволив пробыть там ни одного дня. И вот с такими «патриотами» приходится цацкаться, беседовать с ними, как с настоящими евреями, хотя у них на лбу написано, что они «вус ун дер курт».— Такая идиома на идиш имеет в виду самых отпетых, способных на все.

Мой разгорячившийся собеседник шумно вздохнул и сделал паузу, как бы ожидая от меня слов сочувствия. Таковых не последовало, и он продолжал:

— Что поделаешь! Мы идем на это ради молодежи. Может быть, вы уже сами заметили, а если нет, так я вам напомню: мы хлопочем только за молодых.— И добавил к столь важному для меня откровению: — Только! А если иногда помогаем превратиться в «фольксдойче» и старому мошеннику, то лишь такому, кто, на свое счастье, притащился сюда с сыновьями или хотя бы с дочками. Ради них мы и со стариками возимся. Пренебрегать сегодня молодежью, даже если она — пока! — палец о палец не хочет ударить ради нас, мы не имеем права, не так ее много у нас. Из Эрец-Исроэль она бежит как от чумы... Вы, наверное, заметили, как сегодня расстроен господин Галински? А почему? Он утром информировал своих сотрудников о паршивых делах в Эрец-Исроэль, недавно вернулся оттуда. Можете себе представить, как его огорчило, что за полгода туда не вернулись из командировок, с учебы, из путешествий больше тридцати тысяч мерзавцев! Самое печальное — большинство молодых. Как же после этого мы можем не оставить здесь у себя и не поддержать молодого бугая или молодую кобылу, даже если нам хорошо известно, что жизнь в Израиле для них хуже горькой редьки?

Обязан принести читателям искренние извинения за то, что я вынужден иногда дословно приводить базарные речения и пошлые словеса моего развязного собеседника. Но я, поймите, действительно вынужден пойти на это, дабы читатели могли воочию убедиться, насколько сионистский «покровитель молодежи» в душе презирает, элементарно не уважает парней и девушек, чьи фальшивые документы он в интересах сионистских служб выдает местным властям за подлинные, чьи судьбы «великодушно» устраивает в Западном Берлине.

— Но потеряны ли для нас насовсем, навсегда эти паршивые мышимыды (в переводе с идиш — вероотступники.— **Ц. С.**)!— распалился обладатель странного зонтика.— Надеемся, нет. Знаете, почему? Благодаря пожилым родственникам. Те смогут вдолбить самому гнилому молодому бугаю, что если хочешь жрать, то не противься общине, не восстанавливай ее против себя. И парень начинает понемногу понимать, что не за красивые глаза его признали и городские власти и военная администрация англичан, французов и, самое главное, американцев. А уж если мы очень постараемся, то на молодых фальшаков посмотрят сквозь пальцы и в Шенебергской ратуше.

Человек со старомодным зонтиком испытующе поглядел на меня сбоку, словно хотел убедиться, какое впечатление на меня произвело небрежное упоминание резиденции сената Западного Берлина, и продолжал:

— И если парень с головой, он себе говорит: ой, без общины, без национальных организаций я здесь без рук, без ног и без головы. И он-таки прав: круглый ноль! Без нас не будет у него здесь ни жилья, ни хоть какой-нибудь парносе.— Это словечко означает на идиш источник существования.— И парень начнет тянуться к нам. Хоть на половинку, хоть на четвертинку, но свои силы будет отдавать нашей общине и разным еврейским кружкам.— Под «разными еврейскими кружками» следует, конечно, понимать сионистские организации, но не называть действующие в городе службы сионизма — такой прием не нов и давно всем известен!

— Помогать Эрец-Исроэль можно и далеко от Эрец-Исроэль. Если парень хочет и может, от него гораздо больше толка где-нибудь в Мексике или даже в Африке, не говоря уже о Западном Берлине. Ведь во всех странах должно чувствоваться международное общееврейское дело.— Как читатель мог уже заметить, беседовавший со мной ярый сионист упорно избегал называть сионизм сионизмом и предпочитал туманные формулировки вроде «общееврейского дела» — тоже не новый и всем известный прием!—...А если парень все-таки отобьется от стада и поведет себя не как настоящий еврей,— в медоточивом голосе впервые зазвенел металл,— так это не понравится не только нам, но и, наверно, американской администрации — ведь подыскать ему гешефт мы можем скорее всего в американском секторе. И уж как-нибудь с помощью американцев мы устроим, чтобы строптивого бугая вышвырнули не в Ган-Эйдем!— Мой собеседник имел в виду библейский рай — Эдемский сад.— И, уж конечно, заставим убраться отсюда их папочек и мамочек. Мы же потратили на них средства. Вы можете сказать, что за какую-нибудь мамуню со вставными зубами и лысого папуню с сотней болячек и прямой дорогой на биржу труда нет смысла выкладывать и пять марок. Но если такая парочка привозит вам первоклассный, как бы вам сказать...— мне показалось, что я услышу «товар»...— ...первоклассный людской ресурс, то не переживайте, будьте любезны, из-за лишней тысячи марок! Пусть ими подавятся дряхлые беженцы из Эрец-Исроэль!

Не могу забыть, с какой гримасой отвращения и каким презрительным тоном произносились эти сентенции о ненужных сионизму старых и больных людях. Что ж, такова сионистская традиция. Еще в годы кровавого разгула гитлеровского антисемитизма, когда сионизм договаривался с нацистскими главарями о вывозе в Палестину нужного ему для выселения (а затем прямого истребления) арабов «людского ресурса», прозвучало бесчеловечное заявление тогдашнего руководителя Всемирной сионистской организации Хаима Вейцмана: «Из бездны трагедии я хочу спасти два миллиона молодежи. Старики должны исчезнуть. Они — пыль, экономическая и моральная пыль». И почти полвека спустя рядовой сионистский функционер из Западного Берлина тоже позволяет себе рассуждать о бежавших из Израиля пожилых людях словно о пыли.

Рассуждения не расходятся с делами. В этом я убедился, узнав о трагической судьбе оказавшихся в Западном Берлине двух престарелых беженок. Им за семьдесят — Циле Яковлевне Кигель и Марии Яковлевне Моисеевой. Больным, бездомным, полунищим старухам безжалостно указали на дверь и в правлении еврейской общины и в сионистском комитете вспомоществования. Несчастные старухи с горечью поняли печальную истину: привезли бы они с собой нужный сионизму «людской ресурс», тот же комитет вспомоществования нашел бы для них кое-какие деньги.

Кстати, представители этого самого комитета сейчас, во время ливанской бойни, частенько посещают квартиры местных евреев и напоминают об их святом долге внести внеочередное «добровольное пожертвование» специально на потребу израильской военщины. Посещают на сей раз не с традиционными денежными кружками, а с подписными листами. Расчет простой: в кружку можно опустить мелкую монету, а уж на подписном листе рядом со своей фамилией придется обозначить цифру покрупней. Намеченной суммы выколотить все-таки не удается, и комитет немедленно принимает решение «пожертвовать» на израильскую агрессию все свои денежные резервы. Ведь закупка для израильских оккупантов в Ливане зимнего обмундирования гораздо важнее спасения от голода и беспритюности какой-то там людской «пыли»!

Уместно вспомнить в связи с этим хитроумного адвоката, работавшего в Остии мусор-

Продолжение. См. «Огонек» № 40.

щиком. Помните, он продекларировал полную готовность ради переезда в Западный Берлин доказать свою принадлежность даже к готтентотской культуре. Не пришлось. Никто из изготовителей фальшивых документов и перевозчиков живой контрабанды так и не шепнул ему в Остии обнадеживающее словечко о возможности «зацепиться» за еврейскую общину Западного Берлина. Не возымели должного действия и многочисленные петиции неразборчивого адвоката к самым именитым западноберлинским сионистам. В азарте он на собственный страх и риск пробрался в Западный Берлин на товарном поезде. Увы, пришлось повернуть обратно: руководители общины и пальцем не шевельнули, чтобы заступиться за него перед полицией. А ведь не так уж он стар, да и супруга еще не перешла за грань бальзаковского возраста. Но почтенные супруги сионистам не нужны: бездетны! Короче, «пыль»...

РОДИНА... ПРО ЗАПАС

А ниспосланный мне удачной нарочитостью хитроумный борец за «людской ресурс» все говорил, говорил, говорил:

— Пройдет время — и парень из фальшаков кем-нибудь да станет. Кем? Деловым человеком или последним аферистом, а может быть, будет околачиваться на вокзале Цоо?— Упоминание о районе, где гнездятся многочисленные притоны преступников, наркоманов, проституток, напомнило мне, что эти притоны за короткий срок безвозвратно засосали многих молодых подопечных еврейской общины.— Но кем бы он ни стал, одно он здесь обязательно испытает на собственной шкуре: ан-ти-се-ми-тизм! Обязательно. Вы можете сказать, что в Западном Берлине антисемиты не так разгулялись, как в ФРГ. А я вам скажу, и можете мне поверить, что скоро все сравняется и у нас станут малевать свастики на еврейских окнах не реже и не менее жирной коричневой краской, чем, допустим, в Кёльне. Уже сейчас город забрасывают антисемитской литературой. Форменный потоп!

В этом сравнении не было преувеличений. Хейнц Галински тоже говорил мне о растущем потоке антисемитских книжонок и брошюрок из Канады, Швеции, США. Но сионистская печать и радио Израиля предпочитают говорить не об этом, не об осквернении еврейских могил на Шарлоттенбургском кладбище, а об антисионистских выступлениях общественности... ГДР, что, дескать, доказывает «непреодоление нацистских настроений» в этом государстве. Каково?

А человек с немодным зонтиком продолжал:

— Сегодня мы слышим: неонацизм в Западной Европе, неонацисты в Америке! А ведь идет к тому, что это самое «нео» понемногу отбросят. И каждый еврей и здесь, и в Мюнхене, и в Лондоне, и в Марселе, если он не из ротшильдов, скажет себе: ой, наступает такое время, когда надо иметь про запас... Что?— Он остановился и вопрошающе, даже скорее торжествующе заглянул мне в глаза: — Думаете, бомбоубежище? Собственную базуку? Нет, родину. Какую? Конечно, Эрец-Исроэль!

Родина про запас?! Не ослышался ли я? Разве может нормальный человек произнести такое?

Месяц-другой спустя я бы столь взволнованно уже не реагировал. К тому времени у меня появилась полная возможность убедиться: «родина про запас», «запасная родина», «родина на крайний случай» — эти кощунственные слова замелькали в устной и печатной пропаганде сионистов. Из их прессы я узнал, что десяткам тысяч израильтян, бежавших в США и ни за какие коврижки не соглашающихся вернуться в Израиль, преподносится в разных вариациях такой довод: «Помни, в Штатах антисемитизм становится обычным явлением. Простых евреев там будут преследовать не меньше, чем негров. Никто сейчас не скажет, когда именно, но в конце концов, если ты не пробьешься в удачливые бизнесмены, тебе придется бежать оттуда. Будь поэтому другом Израиля в Штатах, поддерживай его морально и материально сегодня, тогда завтра ты можешь уверенно рассчитывать на «запасную родину».

Подобный тезис в разных вариациях развивают и сионистские пропагандисты в Италии. Как можно видеть из их прессы, они неизменно напоминают о «родине на всякий пожарный случай» беженцам, нищенствующим, бесприютным, но ни за что не соглашающимся на переезд в Израиль и добивающимся виз в Канаду, Австралию, Новую Зеландию.

Не приходится, следовательно, удивляться, что зловещие нашептывания о «родине про запас» вошли и в арсенал пропагандистского оружия охотящихся на молодые души западноберлинских сионистов. Тем более что эти нашептывания порождены традиционным, используемым в классовых интересах, клеветническим тезисом сионистов об «исторической неизбежности» антисемитизма, об извечной ненависти «всех остальных народов» к евреям.

Разглагольствования о «родине про запас» становятся все более ходким товаром сионистских торговцев лживой пропагандой. Любая израильская агрессия, особенно захват и «освоение» арабских земель, преподносится как территориальное расширение, выражаясь по-гитлеровски, жизненного пространства, где когда-нибудь, дескать, смогут найти прибежище все желающие воспользоваться гостеприимством «родины про запас».

Признания моего случайного собеседника представляли собой энную модификацию привычного для сионистов провокационного использования в собственных классовых и политических интересах ими же раздуваемого антисемитизма.

...В одном, надо признать, мой собеседник оказался чуть ли не провидцем. Да, нагло отбросив казавшуюся им ранее спасительной приставку «нео», неонацисты вскоре действительно проявили себя отъявленными, заматерелыми нацистами в духе своих предшественников — гитлеровцев. Но где это произошло? В Израиле. Кого отныне человечество с полным правом называет фашистами? Сионистов. Своими кровавыми оргиями в Ливане, леденящими сердце актами геноцида, безжалостным истреблением палестинских женщин и стариков, применением специально разработанных средств и способов массового убийства палестинских детей, пытками невинных узников в концентрационных лагерях под лай сторожевых собак на палящем солнце (нет, не перечислишь всего того, что позволяет поставить знак равенства между сионизмом и фашизмом!) израильская военщина повторяет бесчеловечные зверства, творимые в годы второй мировой войны эсэсовцами и гестаповцами на оккупированных землях.

Что ж, сегодняшние сионисты с готовностью и рвением приняли эстафету, начатую в ту пору лидерами сионизма. Выкупая у Гиммлера и Эйхмана крупных финансовых магнатов и необходимую им для колонизации Палестины молодежь, те и пальцем не шевельнули, чтобы попытаться спасти от гитлеровской расправы миллионы «рядовых» евреев, особенно пожилых — пресловутую «пыль». Мало того, объективное изучение трагической истории варшавского, будапештского, львовского и других огромнейших гетто неоспоримо доказывает: сионисты намеренно мешали смельчакам, пытавшимся спасти узников гетто, сознательно предавали таких смельчаков гитлеровцам.

Путь сионизма от контактов с германским нацизмом до заимствования и «совершенствования» зверских методов геноцида оказался не столь уж долгим и неожиданным. Кровавая эстафета продолжается.

Осознавая это, я обязан сейчас сказать то, что отчетливо всплыло в моей памяти еще лет десять назад, когда я писал свои первые документальные очерки о современном сионизме.

Украина. Подолия. Винница. Начало двадцатых годов. Местные сионисты предпринимают отчаянные попытки затянуть в свои тенета как можно больше еврейской молодежи и даже детей — последних с помощью внешне эффектных атрибутов националистического скаутизма. Особенно пугают винницких сионистов подростки, всей душой тянущиеся к комсомолу, к ленинским идеям, к новой жизни.

Созывается очередное собрание «изменнически настроенной молодежи». За мной и старшим братом тоже примчался специальный посыльный (какая честь для ребят — двенадцатилетнего и пятнадцатилетнего!), чтобы доставить нас в здание еврейской общины, носившее вроде бы гостиничное название «Националь». Здесь поделили между собой комнаты все местные сионистские организации, а в так называемом свадебном зале происходили их сборища и заканчивавшиеся иногда потасовками дискуссии. Нас ждала сенсация! На это собрание пожаловал некто Чемеринский, широко известный на Украине сионист, последователь и даже, как многозначительно намекали, личный друг Жаботинского. Его специально привезли не то из Одессы, не то из Белой Церкви. Начал он речь спокойно, но тут же перешел на истерический тон. Ребята хмуро молчали. Раздраженный этим, Чемеринский ударил себя ладонью в грудь, отчего с носа свалилось пенсне, и патетически воскликнул: «Еврейские дети, опомнитесь! Подумайте, что вам могут дать большевики и Советская власть?!»

— Социализм,— услышали мы внятный ответ.

Кто так сказал, я, к сожалению, запамятовал, но хорошо помню, как Чемеринский, оправившись от шока, еще истеричней крикнул: «Социализм дадим вам мы! Только наш социализм, национальный, еврейский, а не общий с туркестанцами и татарами! Запомните, именно так говорит сам Жаботинский: сионисты за национальный социализм! Социализм для евреев!»

Почему ранее, рассказывая о встречах в дни юности с сионистами, я не упоминал об этом махрово расистском и антисоциалистическом высказывании? Мне казалось, нельзя всерьез считать какого-то Чемеринского сионистским теоретиком. А вдруг он тогда, на собрании еврейских подростков в Виннице, нес какую-то отсебятину?

Нет, то была не отсебятина. Ныне уже доподлинно известно, что термин «национал-социализм» придумал не Гитлер, наименовав свою фашистскую банду национал-социалистской партией. Нет, оказывается, фюрера значительно опередил Теодор Герцль, основатель и первый теоретик сионизма. Прямо и без свойственных сионистским пропагандистам экивоков **он писал о противостоявшем социализму интернационалистическому социализме национальном.** В деталях Герцль и Гитлер, вероятно, расходились, но общей чертой всех толкований классово чуждого трудящимся, придуманного исключительно в целях мимикрии, лицемерного понятия «национал-социализм», как точно установил автор книги «Происхождение фашизма» П. Ф. Рахшмир, всегда и неизменно «являлась враждебность марксизму, подлинно научному социализму». И совсем не случайно, как можно убедиться по прессе двадцатых годов, Жаботинский, один из учителей Бегина, на митингах в Киеве, Одессе, Каменец-Подольском действительно разглагольствовал о том, что сионисты тоже, мол, за социализм, но свой, национальный, еврейский — такой, какого недостойны «прочие народы».

А вот Бегин, выученик Жаботинского, тот уж от всяческих «теоретических» рассуждений перешел к людоедской практике национал-социалистов, к многократному повторению проклятых деяний нацистских шаек Гитлера. Подтвердил кровавый приоритет сионизма на «открытие» национал-социализма. Подтвердил право честных людей Израиля назвать разбойничьи акции израильских сионистов варварским проявлением «иудео-нацизма» — именно так отозвался о ливанской бойне один из старейших тель-авивских ученых, профессор Иешаягу Лейбович. А его коллега А. Кашер добавил к этому, что иудео-нацизм приводит к варваризации израильского общества...

А сейчас вернемся с вами, читатель, к пылкому монологу сионистского охотника за молодежью. Неторопливо шагая рядом со мной в тот осенний погожий полдень по улицам Западного Берлина, он все втолковывал мне, как сейчас особенно дорог «общееврейскому делу» каждый молодой человек. Втолковывал упоенно и энергично. Не знаю, льстило ли ему терпение и внимание, с каким я слушал его, или он лелеял в душе надежду на то, что при новом посещении председателя общины я не премину отметить его пропагандистский дар.

Но я так и не знал, с кем имею честь говорить. Спросить об этом моего спутника

было бессмысленно — ведь в таком случае мне пришлось бы ему представиться. А это неминуемо сорвало бы столь важную для меня беседу. По ряду деталей и мельком оброненных моим собеседником слов мне показалось, что он имеет непосредственное отношение к деятельности сионистского комитета вспомоществования. Не потому ли, рассуждая о денежных затратах на молодых «фальшаков», он то и дело повторял: «мы внесли», «мы заплатим», «наши деньги». Постукивая в такт словам зонтиком по тротуару, он стремился внушить мне, что деньги тратятся не напрасно, что они себя окупят: молодые «бугаи» и «кобылы» в конце концов примкнут к сионистскому стаду.

Моего любезного собеседника распирало от желания блеснуть своим пропагандистским даром и нагляднейшим образом продемонстрировать огромное значение борьбы за молодые души для успеха «общееврейского дела». Подобно своим руководителям, сионистские агенты так привыкли к притворству перед другими, что иногда притворяются и перед собой. Просвещая меня, западноберлинский сионист явно стремился доказать и самому себе, что амнистирование молодых йордим и йошрим не идет вразрез с сионистской идеологией.

И все же нетрудно было ощутить, что мой добровольный «просветитель» скрывает от меня главное.

Да, при всей своей велеречивости он ничего нового мне, собственно, не открыл. Я и раньше знал да имел возможность видеть, как беззастенчиво и яростно охотится сионизм за молодежью. А безостановочная и всевозрастающая в последние годы утечка молодых людей из Израиля и сионистских рядов вызвала особенное усиление этой ожесточенной охоты. За каждую «единицу» сионисты борются все изощренней, коварней, провокационней.

Новостью для меня оказалось только то, что западноберлинская еврейская община в погоне за молодежью амнистировала даже «изменников», которые предпочли «родине отцов» полуподпольные скитания и бесправное пребывание где-нибудь в трущобах Вены или Рима. Причем ради молодежи западноберлинские сионисты привечают и просочившуюся с ними «пыль». Вот этому уж совсем трудно было поверить. Ведь в повседневной практике сионистские службы обычно и в грош не ставят семейные связи, безжалостно разлучают ближайших родственников. Известны многочисленные случаи, когда в Израиле молодых новоприбывших сразу же отсекают от родителей, загоняя «бесперспективных стариков» в наиболее отдаленные и климатически тяжелые пункты страны. Как же посмели, удивился я, сионисты установить в Западном Берлине какие-то свои, противоречащие директивам международного сионизма порядки? И, вербуя молодых, частично оплачивают и «пыль»?

ИМ НУЖНЫ АНТИСОВЕТЧИКИ

Затянувшийся монолог изыскателя «людского ресурса» казался мне нескончаемым. Но я прервал его простым и недвусмысленным вопросом:

— Отныне, значит, еврейские общины других западных городов тоже изменят отношение к молодым беженцам и простят им нежелание жить в Израиле?

Самодовольный собеседник изменился в лице. Сразу утратил пыл красноречия, стал заикаться, тщательно подбирать выражения, обрывать себя на полуслове. Ответ на мой вопрос пришлось выдавливать из него, как засохшую пасту из скорежившегося тюбика. Чуть ли не по десятку его бессвязных фраз мне удалось, наконец, уловить: о нет, не во всех странах и городах да и не любого антипатриота можно амнистировать — все зависит от «конкретных обстоятельств».

Каковы же они, эти «конкретные обстоятельства»? По каким таким причинам они проявились именно в Западном Берлине? Отчего как раз в этом городе стали доброжелательно встречать тех самых молодых йордим и йошрим, к которым враждебно относились и относятся еврейские общины и сионистские организации по всей Западной Европе? Правда, такими баловнями становятся только считанные единицы. По всей видимости, они обладают какими-то особыми приметами. Какими?

Всего этого мой собеседник так и не открыл мне. Точнее, не пожелал открыть. Совсем точно: намеренно скрыл сугубо тайные корни практикуемого в Западном Берлине новшества, весьма странного и необычного для злопамятных и мстительных сионистов.

Но эти корни не могли долго оставаться секретом для местных жителей еврейского происхождения, в том числе и тех, кто не связан и не хочет связываться с сионизмом. Многое из сионистского тайного стало явным и для журналистов. Вот почему имеется полная возможность открыть читателям то, что старательно скрывал от меня сионистский функционер.

Оказывается, местные сионисты и еврейская община раскрывают свои объятия только тем молодым людям, в которых видят послушных антисоветчиков. И только из таких семей, где отец или мать, очутившись за пределами Советского Союза, поспешили то ли тихо выдавить из себя, то ли прокричать во все горло клеветническое антисоветское заявление.

Оных в Израиле величают «гарантиками»: мол, публичное антисоветское высказывание гарантирует, что бывший советский гражданин, как бы худо ему ни было, не посмеет просить советские государственные органы о возвращении в преданную им Советскую страну. И западноберлинские сионистские охотники за молодыми душами рассудили так: пусть даже на «исторической родине» и во время скитаний по белу свету парень из «гарантиков» ругательски ругал сионистские идеалы, пусть никогда он не придет в лоно еврейского буржуазного национализма — с такими потерями можно примириться. Пойти на подобные уступки разрешили международные сионистские центры и даже руководители израильского сионизма.

Итак, ларчик открывается просто: этот парень из семьи «гарантиков» не скупился на антисоветские высказывания. Потеряв в нем сиониста, можно сохранить его как антисоветчика. Больше того, западноберлинские сионисты надеются воспитать из него антисоветского служаку, функционера, эмиссара.

Зато уж любому «ненадежному», то есть не проявившему своих антисоветских позиций, молодому йордим или йошрим наглухо закрыли дорогу в Западный Берлин. Таких молодых людей сионистская пропаганда именует «отравленными социализмом». Никому из «отравленных» ни в Риме, ни в Вене, нигде не «дали понять», что они желанны западноберлинской общине.

Уж очень неблаговидные сведения значились, например, в досье Лии Неймарк. Оно составлено на основе донесений сионистских осведомителей, действующих в любом пункте скопления беженцев. Подумать только, девушка, очутившись в Австрии после бегства из Израиля, читала своим товарищам по несчастью, да еще «с волнением в голосе», стихи Николая Тихонова, Владимира Луговского и Николая Асеева из хранящегося у нее стихотворного сборника «Кубок».

Дальше — больше. Однажды на такую импровизированную читку заглянул беженец из пожилых. Молча слушал он Лию, а затем и сам робко начал вспоминать запомнившиеся ему в юности стихи. И молодые «бывшие» услышали четверостишие Ицика Фефера в переводе С. Маршака:

Тот, кто с товарищем дружен,
Вдвое умней и сильней.
Пусть нам примером послужит
Дружба ветвей и корней!

Эти проникновенные строки пробудили горькие думы в сердцах молодых «бывших». Нахлынули грустные воспоминания о кратковременном пребывании в Израиле, где многие молодые жители, отчаянно борясь за место под солнцем, предпочитают дружбе замкнутость. Вспомнились и оставленные на подлинной родине подлинные друзья. Кто-то из ребят позволил себе насмешливо отозваться о развлекательных вечерах «Убить ностальгию!», часто устраиваемых в Тель-Авиве для новоприбывших:

— Увидишь, бывало, на эстраде обшарпанные синтетические березки и ели — это только обостряет тоску. А услышишь развлекательные дешевые песенки — и так хочется тихо запеть «Подмосковные вечера» Соловьева-Седого или «Песню об Одессе» Дунаевского!

Кое-кому все это, естественно, не понравилось. И зачинщицу «просоветского сборища» Лию Неймарк признали недостойной поддержки западноберлинских сионистов.

Хирон Зумалишвили оказался более настойчивым. Минуя посредничество «контрабандистов», он все-таки пробрался в Западный Берлин. Но и за ним числились порядочные «прегрешения»: неистово экономя на питании, Хирон не скупился на почтовые расходы и непрерывно отправлял в Грузию «антипатриотические» письма. Письма до адресатов большей частью не доходили, однако о них своевременно узнали в Западном Берлине те, кому по сионистским порядкам надлежит знать. По их наущению полиция немедленно выдворила Хирона Зумалишвили из города.

Приблизительно такие же «тяжкие грехи» числились и за Аркадием Сандлером, Элей Сульвицем и другими «отравленными». Им тоже не протянули руку помощи.

Зато, повторяю, охотно привечают всех, кто хоть чем-нибудь может доказать свои антисоветские настроения. Мне рассказали о самых причудливых способах таких доказательств.

Пришел к руководителям сионистского комитета вспомоществования некий глава семейства. Пришел уверенно: ведь он привез с собой «людской ресурс» — двадцатилетнюю дочь. Встретили его, однако, с прохладцей: видимо, не знали о его дочери ничего, с их точки зрения, положительного. Разгневанный таким приемом папаша воскликнул:

— Да будет вам известно, что моя дочка еще в Латвии послушалась меня и не подала заявление в комсомол. И отговорила своего друга. Я знаю его израильский адрес, можете его запросить, он вам подтвердит... Ой, не надо, не надо запрашивать,— тут же спохватился отец «положительной» дочери.— Он выгодно женился и стал «кэсэф-сионистом» в Эйлате. Разве простит он моей дочке, что она отказалась жить в Израиле!

Нелестное словечко «кэсэф-сионист» неприятно резануло слух деятелей комитета вспомоществования — ведь на иврите «кэсэф» означает «деньги». И «кэсэф-сионистами» в Израиле величают людей, шумящих о своей приверженности сионистским воззрениям с единственной, зачастую нескрываемой целью — выколотить побольше денежек.

Не случайно во время захвата ливанских земель они предпочитают всем родам войск службу в так называемых административно-контрольных подразделениях. Реквизиция имущества узников концлагерей, надсмотрщицкие функции, обыски в жилищах «подозрительных» ливанцев — ведь на всем этом можно неплохо заработать!..

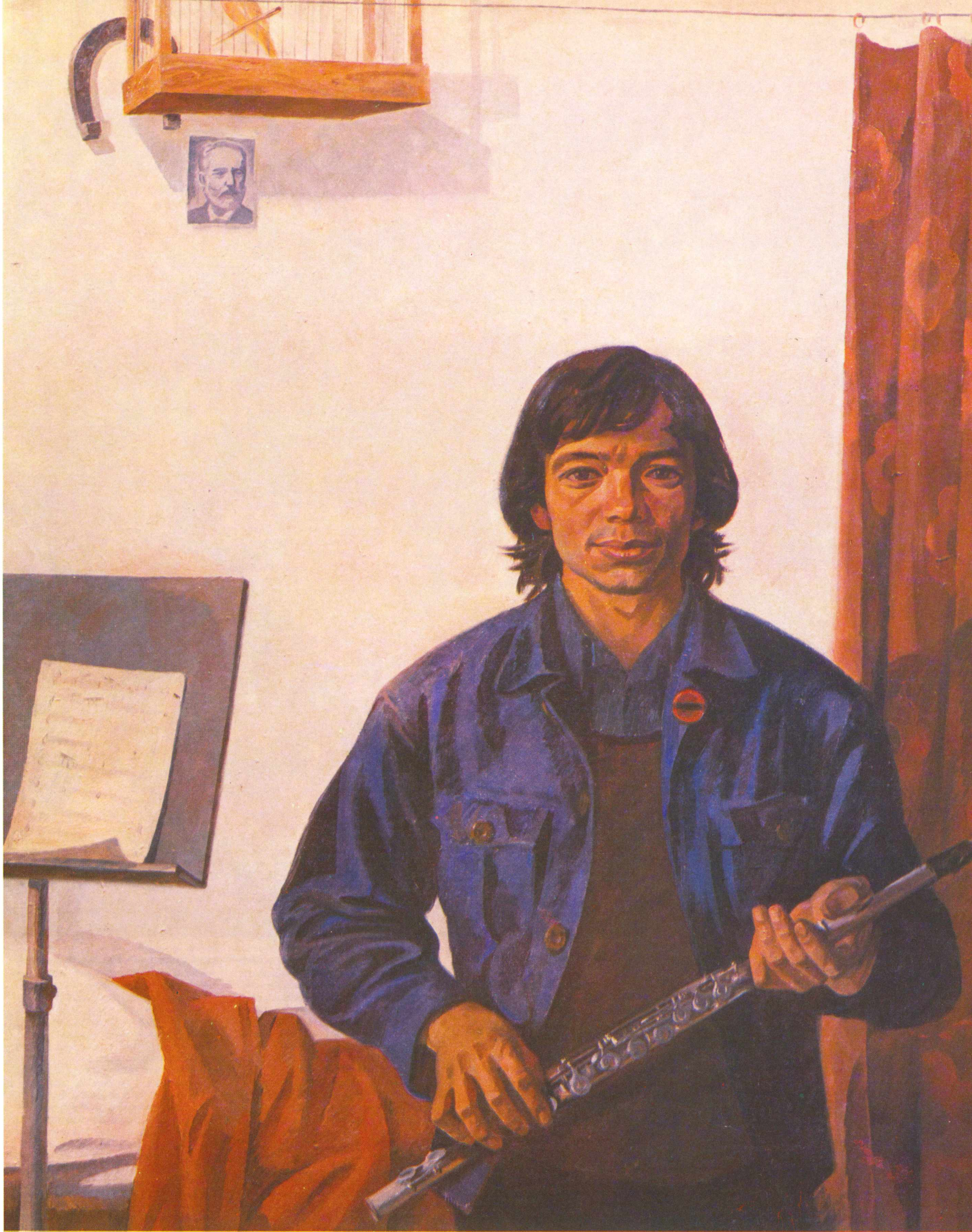
Что же касается дочки бывшего рижанина, то ее в Западном Берлине сочли вполне заслуживающей поддержки сионистов на предмет воспитания из нее активной антисоветчицы.

Возможно, некоторые осевшие в Западном Берлине бывшие советские граждане не предполагали, что им уготована роль активных антисоветчиков. Их, как они утверждают, привлекло в этот город совсем иное, в том числе возможность регулярно смотреть советские кинофильмы в передачах телевидения ГДР.

Степень ностальгии, которой подвержены эти люди, сионистская верхушка устанавливает таким образом: в часы передач советских фильмов их нарочно приглашают на собеседования и вечера. Не придут — значит, надо взять на заметку как «отравленных»! И для них начинается далеко не сладкая жизнь.

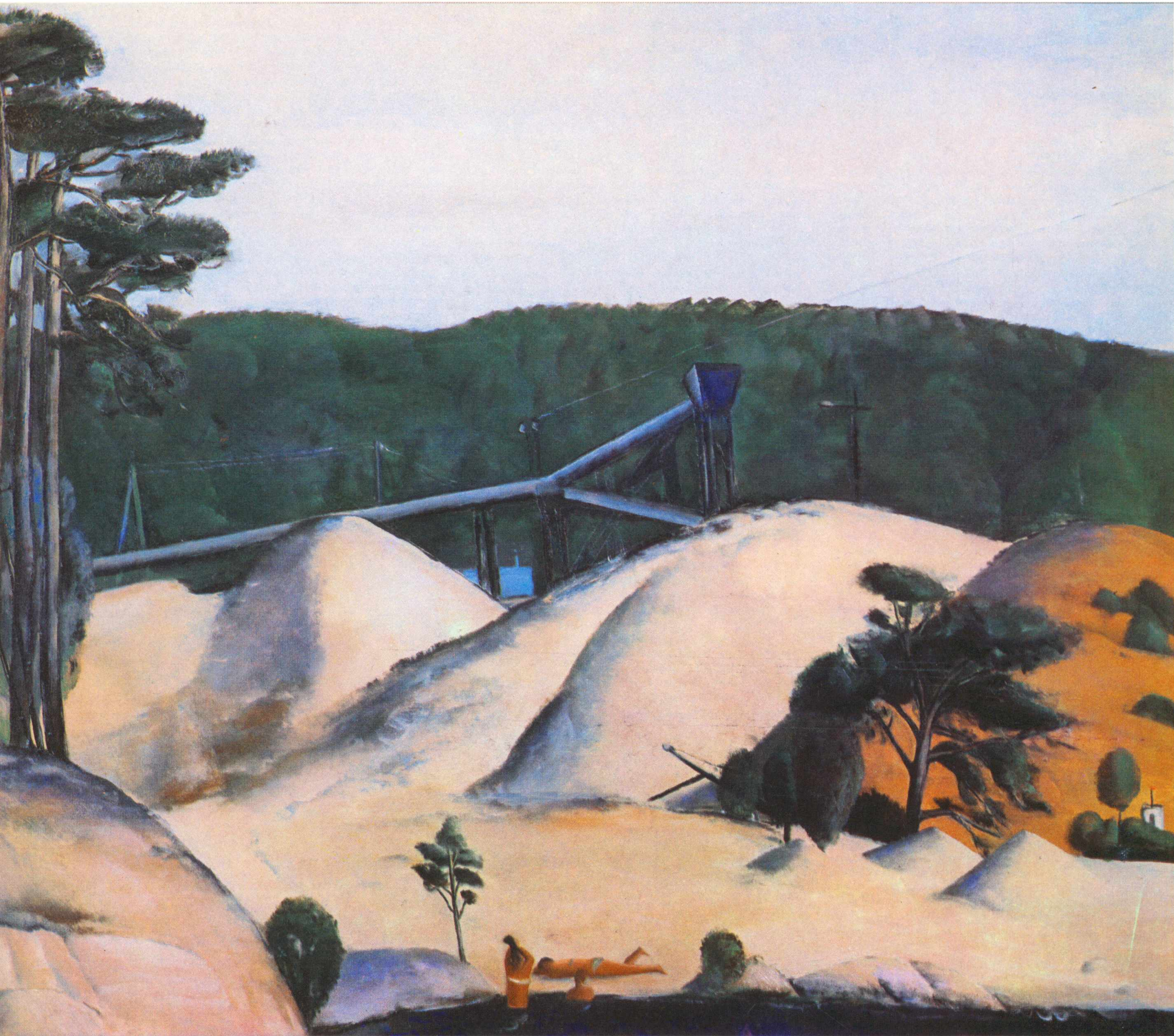
За «отравленными» особенно бдительно следят (и не только в Западном Берлине) сегодня, в дни ливанской трагедии. Тем не менее многие из них открыто возмущаются эсэсовскими и гестаповскими приемами действий израильских войск, а иные даже выходят на демонстрации протеста против израильского геноцида.

Продолжение следует.

Ф. Якупов. Род. 1951. ПОРТРЕТ ФЛЕЙТИСТА А. АРТЕМЬЕВА. 1978.

Всесоюзная выставка «Молодость страны».

В. Малдупе. Род. 1947. ЛЕТО. 1981.

Всесоюзная выставка «Молодость страны».

НАДЕЖНЫЙ ЩИТ ТЫЛА

Начальник Гражданской обороны СССР Герой Советского Союза генерал армии А. Т. АЛТУНИН отвечает на вопросы специального корреспондента «Огонька» Б. СОПЕЛЬНЯКА

— В эти дни вся страна отмечает полувековой юбилей Гражданской обороны СССР. Расскажите, пожалуйста, об истории создания гражданской обороны в нашей стране.

— Во все времена полководцы старались нарушить прочность тыла противника. Лишить армию всего необходимого, перерезать коммуникации — значит, во многом обеспечить победу. Но по-настоящему серьезная угроза глубокому тылу возникла лишь с появлением авиации и такого варварского оружия массового поражения, как химическое. Известно, что впервые массированные бомбежки городов и химические атаки были применены в первую мировую войну. Если в войсках быстро появились достаточно эффективные средства защиты, в том числе и противогазы, то тыл фактически оставался беззащитным. Поэтому повсеместно в спешном порядке стали разрабатывать меры по организации самозащиты населения.

— Следовательно, не появись новое оружие и средства его доставки, не возникло бы нужды в защите населения в глубоком тылу?

— Разумеется! Но это оружие, к сожалению, появилось, и народам ничего не оставалось, как позаботиться об эффективной самозащите. Коммунистической партии и правительству молодой Советской России в самое трудное время пришлось заниматься, помимо всего прочего, и организацией противовоздушной обороны. В феврале 1918 года, когда германские войска начали наступление на Петроград, в Смольном был создан штаб противовоздушной обороны. Этот штаб организовал сеть наблюдательных пунктов за воздушной обстановкой. Привлекли к этой работе и гражданское население: всем предлагалось немедленно звонить в штаб, если появятся вражеские самолеты. Кроме того, жителям города были выданы защитные маски, противогазовая жидкость и памятки с указанием, как избежать отравления ядовитыми газами. Открылись курсы первой медицинской помощи. Вводились правила светомаскировки...

— Значит, можно считать, что гражданская оборона в нашей стране фактически появилась в первый год Советской власти?

— В принципе, да. Но, во-первых, мероприятия по противовоздушной и химической обороне вводились лишь в одном Петрограде, а во-вторых, не было четко разработанной системы этой обороны и, в-третьих, не было организации, которая бы отвечала за гражданскую оборону всей страны. Лишь в двадцатые годы был принят ряд постановлений, в том числе очень важное — «Об организации воздушно-химической обороны страны». Параллельно с государственными мерами развивалась общественная деятельность в области воздушно-химической обороны. Энергичную пропаганду химических знаний и ознакомление населения со средствами противохимической защиты вело Добровольное общество друзей химической обороны и химической промышленности — «Доброхим».

Деятельность «Доброхима» в еще больших масштабах продолжило оборонное общество «Авиахим», позже переименованное в «Осоавиахим». Значительно усилил санитарно-оборонную работу и массовую санитарную подготовку Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца.

В итоге к 1932 году почти полмиллиона рабочих и служащих были обучены мерам противовоздушной и противохимической защиты, создано около трех тысяч формирований различного назначения, население получило более трех с половиной миллионов противогазов, построено несколько тысяч бомбо- и газоубежищ, многое сделано в области маскировки, светомаскировки, связи и оповещения. Имелись запасы медицинского имущества и дегазационных средств. Все это стало прочной основой для законодательного учреждения союзной централизованной системы, призванной обеспечить защиту тыла страны в случае воздушного нападения агрессора. 4 октября 1932 года Совет Народных Комиссаров СССР утверждает «Положение о противовоздушной обороне территории Союза ССР». Этот день принято считать днем рождения МПВО — местной противовоздушной обороны СССР, ныне Гражданской обороны.

— И вот грянула война. Известно, что почти одновременно с массированными ударами артиллерии по пограничным укреплениям и районам дислокации наших войск вражеская авиация подвергла бомбардировке важные железнодорожные узлы, аэродромы, военно-морские базы, а также такие крупные города, как Киев, Севастополь, Одесса, Вильнюс, Каунас, Житомир, Бобруйск и другие. Ясно, что такими ударами фашисты рассчитывали дезорганизовать наш тыл, подавить волю советских людей к сопротивлению. Готовы ли были силы МПВО к отражению и ликвидации последствий этих ударов?

— Расчеты гитлеровцев были настолько бесчеловечными и изуверскими, что мир содрогнулся, узнав о них на Нюрнбергском процессе. В одной из секретных директив указывалось: «Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населенного пункта...» А в дневнике генерала Гальдера была обнаружена такая запись: «Фюрер категорически подчеркивает, что он намерен сровнять Москву и Ленинград с землей. Это, по его словам, можно начать осуществлять с помощью авиации...»

Однако расчеты врага провалились. Как показали первые же дни войны, несмотря на чрезвычайно тяжелую обстановку, наш тыл оказался прочным и сумел обеспечить Вооруженные Силы всем необходимым. На высоте оказались и формирования МПВО. В первые же часы войны они были собраны и приведены в боевую готовность. Военные действия, как известно, начались в четыре часа утра, а, скажем, в Киеве и Ленинграде группы самозащиты были готовы к работе в шесть тридцать. С раннего утра во всех городах стала действовать система оповещения об угрозе нападения с воздуха. Штабы, службы и формирования МПВО перешли на казарменное положение. С наступлением первой военной ночи повсюду была введена светомаскировка.

В первые дни войны немалый ущерб причинили Минску, Смоленску и Мурманску электронно-термитные бомбы-«зажигалки» — мы просто не знали, как с ними бороться, но потом быстро научились, и «зажигалок» уже никто не боялся.

Принципиально важным было постановление Совнаркома от 2 июля 1941 года «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне». В соответствии с этим постановлением все взрослое население страны привлекалось к участию в группах самозащиты МПВО на предприятиях, в учреждениях и жилых домах. Особое внимание было уделено противовоздушной обороне Москвы. Шестьсот пятьдесят тысяч москвичей вступили в формирования МПВО! Своими героическими действиями они внесли значительный вклад в защиту столицы.

Повсеместно люди шли на риск, совершали подвиги, ценой своей жизни предотвращали взрывы и пожары... Например, лейтенант-пиротехник И. У. Харченко лично обезвредил 1245 авиабомб, большое количество мин и снарядов. А ведь среди них были бомбы со всевозможными «сюрпризами» и мины неизвестных систем. Значит, каждый раз смертельный риск, каждый раз подвиг! Родина высоко оценила заслуги И. У. Харченко, удостоив его высокого звания Героя Советского Союза.

В те дни вся страна узнала имя сандружинницы из Ленинграда Раисы Бутровой. За двадцать четыре дня она вынесла из зоны обстрела девяносто пять раненых и оказала им первую помощь. Девяносто шестого отважная девушка спасти не успела — ее тяжело ранило. После ампутации обеих ног Раиса научилась ходить на протезах, освоила новую профессию и до конца войны работала телефонисткой в штабе МПВО. Ее подвиг отмечен орденом Красного Знамени. Ненависть к врагу была так велика, а пример героев так впечатляющ, что бойцами тыла становились даже дети. Девятилетний ленинградец Олег Негов обезвредил четырнадцать, а Гена Толстой девятнадцать зажигательных авиабомб.

О подвиге частей МПВО во время войны можно рассказывать очень и очень много. Но я назову несколько цифр, которые, мне

кажется, красноречивее всех слов скажут, как велик вклад бойцов тыла в нашу общую победу над врагом. За годы войны бойцы МПВО потушили девяносто тысяч пожаров, предотвратили тридцать две тысячи серьезных аварий, обезвредили четыреста тридцать тысяч авиабомб и два с половиной миллиона мин и снарядов. Наши медики вынесли из очагов поражения и оказали помощь более чем ста тридцати пяти тысячам пострадавших.

К этим цифрам можно добавить еще две — они стали известны на Нюрнбергском процессе. Фашистская авиация совершила на наши города и села более тридцати тысяч налетов, сбросив миллион шестьсот тысяч фугасных и зажигательных бомб. Гитлеровцы воображали, что никто не может вынести такого чудовищного удара. Просчитались! К сожалению, этот урок не все усвоили. В первые послевоенные годы американские стратеги, обладая монополией на ядерное оружие, разработали немало планов нападения на Советский Союз. Главное в этих планах — нанесение атомных ударов по крупным административным и промышленным центрам. В этих условиях, как никогда раньше, многое, если не все, зависит от правильной организации защиты населения, а также заводов, фабрик и оборонных объектов от оружия массового поражения.

— Каковы же задачи Гражданской обороны в наше мирное, но тревожное время?

— Всему миру известно, что советская военная доктрина носит сугубо оборонительный характер, что партия и правительство не раз выступали со всевозможными мирными инициативами, которые, к сожалению, не вызывали аналогичных ответных мероприятий со стороны США и стран НАТО. В этой ситуации нам ничего не оставалось, как должным образом позаботиться о своей безопасности и безопасности наших союзников.

В современной ракетно-ядерной войне, если она будет развязана империалистическими кругами, исчезнут грани между фронтом и тылом. Поэтому спасение жизни людей и материальных ценностей, создание необходимых условий для устойчивой работы органов управления и объектов народного хозяйства приобрели особенно большое значение. Именно поэтому МПВО была преобразована в Гражданскую оборону СССР. Система Гражданской обороны охватила всю территорию страны, был принят территориально-производственный принцип ее организации. Она стала составной частью системы общегосударственных оборонных мероприятий, осуществляемых заблаговременно в мирное время для защиты населения и народного хозяйства от оружия массового поражения и других средств нападения противника, а также для проведения спасательных и неотложных аварийно-восстановительных работ в очагах поражения и зонах катастрофического затопления.

Вопрос ставится так: где бы ни находился человек в момент ядерного удара, он должен быть надежно защищен. В этих целях принимаются необходимые меры. Осуществляется обучение населения способам защиты от оружия массового поражения. Созданы и готовятся воинские части и невоенизированные формирования Гражданской обороны, которые обязаны быстро и эффективно ликвидировать последствия применения противником оружия массового поражения.

Серьезным экзаменом профессионального мастерства воинов частей и бойцов невоенизированных формирований Гражданской обороны является работа в местах стихийных бедствий. В августе прошлого года на Сахалин обрушился тайфун «Филлис». Сильные ливни и ураганные ветры вызвали резкий подъем воды в реках. Было разрушено много мостов, дорог, линий связи и электропередач, жилых домов и промышленных зданий. Первыми в борьбу со стихией вступили штабы, службы и формирования Гражданской обороны. Нисколько не боясь преувеличения, скажу: то, что было сделано советскими людьми, можно смело приравнять к массовому подвигу.

Всем памятны лесные и торфяные пожары в Подмосковье, Западной Сибири, на Урале и в Хабаровском крае. Огонь уничтожал не только деревья и запасы торфа — под угрозой оказались города, поселки, сельскохозяйственные строения и промышленные предприятия. Например, летом прошлого года сильный пожар в Рязанской области создал угрозу для магистрального газопровода Горький — Центр. По тревоге прибыло специальное подразделение Гражданской обороны под командованием капитана Ю. Форсеева. В этот момент вспыхнула синтетическая изоляция трубы. Нужно было немедленно прекращать подачу газа. Но это значит оставить без топлива столицу. И воины вступили в схватку с огнем, не отключая газа. Риск был огромный. Но огонь отступил!

Весной того же года в Таджикистане разбушевалась горная река Ханака. Вода прорвала дамбу и, разрушая ирригационные сооружения, огромным валом устремилась на кишлак Чачак. По поручению руководства начальник штаба Гражданской обороны колхоза Мирзо Джалбаев быстро собрал людей, и они, не считаясь с опасностью, встали на пути разбушевавшейся реки. Сто девяносто пять человек спасли тогда смельчаки! А потом бетонными плитами и корзинами с камнями залатали брешь в дамбе и заставили реку вернуться в свое русло.

Немало хлопот доставляет нам уничтожение бомб, снарядов и мин, сохранившихся в земле со времен войны. Только за последние десять лет пиротехники Гражданской обороны обезвредили и уничтожили семнадцать тысяч бомб, двести семьдесят восемь тысяч мин и снарядов, около восьмидесяти тысяч гранат и других боеприпасов. Извлечение 250-килограммовых бомб чуть ли не в центре Кишинева и по соседству с пионерлагерем «Приволье», уничтожение склада мин под Харьковом, обезвреживание крупной авиабомбы на территории одного из великолукских заводов — таких примеров сотни. А ведь за каждой из этих операций — подвиг, совершенный в мирное время. Не случайно люди, совершившие эти подвиги, награждаются боевыми орденами и медалями.

Все, о чем я рассказал,— будни Гражданской обороны, главная цель которой — выковать надежный щит тыла.

Пирмат ШЕРМУХАМЕДОВ, доктор филологических наук

ПОБЕДА МУЖЕСТВА И ДОБРА

Когда перечитываешь «Кашмирскую песню» Шарафа Рашидова, в произведении чувствуешь саму жизнь, любовь и восхищение ею.

Впервые читатели сполна почувствовали полифонию этого произведения в 1955 году.

Тогда и читатели и критики в один голос отметили, что это настоящая книга. Одновременно чувствовались и какие-то еще не раскрытые возможности сюжета и его воплощения. Конечно же, в первую очередь знал это сам Ш. Рашидов. Прошли годы, и автор вернулся к своей книге в 1977 году. Перечитывая тот вариант «Кашмирской песни», мы убеждаемся, как точно найдены новые слова, новые, более богатые краски для еще более глубокого раскрытия духовного мира героев.

Недавно при подготовке своего собрания сочинений на узбекском языке Ш. Рашидов вновь серьезно поработал над этим произведением.

«Известно,— пишет Ш. Рашидов,— что авторы иногда на протяжении всей жизни обращаются к любимым произведениям, внося дополнения и исправления. То же сделал и я для этого нового издания «Кашмирской песни».

Помимо прочего, этот факт дает возможность исследователю, критику раскрыть творческую лабораторию писателя.

Изучая варианты «Кашмирской песни», поражаешься тому, как автор постепенно, неторопливо, подобно искусному ювелиру, заставляет сверкать все новые и новые грани слова и характеров. Это, повидимому, вообще свойство дарования Ш. Рашидова — постоянно работать над своим произведением, углублять и укреплять, как говорится, «русло канала». Еще в начале 50-х годов он написал повесть «Победители», где поднимались важные социально-нравственные проблемы времени на материале освоения целинных земель. Почти через двадцать лет вновь возвратился к этой теме. И повесть преобразилась в роман, вобрав бо́льший отрезок насыщенного событиями времени, поднявшись на более высокую ступень осмысления эпохальных событий.

История мировой литературы подтверждает, что крупные художники нередко возвращались к своим старым произведениям. И можно с уверенностью сказать, что стимулом здесь была не просто внутренняя потребность автора, но и нечто большее — зов эпохи, укрупнение проблематики в самой действительности. Это, видимо, сознавал и Ш. Рашидов, нашедший в своей «Кашмирской песне» новые мотивы.

Если в ранних вариантах произведения любовь Наргис и Бамбура была передана насыщенными романтизмом красками, то теперь, знакомясь с новым вариантом, воочию убеждаешься в том, что эта линия, не утеряв чистоты звучания, стала более реалистически пластичной, развернутой, психологически наполненной.

Вот Наргис, впервые в жизни влюбленная... Она поет песню о любви, о друзьях, о красоте.

«Всей долине была слышна песня Наргис. Ей вторили цветы, птицы, ветерок, ручейки, пробивающие себе дорогу с неба, от снежных вершин к теплой земле. И еще в лад ей запела девушка, сердце которой переполнилось горячими мечтами юности и непомерностью всего того прекрасного, из чего состоит мир. А ей — так уж устроено, что из ручейка рождается река, из черенка дерево,— откликнулись девушки близких и далеких селений, что, соединяясь дорожками и тропинками, непрерывной чередой уходят за синюю черту горизонта.

А потом, когда ее голос растворился в бесконечности других, Наргис танцевала. И все, кто видел ее танец, движения рук и головы, то трепетно-радостные, то безгранично печальные, понимали, что с нею происходит. Есть вечная связь всего со всем — птицы и ветра, неба и воды, цветка и человека, песни и сердца. Потому и получилось, что мечтания Наргис родили напев, напев породил песню девушек, песня девушек превратилась в движение, ставшее танцем Наргис, а танец Наргис, удивляя и завораживая, остановил время и заставил головки цветов тянуться выше, как можно выше».

Глубоким философским содержанием наполняются и образы-символы — Лола, Атиргуль, горы, воды, олицетворяющие добрые силы природы. И на этом фоне становится еще более емким образ Бамбура — царя пчел, символизирующий наиболее активное начало в борьбе добра со злом. Так в произведении развертывается глубинная диалектика этой борьбы: она очень нелегка, но тем реальнее и почетнее победа света над тьмой, гуманизма над человеконенавистничеством.

В этом убеждаешься, еще и еще раз читая «Кашмирскую песню». Ведь олицетворения черных сил Хоруд и Буран — тоже не просто отрицательные герои, а люди со своим миром, своей философией. Здесь мир зла и насилия, а философия их по сути беспросветно пессимистична.

Борьба между добром в лице Наргис, Бамбура и других героев со злом в лице Хоруда и Бурана нарастает в течение всего повествования, и каждый раз, когда зло начинает одолевать, читателя охватывает неподдельное волнение. Но добрые силы не отступают и добиваются своего, вселяя оптимизм, уверенность в правоте и конечном торжестве дела правды и гуманизма.

«Отношением к человеку труда,— пишет В. Озеров,— заботой о его свободе измеряет он (автор.— П. Ш.) истинную ценность исторических лиц, персонажей поэтических сказаний. Так, в повести-легенде «Кашмирская песня» воскрешены сюжеты индийского фольклора, опоэтизирована любовь богатыря Бамбура и Наргис. Борцы за свободу завоюют победу, если добьются единения народа».

Во всем этом нельзя не увидеть развитие лучших идейно-эстетических традиций восточной классики, особенно Алишера Навои. И одновременно с «вечными темами», всегда волновавшими человечество, питают талант Ш. Рашидова самые современные, самые насущные и масштабные проблемы нашего сегодня и завтра — проблемы войны и мира, будущего природы и человека. Этим и только этим, видимо, объяснимы главные причины неуспокоенности большого художника и высокие, весомые, впечатляющие читателя результаты самозабвенного творческого труда Ш. Рашидова над «Кашмирской песней» — песней добра, мужества, победы созидания над разрушением, разума над безумием.

Ташкент.

НИСИЙСКИЕ КОНИ

Алексей **МАСЛОВ**

Фото автора

В пятнадцати километрах к югу от Ашхабада на плоском, как стол, холме, среди выжженной солнцем земли и сейчас еще можно побродить по развалинам Нисы, столицы древнего Парфянского царства. О коннице воинственных парфян ходили легенды. Красотой и выносливостью нисийские скакуны пленили и Александра Македонского. Выезжал непобедимый завоеватель из разграбленной им столицы на прекрасном жеребце по имени Буцефал...

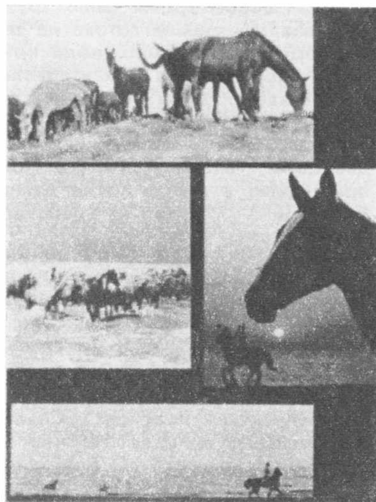
Осела пыль веков над разоренными городами. Множество поколений покинуло мир. Но каждая эпоха, каждый народ оставили потомкам свой бесценный узор на полотне человеческой культуры. Одним из шедевров, созданных туркменами, стала нисийская, или, как называют ее сейчас, ахалтекинская, скаковая лошадь.

...Стояла жара. «Тотошники» — завсегдатаи ипподромов — мусолили свои программки, тщетно пытаясь угадать победителя. Какие только имена не назывались! Были тут Фагот, Либерал, Запев, Кузбасс, Физулия, и даже Прогалина с Теплицей имели свой шанс. Но круг был тяжелый. Многие фавориты попросту отпадали. Ипподромные страсти, как футбол, доступны не каждому. Но, стоя на трибуне, невольно замираешь, когда на последней прямой атласные фигурки наездников, собранные, как нервный спазм, вручают себя коню.

Владимира Петровича среди тренеров, жокеев, представителей спортивных обществ и конезаводов я узнал сразу. Выделяло его равнодушие к окружающей суете. Пристальный профессиональный взгляд, которым он будто мерку снимал с каждой лошади, выводимой на круг, выдавал в нем опытного лошадника. Был он в мешковато сидящем, светлом костюме, оттенявшем до черноты выжженное солнцем лицо и руки, сухие, неспокойные.

Я представился. На вопрос, каково его мнение о фаворите, Владимир Петрович ответил, мол, финишный столб любит сильную лошадь. Здесь окликнули из судейской, наспех мы договорились встретиться прямо на его ферме в Турали.

Впервые о Владимире Петровиче Шамборанте я услышал в музее коневодства Тимирязевской академии. «Что хочу я посоветовать»,— сказал сотрудник музея, потом извлек из стола папку, нашел фотографию и, задержав на ней взгляд, подал мне. На любительском снимке мужчина протягивал руку к лошади. Ее голова,

длинная, горбоносая, с резко очерченными венами, сбегавшими от больших миндалевидных глаз к широким ноздрям, напоминающим сопла реактивного двигателя, острые, как лезвия, уши — в ней все так и трепетало, тянулось к руке, вздрагивало от любопытства.

— Человек на фотографии — это Владимир Петрович Шамборант. С ним вам надо встретиться. Лучше его никто не знает ахалтекинцев. В Дагестане, под Махачкалой, создан совхоз, специализированный на туркменской породе.

От Каспийска до фермы Турали, усадьбы совхоза «Дагестанский», как объяснили мне, километров восемь — десять. Машины если и ходят туда, то редко, поэтому добираться проще пешком. Чтоб не мучиться от зноя, я вышел из города, когда солнце уже садилось. С моря дул мягкий ветер, и земля все еще излучала тепло. Вскоре, однако, из-за невидимого за волнами дюн моря выплыла по-восточному полнолицая луна. Синие и фиолетовые тени легли у подножия дюн. Матовой грядой засветился Кавказ. Тишина сияла, и даже гомон птиц с далекого соленого, оставленного морем озера не нарушал ее.

Так и шагал я в этом безмолвии, пока справа от дороги не увидел силуэт колодезного журавля. За ним, чуть дальше, стоял большой двухэтажный дом, освещенный луной. У крыльца корявый сумеречный вяз отбрасывал жирную тень. Слева виднелись добротные каменные конюшни и огороженный жердями загон для лошадей — левада. Сам хутор прятался в глубине, там, где тени были плотнее и гуще. В открывшейся передо мной картине не было ничего лишнего. Все уравновешено, чисто, и не видно было ни огонька, ни людей. Но откуда-то в этой лунной тиши отдаленно послышалась грустная дагестанская песня. И вскоре растворилась в долетающем с моря ветре...

Сорок лет назад вдоль побережья, к югу от заштатного в те времена Каспийска, были рассеяны небольшие рыбацкие промыслы Турали, отличавшиеся друг от друга только номерами: Турали-один, Турали-два... Сейчас рыбацкие постройки отделяют от воды сотни метров высохшего морского дна, ровного и гладкого, как полигон для испытания сверхскоростных «болидов». Насколько хватает глаз, море пустынно, хотя по-прежнему накатывает оно свои рокочущие серые валы на бесконечный плоский берег, на остовы рыбацких баркасов, напоминающих скелеты громадных рыб, разбросанные среди дюн.

Мы сидели с Шамборантом, прислонившись спинами к наполовину ушедшему в песок боту, и ветер плотной, ощутимой струей снимал зной.

— Много лет я работал на туркменском конезаводе «Комсомол»,— рассказывал Владимир Петрович.— Окна комнаты, где я жил, выходили на Нису, вернее, на холм, где она когда-то стояла... Было время, что греха таить, когда коннозаводство совсем забросили, наоборот, лошадей табунами отправляли на мясокомбинаты. Многие председатели туркменских колхозов, чтобы спасти хотя бы лучших коней, загоняли их подальше в пески. Но в 1956 году пришло распоряжение спасать породу. Вот мы и отправились с представителями министерства рыскать по всем кишлакам в поисках чистопородных лошадей. Приехали как-то в совхоз «Советский Туркменистан» — здесь в свое время была лучшая ферма в республике. Объяснили директору: мол, нужны лошади, спасать надо породу. А кабинет у него огромный, как зал, и весь в коврах. В Туркмении обычай: выигрываешь большой приз — тебе ковер. Так сколько же этот совхоз взял призов, если председатель смог закрыть коврами все стены такого кабинета? Да...

«Отправил,— говорит,— всех лошадей в пески».

Что делать? Надо разыскивать. Поехали на машине. Среди пустыни колодец нашли. Возле него сидит старик водолив, сухой, как саксаул. Спрашиваем: «Лошади где?» «Не было три дня,— отвечает.— Как захотят пить, придут». Мы снова в машину, искать. Едем, смотрю, на такыре, гладком, как пол украинской мазанки, золотые пятна. Лежат под солнцем, как золотые пятна... кони. Выносливость туркменской лошади поразительна. Хивинские туркмены, например, отправляясь в Персию, давали лошадям пять-шесть пригоршней зерна и скакали по сто двадцать верст в сутки... С мая пустыня высыхает. Лошади стояли на привязи, летом под палящим солнцем, а зимой — дождь ли, ветер — накрытые кошмой.

Вот в таких условиях и создал человек эту породу лошадей.

— Чем же так хороши Турали? — спросил я.

— Тем, что здесь природа, как в Туркестане, только еще и море есть. Лучше разве придумаешь?

...Тень от бота, под которым мы расположились, заметно съежилась, но Шамборант словно не замечал обжигающего солнца. Лениво прищурив глаза, не мигая, смотрел он за горизонт, где под раскаленным небом лежала Туркмения. О чем думал он? Может, его воображение рисовало, как гарцуют в мареве слепящего моря его нисийские кони?

Вспомнив обо мне, он сказал:

— Я опишу вам Юлдуза. Был у меня такой жеребец. По-русски значит «Звезда». Так вот, был он отличного происхождения. Сын Гелишикли, чемпиона породы, изумительно красивого жеребца золотисто-гнедой масти, и Гуль, самой красивой нашей кобылы. Юлдуз имел самую длинную шею и самую сухую голову. Его шаг был в полтора раза длиннее, чем у других лошадей. Его отличали длинный затылок, необыкновенная сухость ног, говорящая о прочности связок и сухожилий... Обратите внимание, какие имена давали туркмены лошадям. У Юлдуза мать звали Гуль, что значит «Роза», брат Юлдуза — Гунашли, «Солнечный». У Гуль были сестры: Ак-Як-Миле — «Буланая с белой гривой» и Кара-Кыз — «Черная девочка». Любовь к лошади — национальная черта туркменов. Они всегда лошадь выбирали не только по работоспособности, но и по красоте. В Туркмении можно было встретить людей, у которых, кроме старого халата и прекрасного скакуна, ничего не было. Таким, например, был знаменитый Бек-Назар. Вся его жизнь прошла в уходе за конем, носившим его имя. От этого коня и пошла знаменитая линия Бек-Назар-Дора.

На любовь человека ахалтекинская лошадь отвечает всегда поразительной преданностью. Был такой случай. Картоманы, по-русски «разбойники», угнали приглянувшегося им жеребца. Через три недели они привели его обратно к хозяину. Все это время конь отказывался от воды и зерна. И разбойники пожалели его.

— Я иногда вот думаю,— сказал Владимир Петрович,—каждый народ особенно знаменит чем-то своим. Так вот, туркмены подарили человеку скаковую лошадь. И не будь туркменской, может, не было бы сейчас ни знаменитой арабской породы, ни персидской, ни английской чистокровной верховой. Потому что, как доказали ученые, для выведения этих пород использовалась ахалтекинская скаковая...

Море было пустынно. Лишь зной и ветер гуляли над ним. Мы шли молча, думая каждый о своем. Но что это? Сначала темное пятнышко, потом полоса вдоль берега, потом туча, растущая на горизонте. Неужто кони?! И верно. Уже слышны топот и ржание. Вот видно, как два молодца, оба чубатые, ликующие, летят, сбивая с волны пыль, заворачивая косяк от берега. А кони-то! Золотисто-буланые, золотисто-соловые, белоснежные...

ТЕАТРАЛЬНЫЕ РАЗДУМЬЯ

ФАКТЫ

Ирина ПИРОГОВА

Мое московское детство кончилось в одиннадцать лет. Только через четверть века я вернулась в родной город. Но где бы ни доводилось мне все то время жить, учиться, работать — на Чукотке или в Тамбове, на Украине или на Кавказе, я всегда чувствовала себя москвичкой.

Дело, наверное, в том, что москвич, по-моему,— это не прописка, а определенное состояние души, какие-то черты характера, воспитанные именно Москвой.

Из чего они складывались у нас, поколения сорок первого года?

Из распахнутости всех дверей в огромной коммунальной квартире, где и радость и горе были одними на всех, а нехитрые лакомства тех лет в виде булки с маргарином или клейких ирисок съедать в одиночку считалось неприличным. А потом из кусков хлеба и сахара, который мы таскали пленным немцам, строившим дома вдоль Хорошевского шоссе. Сами того не сознавая, мы проявляли великодушие к поверженному врагу, как это могли себе позволить только дети истинных победителей... Из кипящей и звенящей песнями ночной Красной площади каждое 9 Мая, где все: и военные и гражданские, и старые и молодые — оказывались слиты воедино общим горем утрат, испытаний и счастьем Победы... Из сияющих мраморных дворцов, которыми казались нам тогда новые станции метро. Из замечательных песен о Москве:

И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова,
Дорогая моя столица!
Золотая моя Москва!

Быть москвичом — это всегда значило для нас чувствовать себя маленькой, но неотделимой частицей прекрасного города; стараться жить по правде и прямоте, стремиться помочь людям делать все, что ты должен и можешь, где бы ни работал и ни служил.

Но где ж они теперь, те сценические образы настоящих москвичей, так восторженно, ярко и страстно воспетые Виктором Гусевым в пьесах «Слава», «Весна в Москве», «Москвичка»?

Помните скромного и отважного взрывника Василия Мотылькова, идущего на смертельную опасность, на подвиг спокойно и скромно, как на трудное, но неизбежное дело:

Итак, товарищ Мотыльков
Василий,
Вам осталось двадцать четыре
часа.
Через сутки примерно
окончится путь.
Ну что же! В сущности, все ведь
кончается.
Почти наверно. Почти. Чуть-чуть.
А «чуть-чуть», как известно,
в Москве не считается.

Запомнилась мне одна из первых в стране постановок «Ленинградского проспекта» Исидора Штока, осуществленная в Тамбовском областном театре имени А. В. Луначарского. Я и до сих пор убеждена, что это был прекрасный спектакль. Чету Забродиных играли замечательные артисты Мария Ивановна Коварская и Иван Никитич Марин. Они, как камертон, определили на сцене высокую нравственную атмосферу одной из тех рабочих семей, на которых держится, которыми славна трудовая Москва.

Все пережили Забродины: и невозвратимую утрату хранительницы очага Клавдии Петровны, и «звездную болезнь» младшего сына Бориса, и заблуждения жены старшего сына, едва не увлекшейся дельцом и циником, втершимся в доверие Семеном Семеновичем... Много бед и испытаний выпало на долю этой семьи, но из них она вышла окрепшей, смело смотрящей в будущее, не растерявшей своих главных ценностей — честности и чистоты, ответственности за порученное дело, сердечной щедрости, требовательности к себе и людям. И горячей, неизбывной любви к ненаглядной нашей столице.

Помню, как я, начинающий журналист тамбовской газеты, сидела на спектакле взволнованная и гордая за своих земляков, за своих москвичей, и такой же доброй, сочувственной взволнованностью и гордостью был переполнен весь зал. В Москве эта пьеса шла в театре имени Моссовета.

А розовские мальчишки Слава и Митя, вступившие в неравный бой с махровым хамством, мещанской моралью, инфантилизмом, недоверием к человеку? Они выиграли этот бой, и целые поколения юных зрителей Центрального детского и многих театров страны сражались и побеждали вместе с ними, получая своего рода нравственную путевку в самостоятельную жизнь. Правда, это было более двадцати лет назад...

Не так давно мне довелось беседовать с Героем Социалистического Труда, депутатом Верховного Совета СССР, бригадиром проходчиков СМУ-8 Метростроя Александром Сухановым. Судьба этого человека сама по себе, без всяких прикрас, благодатнейшая почва для писателя, драматурга.

Мальчишкой, из Тимирязевского леса, крепко зажав в ладони заветный пятак, бегал он с друзьями через пол-Москвы кататься на метро. Отец на фронте, мать сутками на работе. Кругом холод, голод, а там, в метро, и в войну было красиво, светло, лестница плыла, как в сказке... Потом ремесленное училище, завод «Знамя труда». Но то сказочное метро из фронтового детства не давало покоя, неудержимо влекло к себе!.. И победило.

В 1952 году по путевке комсомола Суханов пришел на Метрострой. Первое время было трудно, казалось, земля готова на тебя обрушиться. Темно, вода кругом... Впервые их в шахту спустилось четверо. Двое не пришли ни завтра и никогда: наверное, их тоже можно понять. Даже из ста двадцати моряков-подводников, пришедших в метро после демобилизации, осталась работать лишь треть.

— Но кто поначалу из Метростроя не ушел, тот в жизни его не бросит,— говорит Суханов. Он рассказывал о станциях, которые построил за четверть века: «Киевская-кольцевая», «Щербаковская», «Фили», «Юго-западная», «Волгоградский проспект». Самые любимые — «Площадь Ногина» и «Площадь Ильича». С благодарностью называл он своих первых наставников — бригадиров Андрея Легостаева и Алексея Алексеевича Королева, с удовлетворением говорил о лучших своих учениках здесь, в Москве, и в Ереване, где тоже строил метро.

Но вот лицо моего собеседника стало озабоченным и даже огорченным. Мы заговорили о том, что немало молодых рабочих, имеющих среднее образование, хорошую профессиональную подготовку, здоровье и выносливость, часто забывают о рабочей чести, гордости; дело делают спустя рукава, пьянствуют, живут бездуховно, нелепо. Многие из тех, кто приехал в Москву из других мест страны, что называется «по лимиту», отлично устроены с работой, общежитием, обзавелись модной одеждой, но их настоящими москвичами пока не назовешь. Они до сих пор не знают и не спешат узнать и познать ее духовные и исторические ценности; не осознали, что живут в главном городе страны, не дорожат его традициями.

— А ведь им равняться есть на кого,— убежденно сказал Суханов.— Из восьми миллионов москвичей добрая половина — рабочий класс, и настоящих людей немало. У нас Татьяна Викторовна Федорова, заместитель начальника Метростроя,— живая легенда. Вот на чьем примере учиться молодым! Жалко только, что после фильма «Добровольцы» нас, к примеру, метростроевцев, не балуют вниманием ни кино, ни литература, ни театр.

Да разве только метростроевцев, подумалось мне.

Нельзя не прийти к печальному выводу, что в сороковые — шестидесятые годы московскому характеру на сцене везло больше, чем сейчас. И речь об этом я веду отнюдь не из местнических, не из узкогеографических соображений. Москва — неисчерпаемый источник вдохновения поэтов и прозаиков, воспевавших ее с пушкинских времен до наших дней. Винокуровские «Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой» и нынче тревожат сердце и совесть нашим вечным долгом перед ними, погибшими за нас.

На недавнем пленуме Правления московской писательской организации отмечался заметный рывок так называемой «городской прозы» с ее исследованием именно столичной жизни.

Можно говорить о двух типах созданных ею героев, как бы находящихся в споре,— героя активной общественной и нравственной позиции, вобравшего в себя боль и заботы своего времени, своего мира, сосредоточившего в себе утверждающее начало жизни. Иной тип — герой так называемой «живой вибрации», мечущийся между добром и злом, терзающий себя «вечными вопросами» в собственном толковании, не видящий за заботами повседневности главных истин, неспособный в решающий момент сказать ни «да» ни «нет». В прозе спор этих типов героя явно решается в пользу первых. Глубочайшая необходимость литературного исследования мира героя-горожанина и его среды, и в том числе столичного, это не прихоть, а реальность.

Высочайшую патриотическую и творческую задачу художника, пишущего о главном городе своей жизни, о духовной битве за души его людей, по-моему, очень точно определил Павло Загребельный, говоря о своем родном Киеве:

«Мне кажется иногда, что само слово «Киев» — это какое-то назывное понятие, обозначающее не один город, а множество. Оно объединяет века, славные события, бессмертный дух и гений самого места, реки, глиняных гор, лесов, неба, ветров и необъяснимой тайны вечности... И когда я пишу о Киеве — то ли о древнем, то ли о нынешнем,— я стремлюсь прежде всего писать о несгибаемом духе этого города, о Киеве как средоточии духовности народа...»

А мужество и несгибаемость Москвы, ее неизмеримый нравственный потенциал, великий патриотизм, высочайшая духовная и политическая культура личности москвича, многосложность судеб, личных и социальных конфликтов, которые естественны в обществе первопроходцев, но тем не менее требуют острого, бескомпромиссного решения,— темы эти, находят ли они сегодня свое воплощение в драматургии?

— Когда вы, Иван Дмитриевич, последний раз играли москвича — рабочего, ученого, учителя, врача — ну, словом, обычного честного человека, нашего современника, играть которого было бы интересно, сложно, стало бы душевной потребностью?

— Вы знаете, не помню за последние лет пятнадцать такой роли,— растерянно ответил народный артист РСФСР И. Д. Воронов. Он и его коллеги не играют, а значит, многие поколения зрителей Центрального детского театра не видят на сцене своих зем-

И СУДЬБЫ

ляков — отцов, старших братьев, всех тех, кто мог бы дать им нравственный урок любви к родному городу. То же в Московском театре юного зрителя...

Но кто же, как не они, прежде всего должны быть глашатаями и певцами родного города?

Театр имени Ленинского комсомола, главный молодежный театр страны... Поклонники оригинального таланта руководителя театра Марка Захарова отдают дань его интересной последней работе «Юнона» и «Авось» А. Вознесенского. И все же, не оспаривая пиетета, приходится констатировать: в репертуаре театра практически отсутствуют современная героика, образ нашего молодого поколения. И даже XIX съезд ВЛКСМ не побудил театр на создание такого спектакля. Не считать же в самом деле портретом поколения «Жестокие игры» А. Арбузова, сколько мастерства и воображения ни вложили бы в эту постановку ее создатели. И дело отнюдь не в тех спорах, которые разгорелись вокруг самой пьесы, не во множестве самых разнообразных ярлыков, как критических, так и хвалебных, которых она удостоилась...

Такой мастер, как Арбузов, вправе писать о том, что кажется ему интересным, тем более что сытых, перекормленных благами жизни мальчиков, эпатирующих, отрицающих собственных родителей, а заодно и общество, которому они обязаны всем, у нас, к сожалению, развелось порядком, и, пожалуй, именно в Москве.

Пров Судаков из розовского «Гнезда глухаря», назло родителям совершивший кражу, тоже недалеко ушел от этой компании. Где-то рядом и внучка «Черного гардемарина», для которой «свобода» от учения в средней школе и жизнь в заброшенной лодке с некими «панками» куда важнее и интереснее идеалов старого советского адмирала, ее дедушки: А. Штейн тоже не избежал искуса.

Они существуют и в действительности — эти отпрыски так называемых «престижных» семей, мнящие себя порой членами каких-то отнюдь не спортивных клубов, жестокие игры которых попахивают уголовщиной. Главные тревоги мира не интересуют молодых людей такого сорта, потому что в полный «суперменский набор» их представлений об успехе входит лишь «право сильного», рабская слепая тяга к материальным благам и комфорту, уверенность в превосходстве над теми, у кого этих привилегий меньше или вообще нет.

Природа не терпит пустоты, особенно духовная. Пустые, лишенные исторической памяти, традиций народа, головы и души легче заполняются неуважением к обществу, эгоцентризмом. Что ж, пену образует любой кипящий, бурлящий поток, даже горный, где такая чистая вода...

Но сосредоточиваясь исключительно на исследованиях стенаний и метаний нынешних молодых героев подобных пьес, юнцов, блажащих в узком мирке просторных комфортабельных квартир «предков», не допускаем ли мы не только художественной, нравственной, но и идейной диспропорции, опасной близорукости?

Думается, что обозначенное выше явление нуждается не только и не просто в сочувствии, а в глубоком честном диагнозе и радикальном лечении средствами искусства, и театра прежде всего.

И вот что особенно волнует: почему право на углубленное изучение изгибов души и претензий к окружающему миру в драматургии как бы закреплено сегодня преимущественно за каями, провами, внучками адмиралов, бросившими школу? А что же их сверстники, которые учатся в профтехучилищах и вузах, строят дома, прокладывают дороги, растят хлеб, находятся у пультов управления космическими кораблями, они что — серая, безликая масса? Почему их жизнь, их поиски, ошибки, поражения, победы не стали предметом исследования, объектом внимания и вдохновения московских драматургов?

В недавно принятом постановлении ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства» ставится задача использовать все возможности для повышения воспитательного значения художественного слова, создания произведений высокого патриотического звучания, поэтизирующих служение Родине, делу партии. И это в равной мере относится к драматургии. Для всех видов искусства социалистического реализма нет более важной обязанности, чем утверждение советского образа жизни, норм коммунистической нравственности, красоты и величия наших моральных ценностей — таких, как честный труд на благо людей, интернационализм, вера в историческую правоту нашего дела, подчеркивается в постановлении.

Вспоминаются слова одного из героев Бориса Лавренева, выразившего, безусловно, творческое кредо самого писателя:

«...Мне нужны большие события и большие люди. Огромные. Чтоб от края до края видно не было. А попадается все узкое, спрессованное, крошечное... Лилипутия... Все умещается на ладони, под стеклышком, за занавесочкой... Судьбы нет... Факты и фактики, а судьбы нет...»

Но в чем же все-таки дело?

Не хотелось бы думать, что главный режиссер московского театра, которому принесут талантливую пьесу о Москве, откажется от нее. Хотя убеждена, что сами-то художественные руководители театров должны проявлять куда больше активного интереса к этой теме, ответственности за нее, а не облегчать жизнь,— мол, нет, так и не надо!

Но одно совершенно очевидно, цех столичных драматургов — а их почти полтораста,— в огромном долгу перед родным городом.

Существует такое понятие — «социальный заказ». Наверное, каждый представляет его себе по-своему. Мне кажется, что социальный заказ — это отнюдь не вызов в официальное учреждение, заманчивая сумма аванса, гарантированная договором. Скорее это требование собственной совести, гражданской и творческой неуспокоенности, чутья к болевым точкам жизни.

Ведь самое горькое то, что хороших пьес о Москве недостает не только ей самой. К столице устремлены взоры миллионов людей в нашей стране и за рубежом. Большинство смотрят с надеждой, любовью, интересом. А что им на сегодня предлагается?

За несколько лет до спектакля «Гнездо глухаря» в Московском театре сатиры пьеса эта широко пошла по стране и стала своего рода «боевиком». Мне довелось видеть несколько спектаклей провинциальных театров в постановках тех самых режиссеров, которые хотят, чтобы у них в театре было «не хуже, чем у людей».

Впечатления были одинаково неутешительными. Местная публика глядела на «роскошную» жизнь семьи Судаковых с ее специальными аптеками, магазинами, где все есть (а в тех городах были трудности с продуктами), на то, как достаются путевки в Карловы Вары и другие блага жизни, на квартирную коллекцию икон «для интерьера», на почти шекспировское коварство молодого карьериста Ясюнина, взбирающегося «вверх по лестнице, ведущей вниз»... И, глядя на все это, люди после спектакля говорили вслух: «И чего им не хватает, этим москвичам? Совсем заелись...»

Многих особенно коробило то, что герой пьесы Судаков преуспел и взрастил вокруг себя свое глухариное племя не где-нибудь, а на том самом высоком посту, о котором его сын иронически говорит: «Борьба за мир — в этой сфере».

Хотя это уже не ирония. Это обыкновенный цинизм.

Обо всем надо думать, говорить и писать очень серьезно и ответственно.

Время не позволяет иначе.

* * *

Не так давно я побывала в «Современнике» на спектакле «Три сестры», поставленном Галиной Волчек. Думаю, что об этом спектакле будут говорить и спорить, ибо в режиссерском прочтении чеховской драмы есть определенная новизна, а замысел его весьма отчетлив и адресован прямо и недвусмысленно сегодняшним интеллигентам, которые предстают в спектакле людьми рефлексирующими, устало занимающимися демагогией или устраивающими друг другу весьма темпераментные сцены и истерики. Все это на сцене делается профессионально, с большой актерской отдачей и порою даже будоражит своей подчеркнутой безысходностью, жестокостью быта, убивающего мечты и благородные намерения.

Очень интересной, свежей представляется работа Михаила Жигалова, открывшего нам истинную драму одиночества и глубину страданий Соленого. Неожидан и Вершинин Валентина Гафта: желчен, брюзглив, подчеркнуто мешковат, и все свои высокие монологи он произносит с иронией и горечью обманутого жизнью «влюбленного майора» в изрядно потрепанном романтическом плаще. Отсюда и новый оттенок в отношении к нему Маши, пожалевшей этого неудачника, родственную душу, а совсем не героя и не «человека будущего».

Увидев подобный спектакль в хорошей, серьезной европейской труппе, можно было бы, очевидно, порадоваться: все-таки попытка понять загадочную славянскую душу... Но здесь, дома, в Москве, мне этот беспочвенный и условный Чехов с маршами под фонограмму, на почти голой сцене, со сверхэлегантными, вневременными костюмами от Вячеслава Зайцева кажется каким-то отчужденным, закрытым, как тайна за семью печатями.

Да, конечно, я размышляю об увиденном, с чем-то спорю, чему-то радуюсь, но для меня всегда был и останется ближе тот благородный и сдержанный Чехов, у которого герои «просто обедают», а в это время рушатся их судьбы и разбиваются мечты. Тот Чехов, в драматургии которого «подводное течение» характеров во много раз сильнее, чем внешние проявления страстей и чувств.

Отчего я вдруг заговорила о «Трех сестрах» в статье на сугубо современную тему?

Только ли оттого, что своим неудержимым стремлением в Москву, любовью к улице своего детства, страстной верой в гуманистическую духовную атмосферу этого города чеховские сестры рисуют нам опоэтизированную картину столицы, достойного продолжения которой так не хватает на нынешней сцене?

Да, конечно, и это тоже. Но довершила дело жесткая, безысходная реплика Вершинина — Гафта, занозой засевшая в душе:

«Так же и вы не будете замечать Москвы, когда будете жить в ней...»

Нет ли в чеховских словах мудрого предупреждения и театру, и драматургии, и всем, кто потерял способность замечать, в каком прекрасном городе выпало счастье жить и трудиться...

Мария
ХАЛФИНА

Читатели «Огонька» знают имя Марии Леонтьевны Халфиной давно. На страницах журнала были опубликованы многие ее произведения, в том числе «Простая повесть» и повесть «Мачеха», позже экранизированная «Мосфильмом». Рассказы «Баба Груня». «Виктория», «Расплата», серия новелл «Что старикам надо» вызвали поток читательских откликов.

«Простые истории» — так назвала писательница один из своих сборников — оказываются не такими уж простыми: судьбы людские в них встают трудные, неординарные. Кажется, что ее герои шагнули на страницы книг прямо из жизни. Может быть, именно поэтому ее произведения заставляют читателей задуматься и размышлять над сложным миром человеческих отношений, когда, как сказал Вл. Лидин, оценивая творчество писательницы, «человек при всех условиях должен прежде всего помнить о своих нравственных обязанностях». Вопросы, поднимаемые М. Л. Халфиной, будят мысли и чувства каждого: это проблема «отцов и детей», материнского долга, уважения к человеку, особенно пожилому, и, в свою очередь, умение стариков вникнуть в дела молодежи

Сегодня «Огонек» публикует «Семейные притчи» из цикла «Любовь, семья, дети».

СЕМЕЙНЫЕ ПРИТЧИ

ПРИТЧА ПЕРВАЯ

Вот, понимаешь, говорят, что в нашем обществе нет класса эксплуататоров. Полностью будто бы уничтожена эксплуатация человека человеком. А я говорю — неверно! Есть у нас такой класс... Детки наши взрослые, вот он — эксплуататорский класс. Чего смеетесь? Точно вам говорю.

Тут вся причина в чем? Жениться или, скажем, замуж выходить — это они пожалуйста. Можно или не можно, есть условия или нет — они этими расчетами себя не утруждают. Ему, варнаку, двадцати еще не сравнялось, ему в институте еще четыре года париться, у отца квартира двухкомнатная на пять человек, а он... «Давайте, батя с мамой, собирайте свадьбу, и чтоб не хуже людей».

Детей рожать — на это они тоже вполне способные. А вот нянчить, воспитывать — это им не по носу. На это господь бог стариков создал. Дедов и бабок. Ну дедам, конечно, полегче — мужское звание их все ж таки немножко защищает. Да и не густо нашего брата — дедов-то осталось. Ну, а бабки, это я вам скажу, вывелась у нас особая такая порода ишаков, да не простых, а двужильных. Другая старушоночка с виду и поглядеть-то не на что, а сколько на нее ни наваливай — кряхтит да тянет. И не в том беда, что приходится иной старухе непосильный этот воз тащить, а в том, как детки ее к ней относятся. Они ведь как рассуждают, ученые наши детки? Мы молодые, мы хотим жить. У нас эти... как их? Потребности и интересы особые, ну и еще это, ну... запросы. А вы уже старые, вы свое отжили — много ли вам теперь нужно?

Вот в этом-то все наши беды и кроются.

Я ему говорю: дитятко ты мое умное, высокообразованное, пошевели ты своими... этими самыми извилинами, ежели они у тебя имеются. Мне теперь нужно больше, чем тебе. Ты молодой, сильный, здоровый. А я весь на нет износился. Во мне жилочки цельной, ненадорванной не осталось. Ты оглянись — какой войне мы хребет сломали. Я, к примеру, с двадцатого июля сорок первого и до самой Победы, три года семь месяцев воевал, в остальное время хирурги в полевых госпиталях на ходу дырки на мне штопали. По дороге домой я еще на Дальний Восток заскочил, там маленько повоевал. Все хорошо, только самурайская пуля вреднее немецкой оказалась, на десять месяцев меня в госпиталь уложила. Ну, а после войны сколько мы на развалинах всего понастроили? Для кого?! Мы благодарностей от вас не требуем, но нужно все же, чтобы вы всего этого не забывали и не тявкали бы сдуру глупые и подлые слова на стариков.

Я уж не говорю о заботе там, о внимании. Но почему у вас так ведется, что мамку свою старенькую приласкать вы вроде как за стыд для себя считаете? А ведь для нее слово твое одно, доброе твое слово, дороже всяких подарков... Вот, холера, как поговорю вслух — кашель какой-то, язви его в душу, привяжется...

А еще хочу я сказать, что касается этих самых — запросов, а также и интересов. Потребностей, в этом я могу согласиться, у старого человека не густо, а интересы, так ты, сынок, поверь, у меня их больше, чем у тебя. Смолоду да и в зрелых годах ни времени, ни средств у меня не было, чтобы пользоваться, скажем, культурой и всеми этими благами, которыми вы теперь досыта пользуетесь.

Теперь только и пришло для стариков время: приодеться, скажем, прилично, в театр сходить или во Дворец спорта, там и хоккей и гимнастика.

Или вот возьми книги. Почитать я всегда любителем был, но опять же времени никогда не хватало, про деньги уж не говорю. Вас пять ртов, одеть-обуть, в школе десять лет содержать, потом в институтах. И старикам, тяте с мамой, посылать надо было, они ведь за свой многолетний труд пенсий не получали.

А теперь я, как пацан какой, в библиотеку хожу, а больше всего в книжных магазинах люблю на прилавке порыться. Старуха за книжки никогда меня не пилит. Вот ежели пол-литра, ну тут уж она как тигра лютая, выпивать-то мне теперь не положено, мотор мой здорово барахлить начинает, нынче прямо на ходу искру потерял, два месяца пришлось в больнице загорать. Вот они, дела-то какие...

ПРИТЧА ВТОРАЯ

— Виктор-то твой не женился?

— Не женился и не женится на ком ты думаешь...

— Это почему же?

— Потому, сестрица дорогая, что мой сын никогда против матери не пойдет. Он два раза со мной разговор заводил, я ему свое мнение высказала... И все. Больше он и намека никакого не сделал, потому что характер мой и слово мое с детства знает.

— Почему же ты так противишься его женитьбе?

— Я не против его женитьбы. Жениться ему, конечно, пора, двадцать семь лет. Пусть найдет ровню, я его сама благословлю и свадьбу на свои средства справлю. Сама в его комнатку перейду, а ему с молодой женой свою спальню отдам. И со всей обстановкой. Сама знаешь: шифоньер полированный, трельяж зеркальный, ковер на стене, ковер на полу. Да разве я что-нибудь для него пожалею?

— Объясни мне, Ксения, чем тебе и эта не по душе пришлась? Ты же с ней, по-моему, и не встречалась ни разу?

— А мне с ней встречаться ни к чему. Виктора ей не видать как своих ушей. И все! А ты, я вижу, судить меня приехала? А у самой-то у тебя как? Зятек твой дорогой как себя ведет? Ты же горькими слезами плакала, когда Ленка его привела...

— В Косте мне и сейчас многое не нравится. Но живут они уже восьмой год, и дай бог всем молодым жить так, как они. Между ними, Ксения, такое счастье, о каком мы с тобой и понятия не имели. Я раньше думала, что про такую любовь только в книгах пишут да в кино показывают. Так неужели же я, только потому, что мне Константин не мил, между ними встану? Да что про наши дела говорить, ты мне не ответила на мой вопрос: чем тебе Викторова любовь не по нраву пришлась, чем Наташа плоха, если ты ее не знаешь и не видела ни разу?

— Наташа!! Гляди-ка ты! Тебе уже и имя ее известно! А вопрос такой от родной сестры даже слушать дико. Виктор — молодой человек, холостой... Можно сказать — юноша. А она разведенка... Брошенка. Чем же мой сын заслужил, чтобы ему чужими объедками пользоваться? Неужели же для него чистой, невинной девчонки не найдется?

— А сам-то он что? Невинный, чистый мальчик?

— Ну, милая моя! Молодцу быль не в укор. Парень матери в подоле не принесет.

— Да, тебе он в подоле не принес. Ты же знать ничего не знаешь. А он шестой год дочурке своей алименты платит...

— Ты что это бредишь, Зинаида?! Какой дочурке?!

— Да ты хоть передо мной-то не прикидывайся, сестричка милая, ты ему сунула тогда сотню и адресок подсказала, где можно аборт сделать без огласки. Так он же тогда мальчишкой был, на жизнь из-за твоего подола выглядывал. Ты сказала, что девчонку его не примешь и его с ней на порог не пустишь, он сопли-то и распустил, отступился от нее. Но подлецом Витька и мальчишкой не был. Родила она девочку, Таньку, внучку твою. Он

ей с первых дней помогал. А мать в Омске живет, замуж вышла удачно, за хорошего человека. Виктор недавно вместе с Наташей ездил к ним, с дочерью повидаться...

— Откуда же тебе все эти новости известны?

— Господи, да мы с Витькой все эти годы переписывались, они с Леночкой моей и с Костей очень дружат. В прошлом году он ведь не на курорт ездил. Они с Наташей к нам приезжали...

— Ну, спасибо, сестрица... А теперь объясни — если он с этой уже год в таких близких отношениях состоит и с мнением матери не считается, почему же он не женится на ней официально?..

— А потому только и не женится, что она согласия не дает.

— Она? Согласия не дает? Это почему же?

— А потому, что не хотела между тобой и Виктором становиться. Тебя жалела. Проверяла чувство. И Витькино и свое.

— Ну и что же, проверила?

— Все они проверили... И друг друга... И тебя. Наташа диплом врача получила, направление у нее в Алтайский край, в районную больницу, а Виктор с ней едет, его приглашают на должность директора средней школы. Виктор так считает: поживешь ты одна, подумаешь обо всем, произведешь, как он говорит, переоценку ценностей, соскучишься и приедешь к ним. И будет у тебя полная семья: сын, невестка, внуки... Ну, это он тебе сам все скажет, он сегодня вечером забежит проститься с тобой, билеты у них на двадцать три сорок...

ПРИТЧА ТРЕТЬЯ

Спрашиваете, где я два месяца пропадала? Да я же в Свердловск к Маше летала. Нет, никуда она оттуда не уезжала, всю жизнь в Свердловске жила с дочерью, с Мариночкой. Комната у нее там была хорошая, большая, светлая. Комната-то хорошая, да соседи очень уж скверные. Между собой все время скандалят, а Машу мою просто съедали живьем. Маринка характером потверже, ее они все же побаивались, а Маша... Скандалить, ссориться она просто не может, не умеет, а для соседей эта ее сдержанность хуже острого ножа. Много лет была у Маши заветная мечта — под старость, когда уйдет на пенсию, пожить одной, в собственной, пусть крохотной, но в своей, отдельной квартире.

Марине она дала хорошее образование. Двумя языками владеет. Отличная переводчица. Но это у нее, так сказать, побочная профессия. Окончила она музыкальное училище по классу рояля. В консерваторию не пошла. Девочка она разумная, убедилась, что таланта большого нет, а преподаватель из нее получился хороший. Ценят ее, и оплачивается ее труд вполне прилично. Машенька ей в самое трудное время пианино в рассрочку купила, она сейчас иногда уроки на дому дает, способным детям, у которых своего инструмента нет.

Когда Маринка стала хорошо зарабатывать, начала Маша понемножку из своего заработка откладывать на кооперативную квартиру. Но тут Марина привела себе мужа. Парень хороший, тоже музыкант и преподаватель. Конечно, надо было небольшую свадьбу справить, кое-что из обстановки купить. Ни у Марины, ни у Саши сбережений никаких еще не было. Ну и ушли Машины скопленные рубли все до одного. А комнату свою она поделила так: молодым часть комнаты с двумя окнами, а себе отгородила двумя книжными шкафами угол без окна, кровать там вместилась и тумбочка с настольной лампой. Прямо со свадьбы уехала в командировку на два месяца, чтобы дети пожили одни, чтобы не мешать их молодому счастью.

А работала она в объединении кустарных промыслов. Была мастером-художником по дереву. И режет, и выжигает, и эстампы разные, причем придумывает все сама. Поэтому ее особенно и ценили.

Работала она всю жизнь много, иной раз просто не по силам. И все для Маринки. Овдовела в двадцать семь лет. Сватали ее, и не один раз. Но все как-то не получалось: один в мужья вполне годится, да в отцы Маринке не подходит. Другой наоборот. А когда оглянулась — жизнь-то, оказывается, к закату клонится. Так и прокуковала всю жизнь одна.

А мечта ее об отдельной квартире так бы мечтой и осталась. Да выручил счастливый случай. Сотворила Маша этакую деревянную шкатулочку, вроде старинного сундучка. Ну, действительно, редкой красоты вещь. Сначала эта шкатулка в Москве все призы получила, потом пошла за границу. Экспонировалась на Лейпцигской ярмарке, и получила Маша солидную премию. Короче говоря, купила она себе кооперативную однокомнатную квартирку, как и мечтала, в тихом, отдаленном от центра, новом районе.

Писала мне: «Строительство кончается... получила ордер... сплю и вижу... звонок, открываю — на пороге ты с чемоданчиком! Неужели доживу я до этого дня?!» Потом замолчала. Ни писем, ни телефонных звонков. Я уже все передумала. Может, хочет, чтобы я приехала, когда уже вселится. А может, больна и не хочет пугать? И вдруг телеграмма странная какая-то... «Постарайся быстрее приехать...»

Прилетаю. Ни Марины, ни Саши дома нет — на работе. Встретила меня Сашина тетка — тетя Клара. Саша сирота, воспитывался в детдоме, единственная родственница — тетя Клара. Она его из детдома брала к себе на праздники. На свадьбе была Сашиной посаженой матерью. Спрашиваю ее, что с Машей, где она. В больнице. Было предынфарктное состояние, сейчас нет, но... А дальше Клара Федоровна печально так, страдальчески сдвинув брови, говорит: «Никто же не предполагал, что Мария Владимировна проявит такой старческий эгоизм. Даже Саша с Мариночкой не знали, что она покупает квартиру... Я, когда узнала, решила, что она хочет детям сделать подарок сюрпризом, только меня удивило — почему выбрала такой отдаленный район. Детям же необходимо жить поближе к работе... Конечно, сложностей еще всяких много, например, с пропиской. Сашу с Мариной там не пропишут, потому что так быстро получить кооператив удалось Марии Владимировне благодаря ее трудовым успехам». Слова эти — «трудовые успехи» — она произнесла как-то вроде с усмешкой.

«Ну, пропишется там сама, а жить будут ребята, все же так делают...» Это тетя Клара продолжает рассказывать, а я слушаю ее и ушам своим не верю. «Неужели Марина и Саша,— спрашиваю,— приняли бы от нее такую жертву?!»

У нее лицо вытянулось, смотрит на меня как на сумасшедшую: «Жертва?! Вы считаете жертвой помощь пожилой матери своей единственной дочери?!»

«Да,— говорю,— жертва, и жертва ненужная. Материнский долг Мария выполнила в тройном размере. Каторжным своим трудом дала Марине прекрасное образование; отказалась от личной жизни, чтобы не навязывать дочке отчима; оставляет ей и ее мужу прекрасную комнату в центре города. Неужели этого мало? У них впереди вся жизнь, а ей остались считанные годы. Неужели она не заработала право прожить их так, как мечталось? А к вам, Клара Федоровна, у меня один вопрос. У вас двухкомнатная квартира. Живете теперь одна. Почему же вы не предоставили одну из своих комнат любимому племяннику, которого даже называете сыном? Это, по-вашему, не проявление старческого эгоизма? Маша два года жила в темном закутке у порога, в одной комнате с молодыми, в то время как у вас одна комната фактически пустовала. И вы осмеливаетесь упрекать Марию в эгоизме и, судя по всему, чуть не довели ее до инфаркта!»

Тут входит Марина, бледная, губы трясутся. Она в коридоре стояла и все слышала. Не знаю, если судить по ее поведению, ни она, ни Саша и не думали отбирать у матери ее новую квартиру, даже разговора с Машей об этом не было. А почему мать оказалась в больнице почти с инфарктом?.. Выходит — это тетя Клара проявила излишнюю активность. Почему же они ей это позволили?

В общем, привезла я Машу из больницы, справили мы маленькое новоселье, и два месяца я с ней побыла, пока она окончательно не окрепла.

ПРИТЧА ЧЕТВЕРТАЯ

Разговор зашел о любви и... о здоровье. Вспомнили несчастную семью Ракитиных. Полина Ракитина с детства болела эпилепсией. С наступлением девичества припадки ослабели, стали совсем редкими.

Поехала Поля погостить в соседний город к подруге, познакомилась там с Иваном Макаровичем, вышла за него замуж, ни слова не сказавши о страшной своей болезни. Впоследствии оправдывалась тем, что будто бы какой-то врач сказал ей, что болезнь ее вообще на исходе и в замужестве совсем пройдет. Возможно, что она и сама верила в свое исцеление.

Сначала все шло хорошо, но после рождения Шурика припадки возобновились, и были они значительно сильнее и чаще.

Так вот много лет и живут они до сих пор. Несчастный Иван Макарович, здоровый, красивый, теперь уже заметно стареющий; подросший Шурик — болезненный, нервный, мать он порой стыдится. И Полина иногда совершенно невменяемая. Жалкая, постаревшая, часто теряющая память и ориентацию, она норовит уйти из дома, и ее подбирает где-нибудь «Скорая помощь» или милиция.

Конечно, проще всего было бы увезти ее к родителям: «Знали же вы, что дочь ваша больна и не может быть ни женой, ни матерью. Как вы могли пойти на такой обман и позволить ей родить ребенка?» Или сдать ее в психолечебницу. Но не может Иван Макарович сделать ни того, ни другого. Совестливый, добрый он человек.

— Мама мне рассказывала, что в двадцатых годах, когда они с папой поженились,— вспоминала Зоя Гавриловна,— нужно было медосмотр проходить и в загс медсправку предъявлять...

— Чепуха все это...— перебила Ольга Матвеевна.— Формальность была сплошная. Ну какой там мог быть медосмотр? Ни анализов, ни кардиограммы, давление и то не умели измерять в ту пору.

— Были анализы,— пресекла спор Екатерина Семеновна.— На венерические болезни тогда всерьез проверяли. В этом и был смысл медосмотра перед регистрацией. В прежние времена для девушки-невесты дороже приданого, дороже красоты было здоровье. Понимали, что хорошую семью могут составить только люди здоровые. А главное — ребят здоровых родить. Сейчас же чудеса чистые, молодая девчонка выйдет замуж и начинает на первом же году перед мужем немочи свои демонстрировать. Пока ухаживались — здоровенькая была, веселая. На танцплощадке по три-четыре часа могла выкаблучиваться, в походы ходила, на лыжах бегала, а замуж вышла — словно иголку съела. А муж молодой обязан переживать, ублажать... И не понимает того глупая, что мужу могут наскучить ее стоны да жалобы, кислый ее, всегда недовольный вид и что она со своими немочами может ему опротиветь. А это, считай, конец семейной жизни.

— Ну а если действительно бабенка страдает? — задиристо вклинилась Ольга Матвеевна.— Если действительно у нее недомогание?

— Недомогание — это еще не болезнь,— парировала Екатерина Семеновна.— И вообще болезни болезни рознь. А женщина, если замуж собралась, должна понимать, на что идет. И девушки молодые должны знать, что замужество — это испытание твое на прочность, на разум, на терпение. Возьми первое — беременность. У многих протекает она тяжело. Роды — каждому известно — смертные муки. А аборт? Ведь не только тело, а и душу-то твою словно на дыбу вздергивают... А ночи бессонные? Работа бабья без конца и края. И неизвестно — какие дети зададутся, а нет большей беды — неудачных детей. Да еще, может, и с мужем не поладится — выпивать начнет или налево заглядывать. Всякое в жизни бывает. А в семейной жизни основа всему — женщина. Есть у меня одна молодая семья. Чужие, но люблю я их очень. Все там держится на жене. Правда, и Саша — так сказать, глава семьи — умница, нет никакой бабьей работы, которую он стыдился бы делать, чтобы жене помочь. Ну а Наташа?.. Она действительно нездорова, но

спросишь ее о самочувствии, улыбнется: «Нормально». Двух детей родила, в школу уже ходят, а сама на работу через весь город с пересадкой ездит. Дома всегда чисто, уютно, дети воспитываются разумно — и в любви и в строгости. И уж если она заболеет — между прочим, без ахов и стонов,— то Саша встревоженный, сам, кажется, умереть за нее готов, вся родня на ногах: Наташа заболела...

— А я вам другое расскажу,— подала голос Зоя Гавриловна.— Работает со мной женщина, сейчас ей под пятьдесят, и я ее уже лет двадцать знаю. Когда-то она перенесла тяжелую болезнь, а теперь мучают ее, как это врачи называют, остаточные явления. Высокая, стройная, косища ниже пояса, черная, как вороново крыло,— загляденье. Головные боли у нее часто бывают, сильные боли, никто и не сомневается. Но вот сотрудницы наши, например, боятся ей вопрос задать: как жизнь, как дела? Потому что она не о делах начнет рассказывать, а о своих болезнях. Час может говорить и больше. И все такими словами: головная боль адская, бессонница кошмарная, изжога нечеловеческая. То вдруг сообщает, что у нее вчера правая нога отнялась, а один раз даже отнималась вся левая половина тела. Все же знают, что слово «отнялось» обозначает паралич, инсульт. А у нее сегодня отнялась нога, а завтра уже и забыла об этом. И еще такое дело: лежит она с компрессом на голове, а зять привез любимого ее внучонка Стасика. Живут они далеко друг от друга, видятся редко. Постонет немного, чтобы зять видел ее страдания, а через десять минут поднимется и уже тетешкает Стасика — капельку свою ненаглядную. А в «капельке» килограммов двадцать пять живого веса. Или так: она в отпуске была, а нам на работе дали машину за саженцами в питомник ехать. Мы все садоводы-мичуринцы отчаянные. Заехали за ней. Я командую: «Вставай, в машине ветерком обдует, все боли пройдут!» Поохала, поднялась и всю дорогу с бабами песни голосила...

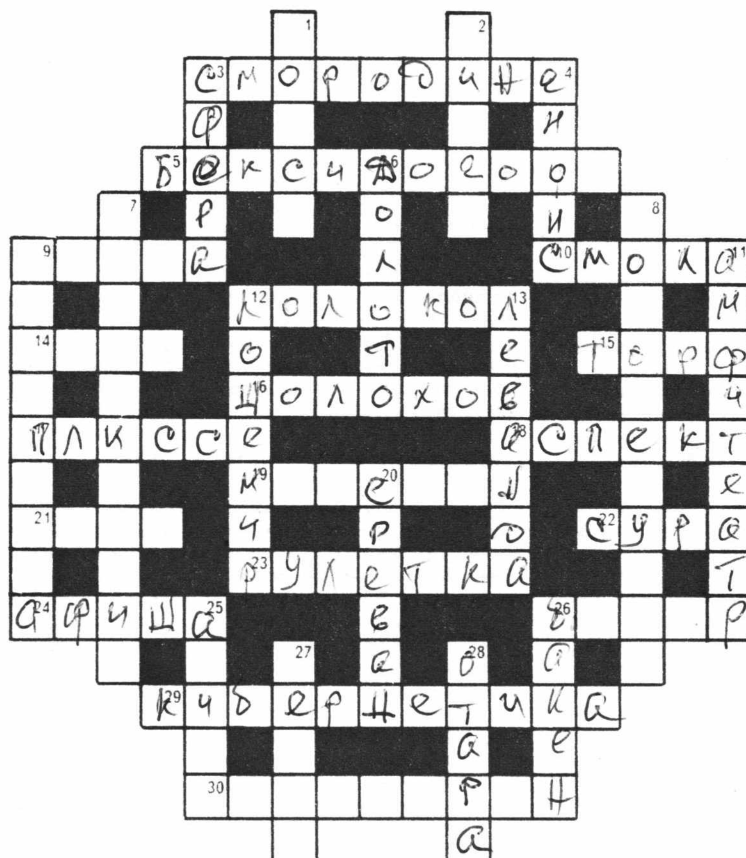
— Так что же это — симуляция, притворство?

— Ни в коем случае! Голова действительно болит, плюс мнительность и самовнушение. Всё на нервах. И если перевести ее внимание на что другое, то и удается отвлечь от болезненных ощущений. Да не в том дело. Народная мудрость гласит: «Брат любит сестру богатую, а муж жену — здоровую». У этой моей приятельницы хорошая семья — две дочери, сын, муж. Все ее любят и жалеют... Но вот лежит она или что-нибудь делает, а сама все о своих адских страданиях говорит. Дочь сидит, вяжет шапочку Стасику, я вглядываюсь в ее лицо и вижу, что она напряженно подсчитывает петли и ни одного словечка материнского не слышит. Так же и сын и невестка под ее жалобы думают каждый о своем. Безжалостность, скажете? Нет. Просто они привыкли к ее жалобам. Хуже всего с мужем, частенько выпивает. Трезвый он и компресс ей сменит и покушать приготовит. А выпьет... Нет, не скандалит, никогда не ударит ее, а оскорбляет всячески, спать не дает иногда всю ночь. Вот тебе и отношение его к болезни жены.

— Правильно, Зоя...— поддакнула Евдокия Семеновна.— С жалобами нужно обращаться очень экономно, и особенно нам — пожилым людям, чтобы о тебе не сказали: «Вы не волнуйтесь, не обращайте внимания, она вечно стонет». И скажет это не какой-то чужой, бессердечный человек, а ваш любимый внук, который вас очень любит и жалеет. Но он привык к вашим стонам и жалобам, слишком неэкономно вы ими пользуетесь. Я по себе знаю: или сильно разболится что-нибудь, или просто тоска навалится такая, что сил нет — хочется пожаловаться, похныкать и чтобы кто-нибудь обязательно пожалел, посидел бы рядом с тобой... Не верю я, чтобы нельзя было в этом случае сдержаться. Ну скрепись, прими лекарство, отойди куда-нибудь в сторонку, похнычь всласть одна, умойся водичкой холодной. А если уж почувствуешь, что дело плохо, тогда и скажи потихоньку, без паники: «Ребята, зовите «Скорую», что-то со мной неладно».

Тогда убедитесь, что любят вас, жалеют и действительно искренне боятся потерять.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Ягодный кустарник, медонос. 5. Город в Ленинградской области. 9. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Без вины виноватые». 10. Сок хвойных растений. 12. Газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. 14. Химический элемент, газ. 15. Горючее полезное ископаемое, удобрение. 16. Писатель, академик, лауреат Ленинской премии. 17. Мелкие складки на материи. 18. Точка зрения на определенное явление, понятие. 19. Скульптор, автор проекта памятника «Тысячелетие России» в Новгороде. 21. Зодиакальное созвездие. 22. Приток Волги. 23. Лента с делениями для измерений. 24. Объявление о спектакле, концерте, лекции. 26. Нотный знак. 29. Наука о получении, хранении, передаче и переработке информации. 30. Народный художник СССР, Герой Социалистического Труда.

По вертикали: 1. Вид бубна, распространенного в Средней Азии. 2. Сумма или разность двух алгебраических выражений. 3. Поверхность шара. 4. Лицевая сторона монеты, медали. 6. Деревообрабатывающий инструмент. 7. Советский тяжелоатлет, олимпийский чемпион. 8. Поэма Н. А. Некрасова. 9. Обработка металлов давлением. 11. Места в зрительном зале. 12. Шерстяная или хлопчатобумажная ткань с рубчиками. 13. Эфирномасличное растение. 20. Столица союзной республики. 25. Стихотворение А. С. Пушкина. 26. Плавающий навигационный знак. 27. Деталь велосипеда, мотоцикла. 28. Группа пасущихся вместе животных.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

По горизонтали: 1. Формула. 4. Универсиада. 9. Олеандр. 10. Смирнов. 13. Подтелков. 15. Сороки. 16. Елогуй. 17. Печенье. 18. Аппарат. 22. Железо. 23. Ирасек. 24. Войницкий. 25. «Ледоход». 27. Беллини. 28. Фейхтвангер. 29. Арташат.

По вертикали: 1. Флиер. 2. Муравьева. 3. Аракс. 5. Плутон. 6. Радиотелескоп. 7. Преподаватель. 8. Корбут. 11. Эдельвейс. 12. Эклиптика. 13. Пименов. 14. Везалий. 19. Тендер. 20. Приставка. 21. Секанс. 26. «Дойна». 27. Багет.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Герой Социалистического Труда, механизатор-первоцелинник Жансултан Демеев с внуком Канатом. (См. в номере материал «Такая гордая земля».)

Фото Л. Шерстенникова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: А кони-то! Золотисто-буланые, золотисто-соловые, белоснежные... (См. в номере материал «Нисийские кони».)

Фото А. Маслова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 20.09.82. Подписано к печати 04.10.82. А 00411. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2081. Заказ № 3055.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137 улица «Правды», 24.

Вершители зла и террора
Братаются вновь без стыда.
Но черной печати позора
Не смоют они никогда.

Шумят самураи-японцы,
Грозят, как грозили давно...
В стране Восходящего солнца
От сил реваншистских темно.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки Бор. ЕФИМОВА

Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

Законников из Вашингтона
Прельщает гуманный наряд,
Однако под видом закона
Они беззаконье творят.

Напуганный страшной картиной,
Дрожит пиночетовский сброд:
«Поздравил» его с годовщиной
Не сломленный хунтой народ.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

